

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3

Общественные науки

2015

№ 1 (137)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2015

№ 1 (137)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиришман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

Международные отношения

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

Психология

В. В. Макарова,
канд. филос. наук, доц.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ

К. Н. Любутину — 80 лет 5

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

Черепанова Е. С. Католицизм как фактор формирования австрийской культуры и философии: методологические основания и перспективы исследования 7

Никитин С. А. Политики обобщения: тип и изотип 14

Циплакова Ю. В. Трансцендентальный субъект в жизненном мире: от феноменологии Э. Гуссерля к постструктурализму М. Фуко 25

Гузикова М. О. «Weder Vorläufer noch Nachzügler Sein»: позиция Австрии по вопросу суверенитета Косово 35

Мельник Н. Б., Черняева Н. А. От импринтинга к «естественному родительству»: Конрад Лоренц и его влияние на идеологии материнства в XX в. 44

Лисовец И. М. Живопись Густава Климта в культуре рубежа XIX–XX вв. и начала XXI в.: секрет успеха 59

Немченко Л. М., Темлякова А. С. Репрезентация насилия (на материале кинематографа Ульриха Зайдля) 67

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Миронова М. В., Парыгин А. В. Анализ российской практики межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними ... 74

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели 81

Мухаметов Р. С. Эволюция партийной системы Свердловской области 91

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рыбаков С. В. К вопросу о российско-германских отношениях в канун Первой мировой войны 97

Мурашина К. Г. Россия — КНР: китайский взгляд на историю Второй мировой, Великой Отечественной и антияпонской войн на современном этапе . 112

Валиахметова Г. Н. Проблемы информационной безопасности в Азии 128

Безбородов Ю. С., Сухова О. В. Международно-правовые аспекты валютной интеграции Латинской Америки 136

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Пырьянова О. А. Методология исследования сексуальности: от З. Фрейда до М. Фуко 143

Сыманюк Э. Э. Психологические компоненты ответственности руководителей образовательных учреждений 155

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Благовестный М. Б. Античные истоки онтопсихологической философии 164

Емельянов Б. В. Свеча памяти Аввы Марка. К 150-летию М. А. Новоселова 171

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Пивоваров Д. В. Категория материи 180

Некролог 194

Авторы номера 195

Summary 198

ЮБИЛЕИ

В феврале исполнилось 80 лет Константину Николаевичу Любутину, видному российскому философу, профессору, доктору философских наук, главному научному сотруднику Института философии и права УрО РАН, академику РАЕН, заслуженному деятелю науки РФ и члену редакционного совета журнала «Известия Уральского федерального университета». Ниже мы публикуем краткий рассказ о творческом пути Константина Николаевича, подготовленный кафедрой истории философии и философии образования ИСПН. Редакция серии от всей души присоединяется к поздравлениям, с которыми обращается к юбиляру кафедра.

К. Н. ЛЮБУТИНУ — 80 ЛЕТ

25 февраля 1935 г. в деревне Папулиха Мантуровского района Костромской области родился К. Н. Любутин, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в жизни философского факультета Уральского государственного университета. В 1957 г. он окончил философский факультет МГУ и был направлен работать в Нижний Тагил преподавателем. В 1963 г. стал аспирантом по кафедре философии УрГУ (научным руководителем был профессор М. Н. Руткевич). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Антропологический принцип в немецкой философии XIX–XX вв.».

Уже сам выбор темы, которая остается главной для К. Н. Любутина на протяжении всей жизни и превратилась в направление исследований организованной им в 1969 г. кафедры истории философии, говорит о его

внимании к людям. «Проблема человека» всегда была для К. Н. Любутина не только научной проблемой. Он всегда с интересом и с удовольствием наблюдал за людьми, держал в поле зрения очень многих и помогал им справляться с трудностями — не только на работе, но и в жизни за пределами университета. К. Н. Любути́н всегда был тонким знатоком людей и прекрасно умел строить отношения в коллективе философского факультета, который возглавлял, как декан, с 1976 по 1989 г. Во время существования этого факультета там царила атмосфера взаимопонимания и диалога, конструктивного разрешения конфликтов с наименьшими потерями для научного сообщества. В формировании этой атмосферы — главная заслуга К. Н. Любутина. Его «философская антропология» с успехом претворялась в жизнь.

Тема докторской диссертации К. Н. Любутина — «Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии» (1973). Его монографии стали расширенным продолжением диссертационного исследования: К. Н. Любутина всегда интересовало, каким образом человек понимался И. Кантом и Л. Фейербахом, Э. Фроммом, российскими марксистами XX в. Не только младшее, но и среднее поколение современных философов даже и представить себе не может, с каким трудом К. Н. Любутина приходилось пробивать дорогу к исследованию человека как субъекта. Ведь понятие «личность» появилось в советской философии только в конце 60-х гг. (до этого данное понятие клеймилось как буржуазное, несовместимое с советским коллективизмом). И при этом оно определялось как «мера присвоения общественных отношений», то есть, в сущности, описывало только выполнение человеком предложенных ему социальных ролей. Понятие «субъект», которое ввел в советскую философию К. Н. Любути́н, предполагало не только исполнение порученного обществом, но и самостоятельную инициативу, активность выбора, творческое мышление. Все это характеризовало К. Н. Любутина как ученого и человека. Он — подобно древним грекам — жил полностью в соответствии со своим философским учением.

В 1981 г. К. Н. Любути́н стал заслуженным деятелем науки РСФСР, в 1992 г. — действительным членом РАЕН. С 1993 по 1999 г. избирался вице-президентом Российского философского общества. И по сей день его научная деятельность в Институте философии и права УрО РАН с успехом продолжается в кругу учеников и последователей.

Коллектив кафедры истории философии и философии образования департамента философии ИСПН Уральского федерального университета от всего сердца поздравляет К. Н. Любутина с юбилеем!

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

В октябре 2014 г. в УрФУ состоялся III Международный научный симпозиум «Австрия как культурный центр Европы». Его организаторами выступили Почетное консульство Австрийской Республики в Екатеринбурге, Институт философии и права УрО РАН и наш университет, являющийся крупнейшим научным центром изучения культуры Австрии на Урале. В этом номере мы публикуем статьи, подготовленные авторами на основе их выступлений на заседаниях секций и круглых столов. Тематика статей отражает комплексность анализа австрийской философии и культуры на симпозиуме.

УДК 1(091) + 272/273 + 008

Е. С. Черепанова

КАТОЛИЦИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АВСТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье ставится вопрос о влиянии религии на формирование национальной и региональной культуры и соответственно философии. Предлагается рассмотреть методологическую возможность понимания культуры Австрии как региональной, а философию — как самосознание этого культурного региона. В этом аспекте католицизм представляется основанием философской культуры и причиной неприятия немецкого идеализма, а также особого отношения к немецкому романтизму в австрийской философии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: национальная философия, философия культурного региона, религия, католицизм, философия в Австрии, немецкий романтизм.

Религия является одним из системообразующих факторов всякой культуры, «фундаментом», на котором основывается как философия, так и экономика (что убедительно показал М. Вебер). Соответственно когда говорят о национальной

типологии культур, то в ряде случаев религия оказывается главенствующим основанием типа. Так, едва только речь заходит о «русской идее», непременно указывается на православие как особый фактор формирования собственно национального в России. Соответственно кризис национального самосознания связывают с религиозным кризисом, а возрождение и восстановление погибшей русской культуры — с возвращением к истоку, к православной подлинности России.

В контексте историко-философского исследования русской философии особенность последней связывают прежде всего с ее религиозностью; «своеобразие русской философии (в том числе и идеалистической) мысли... по мнению наиболее радикальных защитников идеи своеобразия, заключается именно в предмете русской философии: предметом этим является не просто духовное, но религиозное начало в мире и человеке» [1, 21]. При этом в ряде работ акцент сосредоточен в основном на своеобразии православного *культа*, который определяет феномен «русской идеи». Ставится вопрос о связи принципов строительства православного храма с идеями мироустройства, космического и социального единства. На первый план выходят обряд, личность священнослужителя, его роль в жизни общества. С другой стороны, не менее важное значение придается исходным постулатам православия, которые превратились в сакрализованные идеалы русской культуры; с этой идеальной сущности культуры начинается проявление национального особенного в вещах и смыслах культуры.

Надо отметить, что существует мнение, что христианство как мировая религия едино в своих мировоззренческих корнях и не может быть обоснованием особенного в сфере идеалов, принимая ту или иную форму культа. Факт разделения церквей в этом случае должен означать разделение философии на соответствующие ветви и линии развития, что предполагает типологию философии по религиозному признаку. Но философы одной веры могут занимать противоположные мировоззренческие позиции, симпатизировать «иноверцам» и т. д., — такого рода аргументы оставляют вопрос о влиянии религии на формирование национального культурно-исторического типа философии открытым.

Австрийская культура и философия могут быть более полно интерпретированы не столько как национальные, сколько как региональные в силу целого ряда обстоятельств, к которым относятся и политэтничность этого региона, и множество языков, на котором говорили представители данных общностей, и конкуренция между германской и австрийской государственностью. Методологически это позволяет типологизировать философию данного региона, фундируя эту типологию не общностью языка и религии, а историей формирования региональной целостности, отношением к объединяющей регион религии и языку государственного общения.

Что касается региональной культуры, то роль религии в идеологическом объединении носителей культуры очень велика. Если регион не объединен общностью языка, если единый язык не является основанием национальной идеи, то фактором объединения оказывается вера, а единым языком оказывается язык, на котором ведется богослужение, язык религиозного культа, религиозных символов. Регион складывается в исторических условиях становления общей хозяйственной

деятельности, вынуждающей к «приведению» культур к общим идеалам, каковыми оказываются религиозные идеалы, определяющие, в свою очередь, семейные отношения, быт, особенности мировоззрения и т. п.

Оказавшись в исторической ситуации региональных отношений, культура отстаивает благодаря «своей» религии свою автономность, отчего может поддерживать разного рода расколы, реформационные движения или же, напротив, явно консервирует «старую» религию в том случае, если «центр» склоняется к более модернизированной версии этой религии. Всякая развивающаяся культура переживает расцвет в период живого влияния религии, поэтому региональная культура проявляет относительно «своей» религии «болезненную» заботу о сохранении ее актуального влияния. В свете этого своего рода фундаментализма региональная культура выглядит порой достаточно консервативной, традиционной, что оказывается опять же дополнительным стимулом к конкуренции с национальными культурами.

Может показаться, что стремление к религиозному объединению явно выражается в региональной культуре, однако это не так. Культуру объединяет не только наличие религиозных идеалов, но и бессознательная потребность регионального сознания выражать отношение к такому объединяющему фактору в различных культурных формах. Объединяя регион, религия не формирует тотальную религиозность регионального сознания, но порождает ситуацию неконструктивной критики религии «вообще», своего рода негативного атеизма как попытки преодоления иллюзорной общецивилизационной отсталости. Идеологически склонная к интернационализму, региональная культура при ее внешней открытости не позволяет посягать на важный для нее в деле объединения фактор религиозного единства.

В силу этого могут возникнуть расхождения и споры представителей различных типов культур, основанием которых является защита своих религиозных идеалов. С другой стороны, для сохранения политического и духовного единства в региональной культуре может возникнуть известная веротерпимость в ситуациях примирения сосуществующих на одной территории разных народов.

Естественно, что «главная» религия региона во многом определяет региональную философию не только как внешний исторический фактор, но и как заданную схему регионального мышления, мировоззренческий горизонт. Это, однако, не позволяет считать религию основанием типологии философской культуры, так как в конечном итоге уникальной оказывается только собственно судьба региона, в которую вовлечены судьбы народов, населяющих ее территорию, их культура и соответственно религия. Особенной оказывается роль религии в формировании «лица» региональной философии.

Возможно, не так явно, но достаточно очевидно обнаруживается в «западном» мировоззрении влияние разновидностей христианства, прежде всего возникшего в эпоху Реформации протестантизма. Отношения католической и протестантской культуры развивались достаточно драматично, и в ходе этого развития сформировались и нации, и регионы. Соответственно в философии так или иначе нашел отражение вопрос о принципиальном месте человека между Богом и миром.

Выросший в католической культуре философ не может предоставить человеку ту степень свободы, которая дана в протестантской культуре: М. Вебер достаточно четко определил суть протестантской идеологии «предпринимательства».

В философских произведениях И. В. Гёте, особенно на страницах «Вильгельма Мейстера», очень подробно раскрывается суть «призванности» человека Богом в протестантской религиозной культуре, когда профессия (Beruf) не просто любимое дело или работа, но буквально божественный призыв (be-ruf), который должен постараться услышать каждый. Протестант верит в то, что Бог будет «звать» его на родном языке, что он может даже понять Бога. Если человек будет развивать себя, будет чувствовать себя призванным на высшее творчество, то он может постичь суть творения. «Самое лучшее, конечно, если можно ограничиться каким-нибудь ремеслом. Для наиболее ограниченного ума это будет только ремесло, для более обширного — искусство; а что касается высшего ума, то... если он что-нибудь делает, то в одном он все совмещает... он видит как бы подобие всего, что может быть правильно создано» [3, 215]. Человек как бы ближе к Богу, отчего подобно Богу способен к творчеству и преобразованию, может посмотреть на мир в целом издалека, и, поднявшись до диалога, человек позволяет себе судить о мире «вообще».

Католическая культура не располагает философа к такому идеализму, так как понять мир невозможно, как невозможно постичь промысел Божий. Уважение к Богу может проявляться в том, что католик верит без доказательств в то, что есть великий единый божественный план творения, но цель этого плана непостижима для слабого разума. Зато человек вправе — и это ему по силам — бесконечно разглядывать отдельные детали мироздания и по мере возможности толковать и интерпретировать их. Но ни о каких «вообще» не может быть и речи. Любое предложение системы должно рассматриваться как богохульство, теоретизирование стремления к конструкции идеальной реальности, от чего необходимо по возможности воздерживаться.

Французская философия, как в ранних, так и в классических образцах Просвещения, никогда не представляла схему мира, а была ориентирована на конкретного человека, носителя чувств, на основе которых формируется его мироотношение. При всем возможном стремлении к обновлению религии католическая культура воплощает в философии особенные схемы мышления, пути движения логического ума и набор определенных верой смыслов и ценностей.

Католицизм использовался Габсбургами как главный фактор, объединяющий в единое имперское целое различные народы, которые проживали в их владениях. Языком латыни и освященным мировоззрением он объединял людей разных этнических культур по самой сути веры, ставящей «кафоличность, вселенскость и всеобщность» во главу угла. Даже во времена Иосифа II (1780–1790), когда от католической церкви требовали не столько подвига монарха, сколько влияния духовника, католическое мировоззрение всякий раз противодействовало принятию в Австрии протестантской культуры Германии. Католицизм оказывался значительной политической силой, вмешиваясь в лице конкретных партийных лидеров в социально-историческую реальность, вновь воспроизводя в культуре

надежность религиозных идеалов. Так, в период расцвета пангерманистских настроений, наряду с действующим «Немецким союзом», одной из сильных партий «была Христианско-социальная партия Австрии. Она образовалась в конце XIX в. и сыграла большую роль в политической жизни Австрии» [7, 145].

Влияя как мировоззрение, католицизм выступал в австрийских пределах как «практическая метафизика», определившая барочность мирозерцания австрийца, а также породившая в качестве своего противника и дополнения строгий эмпиризм, который стремился элиминировать теологические (а заодно и философские, «метафизические») проблемы. Позитивизм, как известно, был врагом теологии, но с религией предпочитал жить в мире, разграничивая сферы влияния.

Региональная австрийская культура, конкурируя с национальной немецкой, складывающейся в Германии, определяла свою идентичность в значительной мере именно через католицизм. Разумеется, в разные периоды истории державы Габсбургов отношение к Германии менялось, немецкая философия и литература оказывались то объектом поклонения, то поводом для непримиримой критики, так что политическим планам сторонников объединения немцев противостояли порой и культурные факторы: литературные споры с немецким романтизмом и принципиальное неприятие систематической философии Гегеля и Канта. Но такое противостояние, последовательное обособление и определение своего особого пути развития для Австрии были бы невозможными, не будь в этом регионе доминирования католической веры.

Интересно, что под влиянием романтиков она обретает новое значение, и рождается своего рода особый «романтический католицизм, который будет совершенно отличным от романтических идеалов и католических воззрений» [8, 653].

Известно, что романтизм в истории философии был оппозицией просветительской доктрине, которая, подкреплённая успехами политических перемен, стала символом цивилизационного прогресса. В политическом плане это была оппозиция либеральной идеологии, когда идее о «всеобщем» мире противостояла идея органичного, «почвенного» развития народа, который должен отстаивать право на сохранение в грядущем своих традиций, «камней и могил». Первым «звонком» было движение «Бури и натиска», через которое прошли в своей философской эволюции Гердер, Шиллер, Гёте, Якоби. Собственно же кодекс романтизма сформировался в рамках деятельности Йенского кружка, где братья Шлегели, Новалис, Л. Тик, В. Г. Ванкродер определили суть нового мировоззрения.

Романтики во всем перечили просветителям, и этот негативизм по отношению к состоявшейся, завоевавшей даже королевские дворы философии сделал романтизм олицетворением свежей мысли. Европа жила переменами, революциями, и всякое новое воспринималось интеллектуальной элитой как условие развития, как признак исторических изменений. Свобода — идеал романтиков, свобода духа, гения, свобода, которая угадывалась, но не выражалась в скучных декларациях, — убеждала европейскую интеллектуальную элиту в том, что пора пересмотреть отношение к просветительскому энтузиазму. Мир, представленный в философских рассуждениях романтиков, был полон тайн, природа оказывалась не объектом изучения, механическими часами, а живым сосудом духа, полного

иррациональной возвышенной красоты. Скучный математический скепсис просветителей сменил призыв довериться чувству, противоречивым сомнениям, воле истории и силе воображения. Правдивой, естественной и оттого незстетичной в своей научности картине мира противостояла меняющаяся романтическая реальность, призывающая ценить уникальность мгновения, его магическую силу исключения во всеобщем ожидании необходимости. Романтики противопоставили символичность поэзии и психологизм философских романов однозначности понятий просветительской науки.

«Кто чувствует большую тоску по природе, кто ищет в ней всего и кто есть как бы чуткое орудие ее тайнодеяния, тот признает только того своим учителем и наперсником природы... в чьих пределах волшебная, неподражаемая вникновенность и нераздельность» [4, 187]. Природа, описанная поэтически, раскрывает читателю подлинную мистику жизни, дает возможность пережить трепет сопричастности к этой жизни, не покушаясь на ее тайны.

Такой подход позволяет увидеть историю, в том числе и современную, как непредсказуемый поток символических событий, разгадать смысл которых под силу только герою, гению-одиночке, а не мещанской толпе. Условность светской жизни, благополучие общественного договора были объявлены тюрьмой любящему сердцу и творческой личности.

Романтики заставили по-новому увидеть народный фольклор, мифологию; сказка оказалась ценнее сухих летописей истории, так как рассказывает о таинствах жизненного потока истории.

Собственно, и религия была подвергнута переоценке. Тогда казалось, что жанр философии — это остроумный атеистический памфлет и искренняя вера противоречит философии как предрассудок. Но романтики призвали возвратиться к вере, к христианству в старокатолическом варианте. «Христианская религия в особенности замечательна тем, что она так решительно взывает к простой доброй воле человека и ценит ее независимо от степени его умственного развития. Она стоит в оппозиции науке, искусству и наслаждению в собственном смысле слова» [5, 229]. Многие из романтиков пережили религиозный кризис, отвергая абстрактную разумность протестантской культуры, а Ф. Шлегель в 1808 г. принял католичество.

Это обстоятельство, а также антипросветительский настрой романтиков определили расположение к ним австрийского двора, куда были приглашены А. Г. Мюллер и Ф. Шлегель. Имперская идеология, крайне расшатанная идеями социального атомизма, лозунгами о национальных автономиях и правах народов, увидела в романтической критике рационализма, иррациональном обосновании органицизма неожиданную поддержку.

Философия романтиков была воспринята именно как оправдание централизма, который должен быть принят как условие органического единства проживающих на обширных территориях народов. Взаимодействие культур интерпретировалось как таинственная алхимия истории, к которой нельзя подходить с примитивной логикой механицизма. «Австрийские католики рассматривали романтические основания социального учения как естественный результат исторических традиций Австрии» [9, 35].

А. Г. Мюллер, как было принято у романтиков, апеллируя к Средневековью, обосновал монархию как единственно возможную форму правления, так как монархия представляет собой идеал органической связи части и целого, индивидуальности с органическим целым. Коммуны, корпорации, города и семьи — эти «жизненные круги», вовлеченные в связь с целым, — с этим готовы были согласиться представители австрийского социального католицизма. В рамках такого мировоззрения неизбежный индивидуализм эпохи согласовывался с необходимостью сохранения в Австрии корпоративных связей и традиций органичного сосуществования культур. Однако «мода на романтиков» в Австрии достаточно быстро сошла на нет, так как сказалась несовместимость идеалов. «В то время как католик ищет мир, чтобы в нем жить и действовать, усиливая его действительность теологической направленностью мировоззрения, романтик использует свою встречу с миром фактически для того, чтобы убежать в псевдотеологическую нереальность и недействительность» [9, 35].

Не состоявшийся в конечном итоге как идеология, романтический католицизм, как недостижимый мировоззренческий идеал, тем не менее проявлялся в философии более позднего периода. Это происходило потому, что католические схемы мышления определяли тип философствования и требовали некоей актуализации и оправдания. Отчего разрешалось указанное выше противоречие, когда индивидуализм, следующий тезису о стихийности живого, неожиданно дополнялся рассуждением об органичности и естественности «простой» жизни, о необходимости восстановления общинных связей и т. д. То есть романтизм принимался как критика абстрактного рационализма, но не использовался конструктивно в качестве рецепта спасения. Так, например, Ф. Маутнер, испытывая восторг по поводу философии Ф. Ницше, принимая его романтическую критику рационализма, тем не менее не переходит к вопросу о роли личности в грядущей истории. В качестве решения проблемы выдвигается критика языка, которым невозможно описать трансцендентное и говорить о Боге.

К. Лоренц, биолог, нобелевский лауреат, автор работ в русле экологической философии, в значительной степени основывается на классическом романтизме, придавая ему виталистическое звучание. Но романтизм принимается им как критика цивилизации, выход же из экологического тупика видится ему в восстановлении ценностей старой культуры небольших европейских городков, в естественном ограничении потребностей, так что в определенной степени воспроизводятся ценности социального католицизма.

Католицизм с его неизбежным консерватизмом становился надежной точкой опоры мятущегося сознания австрийцев во времена бурных политических перемен, противостоял распространению атеизма и моды на «темный Восток». Социальный католицизм, который развивался в Австрии под руководством епископа Кеттлера, консервировал веру в традиционные ценности «старых добрых времен», в цеховую мораль [6, 82]. Такое стабилизирующее влияние, формирование «внутренних тормозов» в сознании австрийцев во многом привело к тому, что они всегда предпочитали реформы революциям, что позволило создать эффективно действующий по сей день механизм разрешения социальных конфликтов. Таким образом, не

следует понимать влияние католицизма как чисто религиозный, политический или идеологический фактор, оно превратилось и в фактор ментальный: можно говорить, вслед за П. Кампитцем, о католической схеме мышления [2, 152] в Австрии.

1. *Зотов А. Ф.* Существует ли мировая философия? // *Вопр. философии.* 1997. № 1.
2. *Кампитц П.* Австрийская философия // Там же. 1990. № 12.
3. *Кон И.* Страннические годы Вильгельма Мейстера // *Лики культуры.* М., 1995. Т. 1.
4. *Новалис.* Гейнрих фон Оффтердинген. СПб., 1995.
5. *Карлель Т.* Новалис: литературный этюд // *Новалис.* Генрих фон Оффтердинген.
6. *Овсиенко Ф. Г.* Эволюция социального католицизма. М., 1987.
7. *Шейнман М. М.* Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в. М., 1958.
8. *Baum W.* Der Josefismus im Spiegel der Kritik Lessings, Wilands und Herders // *Verdrängter Humanismus und verzögerte aufklärung.* Wien, 1992.
9. *Diamant A.* Die Österreichischen Katholiken und die Erste Republik. Wien, 1960.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

УДК 303.1:316.772.2 + 165.62

С. А. Никитин

ПОЛИТИКИ ОБОБЩЕНИЯ: ТИП И ИЗОТИП

Предмет статьи — сравнение двух версий обобщения в социальной теории. Первая версия была разработана ведущим социальным теоретиком «Венского кружка» Отто Нейратом, другая была создана социологом австрийской школы экономики Альфредом Шюцем. В центре и той и другой версии — истолкование коммуникации между людьми, в той и другой версии интерпретировался язык повседневного общения. Тем не менее результаты оказались совершенно несовместимыми, поскольку Нейрат создал новый язык пиктограмм, позднее названный ISOTYPE, а социальная феноменология Шюца представила социальную реальность многоуровневым переплетением контекстов социальной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: идеальный тип, ISOTYPE, австрийская экономическая школа, феноменология, физикализм, марксизм, социальная теория.

В 1932 г. вышла в свет первая книга Альфреда Шюца «Смысловое строение социального мира». Юрист по образованию и банковский служащий, Шюц был в то время постоянным участником организованных Людвигом фон Мизесом семинаров, которые проходили в Австрийской торговой палате и с которых началась история так называемой новой австрийской школы экономики. Создавая свою первую книгу, Шюц стремился на основании экономической теории австрийской школы развить либертарианскую теорию общества. В то же самое время и в том же городе Отто Нейрат стремится найти место научной социологии в той единой науке, задачу создания которой пытались решить участники «Венского кружка»,

причем прообразом научной социологии в глазах активиста «красной Вены» и убежденного социал-демократа Нейрата был марксизм.

Участники двух созданных в Вене в 1920-е гг. объединений интеллектуалов — «Венского кружка» и новой австрийской школы экономики — постоянно встречались друг с другом и неплохо представляли себе сильные и слабые стороны друг друга. Тесной личной связью с «Венским кружком» и хорошим знакомством с кругом его идей Шюц был обязан в первую очередь одному из участников «Венского кружка» и своему близкому другу Феликсу Кауфману. Оценивая вклад Кауфмана в свою первую книгу, Шюц писал, что он «с неослабевающим интересом» сопровождал «работу над книгой во всех ее фазах» [5, 688]. Отсутствие в книге Шюца каких-либо упоминаний о существовании социологии Нейрата невозможно объяснить неведением автора. Такая социология оказалась не просто неприемлемой для Шюца, но вообще не совместимой с его социальной теорией; с другой стороны, социальная феноменология Шюца никоим образом не повлияла на социологию Нейрата в силу все тех же обстоятельств. Между тем того и другого автора объединяла коммуникативная теория общества, причем образ общества, по мнению и того и другого автора, строился из материала, предоставляемого языком повседневного общения. Сохраняя верность разным политическим идеологиям и используя разные методологии, Нейрат и Шюц предложили альтернативные способы перехода от фактов к общей социальной теории. Каждый из способов обобщения был связан с политическими убеждениями автора, в каждом из них отразилась та организационная деятельность, в которой участвовали авторы. Сравнительному анализу этих двух политик обобщения и посвящена представляемая статья.

Аристотель считал политику самым важным и самым всеобъемлющим общением из числа тех многообразных общений, в которые всегда включен каждый человек. Каждое общение направлено на совершение благих дел, но «больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [1, 376]. Наиболее совершенная форма общения вместе с тем должна быть еще и формой общения, «дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям» [Там же]. Стремления людей реализуются в самом совершенном общении, потому что оно «обнимает собой», или, иными словами, организует, все прочие формы общения, присутствуя в каждой из них. В каждом виде общения присутствует политическое, так что, исходя из принятого в начале XX в. словоупотребления, Макс Вебер пишет: «Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*» [2, 644]. Сравнивая и сопоставляя разные способы понимания политики, Вебер считает возможным называть «политикой» «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [Там же, 646]. Влияние на распределение власти можно оказать, объединяя разные формы общения в политической форме общения, вне зависимости от того, будем ли мы считать

эту форму общения высшей в определенных обстоятельствах или отведем ей то место, которого она заслуживает. Реализуя свое стремление к самостоятельному руководству, политик создает онтологию, обосновывающую необходимость агрегирования поведенческих актов в рамках политической формы общения. Политическая онтология предоставляет не только общий образ общества, но и предсказуемые способы его применения в построении социальной теории, в педагогике, в политической деятельности.

Язык пиктограмм, именованный Венским методом рисуночной статистики (Wiener Methode der Bildstatistik) и позднее названный ISOTYPE (от International System Of Typographic Picture Education, международная система обучения при помощи печатных рисунков), был создан Нейратом в сотрудничестве с художниками Гердом Арнтцем и Мари Райдемайстер (позднее — Мари Нейрат) в 1920-х гг. Его теоретическим обоснованием стали статьи о единстве наук, социологии и экономике, написанные Нейратом в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Более чем скромные результаты применения этой системы позволяют сегодня рассматривать ее только как любопытный эпизод в истории графического дизайна, напоминающий о прочих, не рисуночных, но столь же малоудачных международных языках, и в первую очередь о Basic English, с которым ее чаще всего и сравнивают. Между тем не для того был создан ISOTYPE: явившись на пересечении основных путей развития научной и политической деятельности Нейрата, он был воплощением самых серьезных намерений постичь и переустроить общество.

Но прежде всего этот язык был воплощением теорий логически совершенного языка, которыми увлекались представители Венского кружка. Физикализм, идеологическая позиция, отстаивавшаяся в первую очередь Рудольфом Карнапом и Нейратом, была занята ими для того, чтобы реализовать общую программу Венского кружка, да и всего так называемого «позитивизма», и избавиться, наконец, предложения науки от метафизических и теологических остатков, удаляя за пределы единой науки то, что очистке не поддается. «То, что невозможно считать единой наукой, следует воспринимать как поэзию или как литературу» [6, 49]. Физикализм, предполагал объединение наук, но, для того чтобы в искомом единстве не терялось своеобразие, Нейрат предлагал создать единую науку в форме своего рода энциклопедии. Науки объединялись не в одну-единственную высшую или универсальную дисциплину: напротив, они сохраняли самостоятельность, подчиняясь общему порядку. «Для “физикализма” принципиально важно, чтобы *одна-единственная* разновидность *порядка* была основанием всех законов, о какой бы науке ни шла речь: о геологии, о химии, о социологии» [Там же, 54]. Порядок в науках создается и сохраняется в виде синтаксиса языка наук. «Для того чтобы создать единую науку... необходим *единый язык с единым синтаксисом*» [Там же, 59]. Поскольку важен именно синтаксис, прообразом единого языка науки становятся формальные языки логики и математики, или шифры и коды. «В языке существенен только порядок, и это обстоятельство уже передает последовательность знаков кода Морзе» [Там же, 62].

Научная деятельность — работа с предложениями научного языка, но никак не сопоставление предложений с вещественной реальностью. «Предложения всегда

сравниваются с предложениями, и уж, конечно, не с некоторой “реальностью”, ни же с “вещами» [Там же, 54]. Развитие науки — изменения языка науки. «Язык существенен для науки, все преобразования науки происходят внутри языка, а не в результате противопоставления языка “миру”, тотальности “вещей”, разнообразие которых он предположительно отражает» [Там же]. Вот почему такое сопоставление языка и мира и невозможно, и ненужно. Карнап противопоставлял друг другу «монологический», или феноменалистский, язык и «интерсубъективный», или физикалистский, язык. Нейрат считает такое противопоставление излишним в силу первичности физикалистского языка, причем под его пером физикалистский язык запросто отождествляется с языком физики, а затем и с естественным языком. «Легко показать, что такое различие невозможно произвести, поскольку, наоборот, только один язык существует с самого начала, и это — язык физики. Язык физики учат с самого раннего детства. Если высказываешь предсказания и пытаешься их самостоятельно проверить, приходится пользоваться часами и линейкой; одним словом, человек, которого считают изолированным, уже использует интерсенсуальный и “интерсубъективный” язык» [6, 54–55]. Коль скоро это так, физикалистский язык отнюдь не специализированный язык современной физики, но простой и общедоступный язык, позволяющий объединять чувственные данные и проверять их, не используя при этом никаких метафизических или теологических гипотез. Это повседневный язык, на котором говорят такие антиметафизические и анти-теологические существа, как дети и «дикари». «В некотором смысле отстаиваемый здесь взгляд исходит из данного состояния повседневного языка, который в начале по своей сути бывает физикалистским и только постепенно смешивается с метафизикой... Язык физикализма, как говорится, не нов; это и есть тот язык, что хорошо знаком некоторым “наивным” детям и народам» [Там же, 66]. Оставив нетронутым образ законов науки, записанных языком математики в великой книге природы, отказавшись искать метафизику и теологию в *этом* образе, Нейрат заключает, что наука не просто пользуется физикалистским языком, но исследует его, посвящена ему. «Именно физикалистскому языку, *единому языку*, посвящена вся наука: нет никакого “языка явлений” помимо “физического” языка, никакого “методологического солипсизма”... никакой “философии”; никакой “теории познания”; никакого “нового мировоззрения”... есть *только единая наука* с ее законами и предписаниями» [Там же, 68]. Программа избавления науки от теологических и метафизических остатков становится программой создания и использования единого языка, во-первых, структурного и формального, но, во-вторых, наглядного и общедоступного.

Такой язык мог стать инструментом государственного и партийного планирования. Исследовательница экономических теорий Нейрата Элизабет Немет (Nemeth) пишет о том, что столь часто встречающиеся в его творчестве понятия «единство», «единообразие», «объединение» и т. п. не стоит воспринимать в рамках одной лишь теории науки, но связывающий их путь «следует считать результатом *практики*, направленность которой определяется противопоставлением индивидуальной воли и общественных нужд» [8, 275]. Противопоставляя рыночную экономику реальной экономике, Нейрат отвергает единство одной во

имя единства другой. Рыночная экономика унифицирует, поскольку она будто бы сводит все на свете к прибылям и убыткам, размеры которых вычисляются в денежной форме. Напротив, реальная, или естественная, экономика вычисляет удовольствие и боль реальных людей, исходит из условности любых денежных измерений в экономике и возможности вообще отказаться от них в будущем. Поэтому реальная экономика — это экономика единой цели развития, для достижения которой необходимо полагаться на централизованное государственное планирование.

Замена единого способа измерения единственной общей целью представляется вполне возможной, поскольку Нейрат полагает, что, уже исследуя современное рыночное общество, экономика полагается на представление о неизменной природе человека и открывает в обществе действие некоторых «механизмов». «Политическая экономия... в общем, считает людей неизменными, а затем исследует, например, какими последствиями для существующего экономического порядка оборачивается действие рыночного механизма» [6, 82]. Считая такого рода стратегию в экономике современным достижением, а не недостатком, от которого экономисты рубежа XIX и XX вв. с большим или меньшим успехом пытались избавиться, вполне возможно заняться централизованным планированием на практике, что и продемонстрировал Нейрат: сперва — как глава службы экономического планирования Баварской республики 1918–1919 гг., а затем — как социал-демократический активист в «красной Вене» 1920–1930-х, руководитель и участник сообществ взаимопомощи рабочих, создатель социального и экономического музея в новой ратуше, преподаватель в школах для взрослых и т. п. После того как был создан «венский метод рисуночной статистики», он активно применялся и в пропаганде централизованного планирования, и в самом планировании. Нейрат и его соратники предлагали его всему миру, возлагая при этом особые надежды на СССР с его пятилетками и институтом изобразительной статистики ИЗОСТАТ.

Язык науки призван играть важную роль в обществе. Поскольку этот единый язык непременно должен быть общезначимым, именно ему Нейрат приписывает способность синтезировать чувственные данные и объединять людей: такой язык еще только будет объединять науки, но и чувства, и людей он уже объединяет. «Единая наука выражает себя на едином языке, общем для слепого и зрячего, глухого и способного слышать, он “интерсенсуальный” и “интерсубъективный” ... “Интерсенсуальный” и “интерсубъективный” язык в общем зависит от *порядка* (“следует”, “между” и т. д.), т. е. от того, что можно выразить последовательностью знаков в логике и математике» [Там же, 62]. Таков искомый язык энциклопедии наук. Это язык природного и социального порядка, язык свойств и отношений, уже существующих в реальности и равно управляющих поведением любого человека, вне зависимости от того, владеет ли он всеми своими чувствами или лишь некоторыми из них. Такой язык будет не только объединять простоту и доступность с научностью, не просто станет «объединением терминологий и научных символик всех разновидностей» [Там же, 140], но и поспособствует созданию научной теории общества в виде эмпирической социологии.

Марксизм — прообраз эмпирической социологии Нейрата. Он настолько соответствует принципам физикализма, что Нейрат готов выделить единый синтаксис научно-идеологической и социально-экономической теории. «Марксизм содержит социологию самого эмпирического вида. Самые важные принципы этого направления, которые используются для *предсказаний*, либо уже сформулированы физикалистски, насколько такое возможно при помощи традиционного языка, либо их можно перевести на физикалистский язык без существенных потерь» [6, 2]. Социология марксизма, как и экономическая теория, на которую она опирается, представляет собой разновидность социальной теории, не оставляющей места ни для какого-либо «понимания», ни для эмпатии или «вчувствования». Объединение наук в единую энциклопедию и использование единого языка предполагает избавление некоторых наук от этих понятий. «Дуализм “науки о природе” — “науки о духе”, дуализм “философия природы” — “философия культуры” в конце-то концов только *остаток теологии*» [Там же, 69]. Для того чтобы избавиться от вредной привычки подразделять науки на противостоящие друг другу группы, необходимо изгнать из социальных наук «душу», «сознание», «понимание» и, наконец, с чистой совестью утверждать, что «...социология — это не “духовная наука”, не “наука о душе”, в самих своих основаниях противостоящая другим наукам, естественным наукам, но, *будучи социальным бихевиоризмом, социология — часть единой науки*» [Там же, 71]. Торжество социального бихевиоризма вполне возможно вообразить, если представить возможность, как то и делает Нейрат, теории понимания неудачным способом объяснить пока еще не ясное. А в действительности исходная «ситуация ничем не отличается от заключений о темной стороне Луны на основании наблюдений за ее освещенной стороной» [Там же, 72]. То, что обыкновенно объясняют при посредстве «теологических» понятий души и духа, в действительности следует считать неизвестным в настоящее время, недоступным в данный момент. Нет ничего необычного в том, что мы объясняем неизвестное, исходя из уже установленного, а потому нет необходимости использовать пережитки теологии в социальной науке, и, свободная от этих пережитков, она становится социальным бихевиоризмом.

В борьбе с метафизическими, или даже магическими, допущениями в социологии Нейрат предлагает рассматривать группы политических животных с позиции бихевиоризма, поскольку он считает, что, благодаря такому рассмотрению общества, «открывается путь к *социологии, свободной от метафизики*. Подобно тому как мы можем рассматривать поведение отдельных животных, по аналогии с поведением машин, звезд, камней, так мы можем рассматривать поведение групп животных» [Там же, 74]. Социология призвана рассматривать поведение людей столь же объективно, как астрономия рассматривает движение звезд, а классическая механика — падение камней, навсегда позабыв о теории мотивации. «От этих, по большей части метафизически сформулированных, “споров о мотивации” избавлена как эмпирическая социология, стремящаяся к плодотворной работе, так и самая успешная социология наших дней: марксизм» [Там же, 79]. Суровой критике подвергаются все те, кто пытался объяснять поведение людей в обществе, прибегая к этой отвергнутой теории. Когда такой историк, как Макс Вебер,

объясняет поведение протестантов эпохи Реформации, что бы он сам ни писал о своей методологии, пользуется он, по мнению Нейрата, обыкновенными аналогией и индукцией. Он просто сравнивает, сопоставляет факты и делает выводы из таких сопоставлений. «Совершенно законно, если он пытается предсказать поведение людей других эпох, варьируя свое собственное хорошо известное поведение, хотя порой это и заводит в тупик. Однако не стоит ожидать, что “эмпатия” обладает особенной магической силой за пределами обыкновенной индукции» [6, 73]. Рисуночное письмо идеально выражает саму суть эмпирической социологии Нейрата. Легко опознаваемые изображения людей и вещей сохраняются, сохраняя связь с миром чувств и общественных отношений, позволяя объединять, обучать, управлять. Вместе с тем единица членения внутри кодифицированного языка пиктограмм становится непроницаемой: социологический иероглиф лишен индивидуальности как раз настолько, чтобы любые попытки говорить о мотивации единичных поступков индивидов, как в теории, так и на практике, показались смешными и нелепыми.

«Смысловое строение социального мира» Шюца стало первой книгой по социологии новой австрийской школы экономики. В основание этой теории были положены как раз те положения, которые Нейрат отбросил, полагая, что это и есть пережитки, никак не позволяющие создать научную социологию. Эти положения, с одной стороны, были заимствованы из экономической теории австрийской школы, разрабатывавшей экономическую теорию, которая учитывала многообразие индивидуальных действий. С другой стороны, как сообщает Шюц буквально в первой же фразе, «истоки настоящей книги заключены в многолетней напряженной работе над трудами Макса Вебера» [5, 687], причем, разрабатывая теорию идеальных типов, Шюц отнюдь не отказывался и от теории «понимания».

Формулируя теорию австрийской экономической школы в «Основаниях политической экономии» (1871), Карл Менгер, связал понятие ценности с социальным знанием и создал тем самым вариант так называемой субъективной (или маржиналистской) теории ценности. Для того чтобы «вещь» стала благом, недостаточно одних ее объективных свойств, нужны еще те, кто способен познавать и использовать эти свойства. «Полезность — это годность предмета служить удовлетворению человеческих потребностей, и потому (именно как *познанная* полезность) она является общим условием характера благ» [3, 130]. Чисто объективное понятие ценности невозможно потому, что «вещь» не может стать благом или товаром в отсутствие того, кто познает ее полезные свойства. «Ценность — это суждение, которое хозяйствующие субъекты имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и потому вне их сознания не существует» [Там же, 132]. Экономическая реальность складывается из разнонаправленных действий разнообразно информированных агентов действия, обменивающихся плодами своей деятельности. Разделение на рыночную экономику и реальную, или естественную, экономику предстает тем, чем оно всегда и было, — надуманной теоретической конструкцией. Вопреки всей риторике противников денег и рынка, деньги — всего лишь несовершенный

(но и самый совершенный из всех известных) способ учета разнообразия ценностных суждений участников обменных операций, а рынком обыкновенно называют то вполне условное место, где осуществляются эти операции. Попытки приписать единообразию природе или поведению индивидов, распространенные в политической экономии до «маржиналистской революции», после появления субъективных теорий ценности сохраняют значимость разве лишь для истории экономической мысли.

Третье поколение австрийской школы, к которому принадлежал и Шюц, начинает свой путь в экономику и социологию с обсуждения книги фон Мизеса «Социализм» (1922). Доказывая неосуществимость любых социалистических теорий, фон Мизес исходит из противопоставления стихийно сложившегося общества попыткам современных Франкенштейнов искусственно организовать его. «Стремление “организовать” общество есть намерение столь же безумное, как попытка расщепить живое растение на части, чтобы из этих мертвых частей составить новое... Большевики, таким образом, вполне логичны в своем желании разорвать все традиционные общественные связи, разрушить здание общества, которое создавалось бесчисленными столетиями, чтобы на руинах воздвигнуть новую структуру. Они только не учитывают того, что изолированные индивидуумы, между которыми не сохранилось никаких общественных отношений, уже не являются хорошим материалом для организации» [4, 191]. Замена общества индивидов организациями, созданными сверху в ходе единого движения к общей цели, на практике приводит к катастрофе, а в теории предполагает необходимость принять совершенно абсурдное допущение, что «вопреки собственной воле человек делает то, что предустановлено природой, которая лучше знает, что во благо человечеству, но не индивиду» [Там же, 49]. Противостоять всем любителям организовывать индивидов и лишать их своеобразия, как в теории, так и на практике, означало в условиях первой республики поддерживать имеющееся в наличии правительство в его попытках сохранять уже существующее австрийское общество, работать, как фон Мизес, главой австрийской торговой палаты и экономическим советником канцлера Энгельберта Дольфуса.

Когда в 1883 г. Менгер затеял «спор о методах» (Methodenstreit) с представителями немецкой исторической школы политической экономии, он, помимо всего прочего, сформулировал основания, на которых в дальнейшем строились теории австрийской школы. Менгер стремился отстоять превосходство общей экономической теории над исторически конкретными исследованиями хозяйственной жизни, или, как выражался сам Менгер, родового знания над индивидуальным. Способом получения родового знания из индивидуального была типизация, позволяющая сохранить своеобразие индивидуального, не отказываясь от постижения родового. «Исследование типов и типических отношений между явлениями несомненно имеет чрезвычайно важное значение для человеческой жизни, не менее важное, чем изучение самих конкретных явлений. Без познания форм явлений мы не могли бы ни объять окружающих нас мириад конкретных явлений, ни освоить их в нашем уме; оно является необходимым условием всякого полного познания реального мира» [3, 300]. Общая экономическая теория призвана

выделить типические формы экономических явлений и типические отношения между явлениями, или общие экономические законы. Такая теория строится путем дедукции и никоим образом не может быть эмпирической, поскольку, по мнению Менгера, «строгие (точные) законы явлений никогда не могут быть добыты реалистическим направлением теоретического исследования, будь это исследование самое совершенное и будь наблюдение, служащее ему основанием, наиболее всеобъемлющее и наиболее критическое» [Там же, 321].

Как показал американский исследователь творчества Шюца Кристофер Прендергаст, первому социологу австрийской школы предстояло решить две проблемы. Во-первых, австрийская школа исходила из необходимости учитывать роль социального знания, но «не нашла способа показать, откуда экономические акторы узнают о мотивах других акторов» [7, 11]. Во-вторых, австрийская школа не могла предложить приемлемую теорию образования социальных (в том числе и экономических) теорий. Каждая из этих недоработок скрывала теоретическую проблему, решение каждой из этих проблем предполагало разработку метода обобщения. «Гений Шюца заключался в том, что он увидел в идеальных типах Вебера ключ к решению и той и другой проблемы» [Там же].

Теория идеальных типов Вебера является на свет вследствие признания того факта, что в социологии невозможно полагаться на одну лишь статистику со свойственным ей усреднением. Конечно, в обществе постоянно встречаются ситуации, достаточно гомогенные, чтобы их можно было объяснить при посредстве ссылок на статистически среднее. «В большинстве случаев, однако, исторически или социологически релевантное поведение испытывает воздействие *гетерогенных* мотивов, свести которые к некоему “среднему” в подлинном смысле слова совершенно невозможно» [2, 623]. Вот потому и нужен метод идеальных типов, предполагающий превращение отдельных реальных, но идеализированных случаев в типы. И все же методология построения социальной теории, предложенная Вебером, нуждалась в серьезном переосмыслении, поскольку она объясняла «понимание» так, что недоброжелательные критики неизменно вспоминали теорию интроспекции, и не слишком внимательно относилась к принципиальным различиям между отношением к действию актора и стороннего наблюдателя. Основанием переосмысления теории идеальных типов призвано было стать современное философское учение о переживании времени, которое Шюц первоначально искал в философии Анри Бергсона, но ко времени написания книги обрел в феноменологии Эдмунда Гуссерля и его учеников.

Создавая на основании теорий Менгера и Вебера свою теорию идеальных типов, Шюц открывает в типизации способ выработать специфичные именно для социологии понятия. «Специфическая задача социологии требует скорее особой методики, чтобы отсеять релевантный для ее специфической постановки вопроса материал, и этот отсев происходит с помощью особых понятийных конструкций, а именно через выработку *идеальных* типов» [5, 692]. Поскольку Шюц считает, что конструирование идеальных типов начинается в ходе оценки повседневной деятельности самим агентом, он расширяет понятие идеального типа, использовавшееся Вебером лишь для того, чтобы объяснить формирование социальной

теории. С точки зрения Шюца, идеальные типы используются каждым индивидом для понимания и истолкования своих действий. «Сущность идеально-типической конструкции заключается в утверждении в качестве инвариантных определенных мотивов в пределах области варьирования соответствующего самоистолкования, в ходе которого действующее сейчас-здесь-так Я интерпретирует свою деятельность (поведение)» [Там же, 999]. Переживание социального мира для каждого индивида начинается в его «здесь и теперь», где и когда он находится. Сложно-структурированный социальный мир конституируется на основании переживания времени, позволяющего конституировать ego и alter ego, а затем и миры современников, предков и потомков. Мотивы «потому-что» и «для-того-чтобы» предстают в этом случае уже не попытками объяснить действия при посредстве «внутреннего взора», но основой временной ориентации в социальной реальности, и потому Шюц пишет: «Мотив — это смысловая контекстная связь» [5, 787]. Типизация — процесс обобщения, используемый каждым индивидом, но осуществляющийся с разными целями и в разных контекстах.

Социальный мир «ни в коем случае не является гомогенным, напротив, он различным образом структурирован» [Там же, 694], а потому и социальный смысл представляет собой переплетение слоев, в котором обращение с предметом, обращение с другим человеком, линию поведения другого, социальную деятельность, ориентированную на поведение других и «понимание» этого смысла теоретиками [Там же, 702] выделяют как отдельные смысловые слои различных контекстов. Самопознание в обыденной жизни — вот тот процесс, с которого начинается построение социальной феноменологии Шюца, восходящей к построению общей теории общества по ступеням типизаций, производимых в разных контекстах и с разной степенью анонимности.

Возможность формирования объективного смыслового контекста и того постижения смыслового контекста, которое зовется научным «объяснением» [Там же, 712], обеспечивается особенностью некоторых контекстов социальных действий становиться анонимными. Теоретическое обобщение оказывается разновидностью типизации, и понимание этой разновидности типизации осуществляется на основании предложенной Гуссерлем теории идеирующей абстракции, или идеации. Варьирование контекстов социального действия приводит к выделению инварианта, или эйдетического идеального типа. Эйдетические идеальные типы «дистиллировали установленное в качестве инварианта путем разного рода формовок и переработок, так что приобрели характер “универсально значимых”» [Там же, 1000]. Они стали анонимными, а потому такие «идеальные типы соотносятся не с индивидуальным alter ego или с некоторым большинством alter ego, которые были бы исторически и пространственно локализованы. Они представляют собой высказывания о протекающей в полной анонимности деятельности (поведении) какого-то Некто, или, вернее, Кого-угодно, где бы и когда бы подобная деятельность ни осуществлялась» [Там же, 1000]. В рамках социальной феноменологии оказывается вполне возможным описывать и переживание социальной реальности каждым индивидом, и проблематику построения социологии. Переосмысление теории идеальных типов

и теория мотивов, выходящая за пределы психологии, позволяют Шюцу обосновать либертарианскую теорию и практику.

Создавая социологию на основании физикализма и бихевиоризма, Нейрат стремился избавить социологию от теологических и метафизических остатков, сохраняя при этом верность принципам логического эмпиризма. Исходя из экономики новой австрийской школы и интерпретируя теорию идеальных типов Вебера, Шюц стремился создать социологическую теорию, позволяющую осуществить последовательный переход от описания индивидуальных действий к общим утверждениям об обществе.

«Эмпирическая социология» Нейрата предлагала рассматривать социальную реальность при посредстве единого языка, восходящего в своих основаниях к языку повседневного общения, наглядному и непосредственно доступному детям и «дикарям». Социальная феноменология Шюца использовала при построении теории тот язык, которым пользуются обыкновенные люди в повседневных ситуациях.

Социология Нейрата стала основанием Венского метода статистики в рисунках, впоследствии названного ISOTYPE. В нем многообразная социальная реальность была редуцирована к небольшому количеству общепонятных знаков, запечатлевающих относительно простые и наглядные социальные отношения. Социология Шюца развивала теорию идеальных типов Вебера. Считая типизацию методом обобщения, общепринятым в повседневных ситуациях, Шюц показал, что социальная теория образуется вследствие того, что этот метод применяется в особой ситуации.

Использование языка ISOTYPE должно было стать дополнительным аргументом в пользу марксистской экономической политики и социал-демократической педагогики в «красной Вене», в Нидерландах, в СССР и по всему миру. Типизация стала отличным доводом против интервенционизма (и в том числе социализма) на практике и в теории, поскольку именно переработка учения об идеальных типах позволила Шюцу представить повседневность во всей ее многогранности и яркости.

-
1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
 2. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
 3. *Менгер К.* Основания политической экономии. М., 2005.
 4. *Мизес Л. фон.* Социализм. М., 1994.
 5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
 6. *Neurath O.* Philosophical Papers / ed., trl. : R. S. Cohen, M. Neurath Dordrecht, 1983.
 7. *Prendergast C.* Alfred Schutz and the Austrian School of Economics // The American Journal of Sociology. Vol. 92, № 1 (July 1986).
 8. *Rediscovering the Forgotten Vienna Circle.* Austrian Studies on Otto Neurath and the Vienna Circle / ed. : T. E. Uebel Dordrecht, 1991.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

УДК 165.62 + 165.75 + 111.8:165.8

Ю. В. Циплакова

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ: ОТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ М. ФУКО

Статья посвящена концепции человека в поздней феноменологии Э. Гуссерля, в творчестве которого соревновались две тенденции философствования — австрийская и немецкая. Объективизму и эмпирическому человеку естественных наук Гуссерль противопоставлял феноменологическую установку, в которой предметы окружающего мира становятся феноменами проактивного чистого сознания (трансцендентальной субъективности). Для снятия напряжения между естественной установкой и трансцендентальной субъективностью основатель феноменологии вводит понятие жизненного мира, которое позволило ему обосновать коммуникацию с другими субъектами, общество и историю. В статье рассматривается критика феноменологического подхода к человеку со стороны постструктуралистского направления в философии истории (М. Фуко).

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропология, жизненный мир, история, кризис науки, постструктурализм, феноменология, феноменологическая редукция, трансцендентальная субъективность, эмпирический субъект.

1

Феноменологию Э. Гуссерля часто рассматривают в рамках немецкой традиции философствования. Если рассуждать формально, то это справедливо: свои основные (как ранние, так и поздние) работы, за редким исключением, Э. Гуссерль написал, трудясь в университетах Германии. Однако феноменология Э. Гуссерля обязана своим появлением двум империям — Германской, с одной стороны, и Австро-Венгерской, с другой.

Как известно, П. Кампиц выделяет ряд особенностей австрийской региональной философии. Причем делит их на две группы: «первая характеризует собственно стиль мышления, вторая — проблемное и предметное поле философствования» [7, 17]. К первой группе Кампиц относит *готовность подменить мир действительным миром возможностей, барочность восприятия, католическую схему мышления, недоверие ко всякого рода идеологиям*. Ко второй — *антикантианскую направленность философии, сциентизм, позитивизм, логическую ориентацию* [Там же, 17–21].

В случае с Гуссерлем мы можем констатировать, что первая группа особенностей проявилась в его философской биографии целиком и полностью, а вторая — только частично. Антикантианской направленности и позитивизма в феноменологии мы все же не найдем, более того, найдем желание отстранения, преодоления этих черт философствования.

Многие исследователи связывают именно с австрийской философской традицией появление *поздней формы новоевропейского философского мышления*, распространившейся в XX столетии очень широко и трактующей истину не как

нечто заработанное непосильным трудом, но как неожиданное откровение, *дар*. Знание больше не трактуется как *богатство*, которое необходимо собирать по крупицам в процессе изнурительных узконаправленных поисков. Если в классической новоевропейской философии познать вещь означало найти правильный путь к ее использованию, чтобы в конечном итоге преобразовать мир, улучшить его (наглядной формулировкой этого постулата стали знаменитое бэконовское «Знание — сила!» или один из самых известных тезисов К. Маркса о Л. Фейербахе), то теперь устанавливается новая цель — познать вещь непосредственно, так, как она нам дана (в дар) во всей ее неожиданности и очевидности. Для достижения этого необходимо несколько дистанцироваться от вещи, посмотреть на нее непредвзято. Если она подарена нам *вдруг*, то в чем состоит ее неизменное и истинное? Почему нам подарена именно такая вещь и почему она подарена нам? В чем ее ценность для нас здесь и сейчас? Как соотносится явление вещи в нашем сознании с ее собственным бытием?

Во всех этих вопросах, волновавших уже Б. Больцано, а вслед за ним Э. Гуссерля и всех до одного его учеников, проявляется наличие новых, почти не ставившихся прежней философией целей.

Конечно, уже немецкая классическая философия не могла полностью игнорировать проблематику, связанную с истиной как даром (не говоря уже о современных ей альтернативных философских поисках). И у Канта, и у Шеллинга, и у Г. В. Ф. Гегеля есть многочисленные пассажи об интуиции, рефлексии, вещи самой по себе и т. д. В конце жизни Шеллинг даже читает курс лекций по философии откровения. Но при этом немецкие философы-классики остаются под влиянием установки на создание универсальных систем, на приведение хаотичного мира к единому устойчивому порядку (само слово «классический» в точном смысле и означает «упорядоченный»). Тот же Шеллинг рассматривает теоретические затруднения на пути приведения своей философии к целостной системе как жизненную драму. Кант, столкнувшись с невозможностью познания бесконечного, ограничивает разум сферой практики и признает математику и естествознание в качестве фундамента познавательных способностей человека. Разум у философов-классиков возвышается над предметами, постоянно испытывает их на прочность (отсюда и тяга к экспериментированию).

Новая форма философского мышления, возникшая на рубеже XIX–XX вв. в Германии, Франции и в особенности в Австрии, проявляет по отношению к вещам большую гибкость. Субъективность не выступает своего рода божеством, надсмотрщиком, приглядывающим за вещами, она равнозначна по статусу вещам. Она демократична, находясь рядом с вещами, непрестанно прислушивается к ним. Четкое разграничение мира на субъект и объект становится причудливым, непростым, сами эти понятия стремятся к усложненным формам. Соответственно установки на упорядочивание мирового хаоса в этой новой традиции быть не может. Не бывает правильных или неправильных вещей, о предметах нельзя судить свысока. По этой же причине нужно очень осторожно искусственно объединять различные явления действительности. Нужно сосредоточиться на самих вещах. Отсюда — один шаг до философского эмпиризма и психологизма.

Двойное влияние немецкой и австрийской традиций определило многие парадоксы феноменологии. Родившись в небольшом городке Просниц в Моравии, в еврейской семье, Гуссерль получил немецкое классическое образование. Позднее, постигая картезианство и немецкую классическую философию, осознав себя христианином, он вынужден был преодолевать интерес к психологическим проблемам своих учителей-логиков Б. Больцано и Ф. Brentano (во многом не похожих друг на друга, однако оба вписывались в австрийскую региональную традицию), все время оглядываться на австрийский позитивизм, преодолевая и его. В «Логических исследованиях» Гуссерль и начал с дескриптивной психологии, которую сразу же противопоставил обычной эмпирической психологии своего времени. Но не отказываясь от анализа конкретных эмпирических данных, позднее Гуссерль тяготел к рационализму, логике и строгой научности, при этом все время оборачивался на практически ориентированную австрийскую традицию в философии.

Конец Первой мировой войны, который ознаменовался гибелью Австро-Венгерской империи, был связан для Гуссерля с личной трагедией: на фронте погиб его сын. Все это в конце концов привело философа к концепции *окружающего жизненного мира* (*Lebensumwelt*), который должен был примирить, по мысли позднего Гуссерля, европейскую науку с европейским человечеством, научный подход — с донаучными жизненными практиками, общественные институты — с личной судьбой человека, чистое сознание — с чистым бытием. И, думается, не случайно понятие «окружающий жизненный мир» впервые появилось в докладе «Кризис европейского человечества и философия» (1935), прочитанном в Вене. Жизненный мир стал своего рода реваншем австрийской проблематики внутри выросшей на немецкой академической почве феноменологической философии.

В этой работе мы сделаем акцент на том, с какими проблемами столкнулась феноменология Э. Гуссерля, создавая феноменологическую концепцию человека и человечества, и как своеобразный «гордиев узел» этих проблем был разрублен позднее, в постструктуралистской традиции мысли. Мы покажем это на примере высказываний о феноменологии и о проблематике человека из нескольких работ М. Фуко.

2

Э. Гуссерль уходит от устоявшегося понимания человека в том виде, в котором его представляет «позитивная» естественная наука Нового времени. Этот уход — сквозная тема его философствования, которая сопровождает его творчество с самого начала до позднейших докладов, статей и монографий конца 20-х — середины 30-х гг. Обновленная концепция человека, его психики, и вытекающая из этого обновленная концепция общественных отношений — вот что заботит Э. Гуссерля на протяжении десятилетий.

«Эмпирический субъект» в терминологии Гуссерля, указывающий на конкретное, данное в ощущениях телесного человека-индивида, такого, каким он представлен в повседневном опыте, «в бодрствовании» на фоне «объектов», вещей внешнего мира, представляется Гуссерлю, в особенности в послевоенный

период творчества, одномерным и заикленным на внешнем процветании: «Исключительность, с которой во второй половине XIX в. все мировоззрение современного человека стало определяться позитивными науками и дало себя ослепить достигнутым благодаря им “prosperity”, знаменовала равнодушное отстранение от тех вопросов, которые имеют решающую важность для подлинного человечества. Науки всего лишь о фактах формируют людей, заботящихся лишь о фактах. Переворот в публичной оценке стал в особенности неизбежен после войны и породил, как мы знаем, прямо-таки враждебную настроенность среди молодого поколения. Эта наука, говорят нам, ничем не может нам помочь в наших жизненных нуждах» [3, 20].

То есть, как видим, Гуссерль возлагает ответственность на науку в целом и на европейских ученых в частности за то, что они способствовали утрачиванию интереса к интеллектуальным занятиям у молодого поколения. Позитивная наука формирует ложный образ мыслящего человека — человека ограниченно-го, заикленного на внешнем благополучии (prosperity). По мнению Гуссерля, такое представление о внешнем мире и человеке в нем изначально содержит в себе пессимизм, скепсис, «непрерывное чередование напрасных порывов и горьких разочарований» [Там же, 21]. Но почему это несомненно так? Ответ легко реконструировать из поставленной цепочки вопросов: «Но может ли мир и человеческое вот-бытие в нем обладать поистине каким-то смыслом, если науки признают истинным только то, что может быть... объективно установлено, если история может научить только одному — тому, что все формы духовного мира, все когда-либо составляющие опору человека жизненные связи, идеалы и нормы возникают и вновь исчезают, подобно набегающим волнам, что так было всегда и будет впредь, что разум вновь и вновь будет оборачиваться бессмыслицей, а благодеяние — мукой? Можем ли смириться с этим, можем ли жить в этом мире?..» [Там же].

Что же рекомендует делать Гуссерль, чтобы избавиться от скепсиса и пессимизма, охвативших европейское человечество? Освещая эти вопросы в своей итоговой работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», он следует строгим постулатам феноменологии. Повседневный человек, как правило, располагает европейской наукой в рамках так называемой *естественной установки*: распространенного убеждения в том, что вещи существуют в физическом мире объективно, вне сознания человека. Гуссерль предлагает отказаться от естественной установки, как бы «выключить» объективный мир, отказаться на время от естественно-научного воззрения на окружение человеческого сознания. Если наука заводит себя в мировоззренческий тупик, то необходимо отказаться, «вынести за скобки» естественно-научный, позитивистский взгляд на вещи. Для этого нужно воздержаться от методологии, которой обычно пользуются физика и другие естественные науки. Впрочем, идея феноменологической редукции в противовес редукции позитивистской возникла у Гуссерля в самый ранний период творчества и была связана с поиском аподиктической реальности. Гуссерль не скрывал, что следовал здесь за идеей «трансцендентализма» в европейской философии, действуя в пику «объективизму» [Там же, 100–101].

Итак, каким же образом берется установка, которую в «Венском докладе» Гуссерль называет *феноменологической установкой*, а в «Кризисе европейских наук...» — «*путем совершенно новой научности, научности трансцендентальной*» [3, 101].

Гуссерль оставляет «в скобках» аподиктической очевидности только «чистое сознание», «трансцендентальное эго». Все остальные атрибуты эмпирического субъекта — его телесность, окружающие физические вещи, общественные установки, которые он разделяет, а также все идеи, фантазии, мифологемы, религиозные образы — лишаются автономности, становятся «феноменами» живого сознания, *cogitatum*, которое осмысливает изначальное, априорное бесконечное *cogito*. Таким образом, трансцендентальное сознание, обладающее внутренней жизнью, обладает способностью созерцать и осмысливать являющиеся ему образы (ноэмы, *cogitatum*) в своем собственном, предшествующем научно-объективистской абстракции пространстве. Это пространство в поздних докладах, статьях и книгах получило название жизненного мира.

«Трансцендентальное поле бытия, так же как и метод доступа к нему — трансцендентальная редукция, — суть параллель феноменологического поля и психологической редукции как метода доступа к нему. Мы можем также сказать: трансцендентальное Я и трансцендентальное сообщество Я, взятые конкретно, в их полной трансцендентальной жизни, суть трансцендентальные параллели к Я и Мы как к людям в обычном смысле, также взятым конкретно, как чисто душевные субъекты с чисто душевной жизнью. Параллельность здесь означает параллельное соответствие во всех единичностях и связях, совершенно своеобразный вид бытия различными и в то же время не просто внеположенными и разделенными в каком-либо естественном смысле. Это нужно понять правильно. Мое трансцендентальное Я как Я трансцендентального опытного самопостижения (*Selbst-erfahrung*) явно “отлично” от моего естественного человеческого Я, и все же оно менее всего есть что-то в обычном смысле второе, отдельное от него, некий дублет, внеположенность в естественном смысле. Совершенно очевидно, что то, что превращает мое чисто психологическое опытное самопостижение (феноменологически-психологическое) в трансцендентальное, есть только опосредованное трансцендентальным эпохе изменение установки. Соответственно все обнаруживаемое в моей душе, сохраняя собственную сущность, приобретает благодаря этому новый, абсолютный, трансцендентальный смысл» [1].

Человек, новоевропейский субъект, понятый как трансцендентальное живое эго, и стал основой обновленной антропологии, повлиявшей на дальнейшую философию XX столетия уже начиная с конца 20-х гг. Непостижимый для изучения мир природных объектов получил философское обоснование, раскрылся человеческому сознанию и душе, стал источником трансцендентальных переживаний. Трансцендентализм Гуссерля, начиная со среднего периода творчества мыслителя, повлиял на очень многих европейских интеллектуалов: М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, Р. Ингардена, М. Шелера, Э. Левинаса, А. Шюца, М. Мерло-Понти и многих других. Публикация в 1954 г. «Кризиса европейских наук...» возродила и подогрела этот интерес.

Однако если множество вопросов возникло к Э. Гуссерлю с точки зрения логики и внутренних проблем самой феноменологии, то не меньше вопросов появилось применительно к его пониманию человека.

Прежде всего, Э. Гуссерль не полностью прояснил характер связи между трансцендентальной субъективностью и эмпирическим субъектом. То есть не совсем понятно, как познающий субъект, носитель феноменологического сознания, связан в реальной жизни, на практике с обычным, повседневным индивидом во всей конкретности и наглядной конечности последнего. Фактически Гуссерль только вчерне наметил контур связи между грандиозным по возможностям трансцендентальным «Я» и скромным обитателем повседневности в жизненном мире. Жизненный мир и его субструктуры (культура, язык, история, общественная жизнь, телесность, восприятие) «вырастают» в философии Гуссерля из «жизни сознания» трансцендентальной субъективности. Но в поздних работах становится не совсем понятной логика и характер этого вырастания. Откуда берется эта изначальная противопоставленность: «Эго — воспринимаемые им феномены»? Уже при чтении поздних докладов Гуссерля, и в особенности «Картезианских размышлений», складывается впечатление, что трансцендентальное эго просто не замечает до поры до времени, что оно не одиноко.

Обратим внимание, что Гуссерль, этот принципиальнейший борец с натурализмом, с самого начала *не отрицает* весомости феномена телесности, других воспринимаемых физических тел, тем самым отдавая дань австрийской философской традиции в своем философствовании. Наряду с внутренней жизнью сознания в его философии с самого начала существует еще и мир, который, правда, неотделим от живого ума и пропитан его содержаниями. «Конечно, есть различия в том, каким способом осуществляется опыт жизненного мира, в зависимости от того, познаются ли в этом опыте камни, реки, деревья — или же мы, рефлектируя, познаем свое опытное познание всего этого, а также прочие действия Я, собственного или чужого, как, например, властвование в живом теле», — указывает философ [3, 292]. Однако эмпирический субъект, являющийся одновременно носителем внутри себя трансцендентальной субъективности (присущей ему мощной преобразующей способности созерцания, рефлексии и переживания) как самопроизвольный деятель внутри жизненного мира, не был подробно раскрыт Гуссерлем. Какой из субъектов первичен, какой вторичен? Почему вообще стоит придерживаться указанного удвоения субъектов после того, как феноменология «победила» естественную установку? Почему естественная установка продолжает-таки существовать и не собирается сдаваться? Почему феноменологическую редукцию нужно начинать снова и снова?

На все эти вопросы у позднего Гуссерля нет однозначных ответов. Не была также описана и переосмыслена в новом ключе и коммуникация субъектов внутри интерсубъективного жизненного мира. В «Картезианских размышлениях», поздних докладах и «Кризисе европейских наук...» философ успел разобрать только некоторые аспекты сложной темы жизненного мира. И едва ли преодолимое для Гуссерля препятствие заключалось в том, что для масштабного ответа на вопрос приведения двух субъектов к общему знаменателю потребовался бы выход за рамки феноменологического метода.

Далее, привлекает внимание особенная концепция сознания, которую предлагает Гуссерль. Сознание (Эго, Дух) у него не только выступает носителем рационального начала, но еще и является живым, действующим началом. Почти с самого начала своей работы Гуссерль пишет об *анонимности, смутности* сознания. В поздний период творчества он связывает феноменологию с «трансцендентальной психологией». Однако об источнике *жизни* Гуссерль не пишет ничего — не высказываясь ни в пользу позитивистских/материалистических/эволюционистских/социологических концепций, ни в пользу идеализма или религиозной философии. И хотя мы можем предполагать направление мысли Гуссерля в этом вопросе хотя бы исходя из его философских ориентиров — Платона, Р. Декарта, И. Канта, В. Дильтея и т. д., все же подробности ответа на этот вопрос мы в произведениях Гуссерля не найдем.

И наконец, с помощью понятия «трансцендентальная субъективность» трудно описывать практическую жизнь, деятельность. Чтобы действовать, нужна более практико-ориентированная модель субъекта. Такая, как, например, в философии Л. Фейербаха, марксизме или психоанализе. Феноменология Э. Гуссерля как направление мысли не разработала своего аутентичного аппарата для описания феноменов, связанных с деятельностью. Этим попробуют заняться антропология М. Шелера, социальная феноменология А. Шюца, философия восприятия М. Мерло-Понти, фундаментальная онтология М. Хайдеггера. Но многие продолжатели концепции жизненного мира выйдут за рамки феноменологии как метода и школы.

3

Отношение философов-постструктуралистов к феноменологии двоякое: с одной стороны, они внимательно изучают феноменологическое наследие, но с другой — постоянно критикуют феноменологические постулаты. Принятие установок феноменологии связано с тем, что Гуссерль одним из немногих в начале XX в. предложил оригинальную работающую концепцию живого сознания, схему, в которой моменты дорациональной жизни души также учитываются, принимаются в расчет, но не довлеют над сознанием, как, например, в концепции еще одного австрийского мыслителя — З. Фрейда. Критика же связана с тем, что Гуссерль в своих поздних работах старался описать целостность истории и культуры, в то время как постструктуралисты принципиально подходили к истории и повседневности как к прерывности. Они очень ценят подаренное им Гуссерлем понятие жизненного мира, однако не рассматривают это понятие как новую целостность, исторический горизонт, фон, на котором первопорядковые реальности трансцендентальных субъективностей будут сосуществовать и культурно развиваться. «Временное сообщество монад, конститутивно соотносенных друг с другом, нерушимо, поскольку оно существенным образом связано с конституцией мира и временем этого мира» — так считал Гуссерль [2, 246]. Однако Мишель Фуко считал иначе: в жизненном мире, по его мнению, постоянно должны происходить разломы, переделы, конфликты. Покой и гармония первопорядковых реальностей не могут быть достижимы.

М. Фуко периода «Слов и вещей» (1966) и «Археологии знания» (1969) вполне устраивало, что «жизненные связи, идеалы и нормы возникают и вновь исчезают, подобно набегающим волнам». То, что Э. Гуссерль периода «Кризиса европейских наук...», перед Второй мировой войной, считает серьезной проблемой, для М. Фуко, писавшего после войны, является данностью, неизбежным положением вещей, отправной точкой. Человечество как «интермонадическое сообщество», способное понимать и выслушивать своих представителей, трудно себе представить. Более того, Фуко всячески стремится уйти от понимания истории как исторического целого: «...Новая история вырабатывает собственную теорию, дабы прояснить, каким образом специфицируются различные концепты прерывности (пороги, разрывы, изъятия, изменения, трансформации)...» [5, 9].

Если Гуссерль, констатируя кризисы человечества и науки, тревожится о том, что история и общество утрачивают единство и целостность, то Фуко не считает это кризисом. Для него подобная ситуация — норма, от которой он начинает свое философствование. Если раньше, до Второй мировой войны, история была нужна для того, чтобы обосновывать с ее помощью смысл человеческого бытия, связывать бытие и смысл, образ мысли народов, то для М. Фуко история с самого начала — только инструмент влияния: «Необходимо было лишить историю образа, который долгое время ее удовлетворял и обеспечивал ей антропологическое оправдание (дескать, тысячелетиями коллективное сознание с помощью материальных свидетельств сохраняло память о прошлом), чтобы история стала строгой наукой и занялась введением в обиход документальных материалов (книг, текстов, рассказов, реестров, актов, уложений, статутов, постановлений, технологий, объектов и обычаев и т. д.), которые всегда и повсюду суть спонтанные либо организованные формы представления любого общества. Документ более не довлеет истории, которая с полным правом в самом своем существе понимается как *память*. История — это только инструмент, с помощью которого обретает надлежащий статус весь корпус документов, описывающих то или иное общество» [Там же, 10–11].

Эта цитата во многом объясняет замысел М. Фуко. Фактически история и социальные методики нужны, чтобы управлять общественным сознанием. Не важно, что было на самом деле и как это осмысливалось, важно, какие документы и памятники повлияют на восприятие прошлого. Работа над памятью, работа над самовосприятием в пограничном опыте — вот что волнует М. Фуко.

В указанных работах общество, жизнь понимаются Фуко (а вместе с ним и многими другими постструктуралистами) как площадка для экспериментов, как обретение, переживание и преодоление определенного типа опыта. «Для Фуко имела значение не феноменология в узком (гуссерлевском или гегелевском) смысле, но, скорее, *феноменологический опыт*, который он понимал как определенный способ умозрения, в котором размышляющий субъект пытается уловить значение пережитого. Для этого требуется расширить поле возможностей, связанных с опытом повседневности. Феноменология стремится понять, каким образом трансцендентальный субъект является творцом опыта и его значений. Однако Фуко... тяготеет к иному пониманию *опыта*: опыт для него означает попытку

достичь такого состояния, которое было бы наиболее близко к “непроживаемому”; максимально напряжение интеллектуальных сил сталкивается здесь с невозможностью постижения, и эта невозможность выступает одновременно и тем, что ограничивает мысль, и тем, что конституирует ее. Такой опыт “вырывает субъект у него самого” и ведет его к распаду, десубъективации. Этот “пограничный опыт” Фуко сделал своим творческим кредо...», — указывает А. В. Дьяков [4, 416–417].

Мишель Фуко упрекает феноменологию в том, что она старается рационально, логически обосновать эмпирический материал и тем самым потенциально становится антропологией. Именно к обновленной, подлинной антропологии, антропологии, основанной на трансцендентализме и жизненном мире, как ему казалось, вплотную подошел Э. Гуссерль в своих поздних работах. Попытки создания строгой науки о человеке, предпринятые его учениками, он считал неудачными: «...Все прежние теории (в том числе и теория Макса Шелера) не привели... к осязаемому результату» [2, 276]. Смерть помешала ему более определенно очертить контур этой новой науки. Однако о его замыслах можно догадываться по многочисленным намекам, оставленным в поздних произведениях. Не случайно Гуссерль заканчивает «Картезианские размышления» цитатой из Св. Августина: «...Возвратись в себя, во внутреннем человеке обитает истина» [Там же, 292]. Всю жизнь он стремился описать «...первое бытие, предшествующее всякой объективности мира и несущее ее на себе...», каким виделась ему «...интерсубъективность, вселенная монад, объединяющихся в различные сообщества» [Там же, 291].

Мишель Фуко, напротив, уверен, что никакого «первого бытия не существует». Люди зачастую объединяются в различные сообщества против кого-то, а не солидаризируясь друг с другом. Человек, созданный по лекалам трансцендентальной субъективности Гуссерля, наивен. Нет и не может быть никакой «вселенной монад». «В самом деле, она (феноменология. — Ю. Ц.) стремится укоренить права и границы формальной логики в рефлексии трансцендентального типа, а с другой стороны, связать трансцендентальную субъективность со скрытым горизонтом эмпирических содержаний, которые лишь она одна способна создать, сохранить и раскрыть в бесконечных разъяснениях. Однако, пожалуй, и феноменология не избегает опасности, которая до нее уже начала угрожать всякому диалектическому начинанию, неизбежно отбрасывая его в антропологию. И в самом деле, невозможно, по-видимому, ни придать эмпирическим содержаниям трансцендентальную ценность, ни сместить их в сторону конституирующей субъективности, не сделав при этом (хотя бы и молчаливо) уступок антропологии...» [6, 273].

По мнению Фуко, Гуссерль остановился там, где следовало бы быстро пройти мимо. Какой еще гармонии и баланса сил ждать от человека и человечества, если новая эпистема показала, что социальная жизнь, мир коммуникаций и культур полны разломов, конфликтов, непониманий? Вместо обоснования целостности истории и реанимации в новых условиях декартовой идеи *cogito* нужно было сосредоточиться на опыте эмпирического человека в интерсубъективной мозаичной реальности первопорядковых жизненных миров. Решение проблемы целостности мира кажется Фуко иллюзией. Он пишет: «Может показаться, что феноменология связала воедино Декартову тему *cogito* с трансцендентальной темой, которую

Кант извлек из критики Юма; в этом случае не кто иной, как Гуссерль, оказался бы вдохнувшим новую жизнь и глубинное признание западного *разума*, замыкая его на самого себя рефлексией, выступающей как радикализация чистой философии и обоснование возможности ее собственной истории» [6, 273].

Однако Фуко кажется сомнительной сама возможность осуществления этого замысла — соединения темы *cogito* с решением проблемы трансценденции опыта. Попытка Гуссерля привела совершенно к другому результату, да и то интересные плоды появились только потому, что поменялись исходные данные: «На самом же деле Гуссерль смог осуществить это соединение лишь постольку, поскольку изменилась точка приложения трансцендентального анализа (с возможности науки о природе к возможности человека помыслить себя самого) и постольку также изменилась функция *cogito* (она уже не в том, чтобы показать, как мысль, которая утверждает себя повсюду, где она мыслит, должна приводить к аподиктическому существованию, но в том, чтобы показать, как мысль, наоборот, может ускользать от самой себя и приводить к разностороннему и разнообразному вопрошанию о бытии). Феноменология, таким образом, есть не столько восстановление прежней цели западного разума, сколько чуткое, точно сформулированное признание того резкого разрыва, который произошел в современной *эпистеме* на рубеже XVIII и XIX вв. Если уж она с чем-то и связана, то это открытие жизни, труда и языка; это новый образ, который под старым именем человека возник всего каких-нибудь два века назад; это вопрошание о способе бытия человека и его отношении к немислимому» [Там же, 346].

Таким образом, испытывая признательность феноменологии (Э. Гуссерлю и его последователям/конструктивным критикам) за открытие жизненного мира как донаучной реальности коммуникаций, разных языков и культур, универсального исторического априори для всевозможных устойчивых социальных институтов, постструктурализм не может согласиться с тем, чтобы в этой реальности был поселен старый человек из прошлых горизонтов понимания. Новый, разломанный на части мир должен иметь в себе нового, такого же «разломанного» и надтреснувшего субъекта. Созданию и описанию такого субъекта в таком мире постструктуралисты и отдают свои силы.

1. Гуссерль Э. Амстердамские доклады II. Феноменологическая психология и трансцендентальная проблема [Электронный ресурс]. URL: <http://www.di-mat.ru/gegel-241/amsterdamskie-doklady-ii-fenomenologicheskaya-psihologiya-transcendentalnaya-problema> (дата обращения: 15.11.2014).

2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.

3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004.

4. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2013.

5. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

7. Черепанова Е. С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. Екатеринбург, 1999.

УДК 323.1+327.82+341.645.5

М. О. Гузикова

**«WEDER VORLÄUFER NOCH NACHZÜGLER SEIN»¹:
ПОЗИЦИЯ АВСТРИИ ПО ВОПРОСУ СУВЕРЕНИТЕТА КОСОВО**

В статье объясняются причины положительного решения Австрии по вопросу суверенитета Косово. Это решение рассматривается в контексте внешнеполитической стратегии Австрии и истории ее взаимоотношений с Косово. Показаны истоки внешнеполитической стратегии Австрии в контексте ее национальной идентичности и культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Австрия, внешняя политика, национальная идентичность, независимость Косово.

17 февраля 2008 г. область Косово, формально входившая в состав Сербского государства (Косово и Метохия), в одностороннем порядке провозгласила свою независимость как Республика Косово. Это вызвало неоднозначную реакцию других стран и послужило источником разного рода политических противоречий. Сербия, для которой провозглашение независимости Косово означало нарушение сербского государственного суверенитета, обратилась к Генеральной Ассамблее ООН с запросом о правомочности провозглашения косовского суверенитета. Генеральная Ассамблея постановила поручить принять решение по данному вопросу Международному суду ООН. Слушания в Международном суде начались 1 декабря 2009 г. и продолжались до 22 июля 2010 г. Хотя суд принял резолюцию о правомочности действий косовского руководства, вопрос о суверенитете Косово остается спорным и поныне. Тридцать семь стран высказались по данному вопросу, при этом 15 стран – участниц слушаний выступили против признания независимости Республики Косово [4].

Ключевым вопросом во время слушаний стало толкование термина «суверенитет». Вопрос о статусе Косово является неоднозначным. Россия и Китай, как страны – постоянные члены Совета Безопасности ООН, высказались против независимости Косово. Европейский союз по вопросу о статусе Косово также не является единым. Пять стран – членов ЕС (Греция, Испания, Кипр, Словакия, Румыния) не признают Косово независимым государством. Из этих пяти стран четыре (Испания, Кипр, Словакия, Румыния) представили свою оценку одностороннего провозглашения независимости Косово на слушаниях, проходивших в Международном суде, в ходе которых они заявили, что провозглашение независимости Республики Косово противоречит международному праву [1, 2].

Австрия, среди 22 других стран, дала положительный ответ на вопрос о правомочности косовского суверенитета [15]. В данной статье мы попытаемся дать ответ на вопрос, почему Австрия заняла такую, а не иную позицию по отношению к Косово. Мы рассмотрим данный вопрос в контексте внешней политики Австрии,

¹ «Быть и не в первых и не в последних рядах» – слова министра иностранных дел Австрии Урсулы Пласник по поводу провозглашения независимости Косово [11].

более подробно останавливаясь на австрийском варианте концептуализации суверенитета. Стратегию формирования и реализацию внешней политики мы, в свою очередь, анализируем в контексте ее формирования в рамках национальной культуры и коллективной идентичности нации.

Внешнеполитическая стратегия той или иной страны является в широком понимании отражением культуры и коллективной идентичности ее населения. Национальная культура, рассмотренная в контексте внешней политики, может быть охарактеризована как «наиболее широкие и общие мнения и взгляды по поводу собственной нации, о других нациях, а также о том, в каких отношениях они состоят или должны состоять между собой на мировой арене» [18].

Выстраивание стратегии внешней политики основывается на разделяемом нацией понимании своего места в мире, своих интересов и приоритетов. Построение идентичности требует разделения на своих и чужих, что во внешней политике позволяет обозначить врагов и друзей. При этом друзей выбирают по принципу принадлежности к одному и тому же ценностному сообществу; страны же, с которыми поддержание хороших отношений выгодно из прагматических соображений, обозначают как «партнеров». Эти отношения выстраиваются с учетом истории отношений, ее мифологизации в национальном сознании, ее интерпретации различными политическими лидерами в зависимости от меняющегося внешне- и внутривнутриполитического контекста и пр. [6]. Сама национальная идентичность также не является застывшим конструктом, она динамична, находится в постоянной трансформации в зависимости от меняющихся внутренних и внешних условий ее формирования.

С другой стороны, внешняя политика является центральной для национальной идентичности, понимания целей развития общества, роли нации в мире и ее ценностей. По мнению британского исследователя Д. Хауэлла, нация без четкой и реалистичной внешней политики, которая «объясняет озадачивающее настоящее и освещает неясное будущее» [8], плывет без руля и ветрил.

Национальная идентичность тесно связана с концептуализацией государственности внутри страны и за ее пределами. Внешняя политика до сих пор является прежде всего взаимоотношениями политических сообществ, пространственно оформленных в государства [9], несмотря на то, что в современном глобализующемся мире все большую роль в ней начинают играть негосударственные акторы. Внешнюю политику могут вести только государства, признанные суверенными державами другими суверенными державами. Защита национальной идентичности, которая находит отражение в политике безопасности, и соблюдение интересов нации — вот задачи внешнеполитического ведомства.

Национальная идентичность преломляется во внешней политике в виде своего рода «дорожной карты»: свода норм и правил, предписывающих функционирование страны в пространстве мировой политики и ее внешнеполитические действия. Политические акторы используют эту карту для ориентации в сложной реальности внешнеполитического пространства. В контексте Европейского союза стратегия внешней политики страны — члена ЕС выстраивается путем наложения национально-ориентированной «дорожной карты» на наднациональную

внешнеполитическую реальность, конструируемую в ЕС, в частности в форме общей внешней политики и политики безопасности.

Национальная идентичность, как писал И. Верцбергер, становится частью политической культуры и выражается в присущем данной нации «стиле» внешней политики и, более того, во внешнеполитической идеологии. Если национальная идея меняется, это самым серьезным образом влияет на формулирование внешнеполитических целей государства.

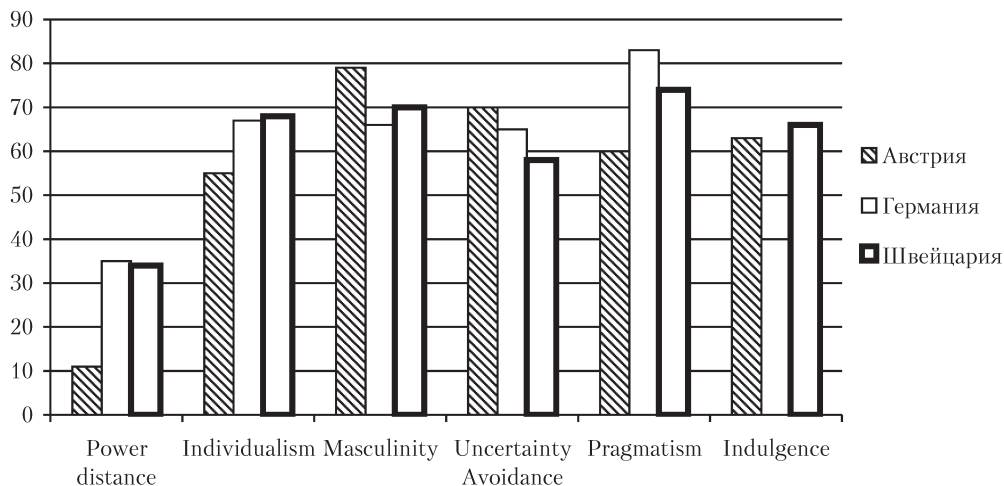
Австрийская идентичность, как и всякая другая, состоит из противоположностей, недоговоренностей, неопределенностей и кажущихся несовместимостей. Об этом свидетельствуют самые разные источники². Преодолеть эту «неразрешимость» внутренних противоречий помогают компаративные исследования культур — такие, как работы Г. Хофстеде, Ф. Тромпенарса, Э. Холла, Р. Инглхарта и пр. Для установления основных культурных особенностей Австрии воспользуемся разработками Г. Хофстеде как наиболее доступными. Так, согласно исследованию Г. Хофстеде Австрия имеет очень низкий показатель индекса «дистанция к власти» — 11 из 100, что говорит о том, что австрийцы воспринимают власть над собой как проявление неравенства.

Представителям современной австрийской культуры свойственны «независимость, соблюдение иерархии, только если это удобно, равенство прав»; при этом руководитель воспринимается австрийцами как человек доступный, задачей которого является не довать, а, наоборот, облегчать жизнь подчиненным и давать им ощущение значимости. Контроль и подчинение не в чести у австрийцев. Коммуникация, по их представлениям, должна быть открытой и партиципативной [7]. Австрия, по Хофстеде, это сообщество индивидуалистов (55 из 100). Они не готовы получать помощь от коллектива в обмен на лояльность к нему.

Высокий уровень маскулинности (79 из 100) говорит о том, что ведущими ценностями в австрийском обществе являются успех в конкурентной борьбе, жизнь ради работы, равенство и профессионализм. Такое общество часто стремится к установлению равных и прозрачных правил игры для всех, так как борьба за желание стать лучшим должна быть равной. По критерию «избегание неопределенности» Австрия имеет достаточно высокий показатель (70 из 100), что говорит о том, что в обществе есть эмоциональная потребность следования установленному своду правил и законов; такие культуры отличает точность и пунктуальность, потребность в безопасности и определенности, определенная резистентность к инновациям. Решения принимаются после того, как взвешены все «за» и «против». С другой стороны, австрийцы достаточно прагматичны (60 из 100 по Хофстеде), чтобы в ущерб своей любви к традициям поступать так, как того требует момент. Австрийцы ценят не только профессионализм, но и отдых, наслаждение жизнью. Они в основном позитивны и оптимистично настроены. Они ценят свое свободное время, возможность провести его так, как хочется именно им.

² См., например, ресурс, посвященный австрийскому менталитету и идентичности: URL: http://europa.hkbu.edu.hk/euro-ach/a/intro/basis.htm#Eigenbilder:_Elemente_der_modernen_sterreichischen_Identit_t (дата обращения: 06.11.2014).

Австрия, по сравнению с другими странами германского культурного круга, соседями Австрии и ее ближайшими референтными обществами — Германией и Швейцарией, имеет значительно менее низкий индекс дистанции к власти; уровень индивидуализма в Австрии немного ниже, а уровень маскулинности немного выше. Австрийцы не такие выраженные прагматики, как немцы и швейцарцы, но в целом эти нации демонстрируют сходный культурный профиль, что говорит о существующей культурной общности между ними (см. рисунок).

Сравнение Австрии с основными германоязычными странами³

Если рассматривать Австрию в группе стран, голосовавших по вопросу независимости Косово положительно (взяты восемь стран из двух групп с наиболее высокой частотностью употребления слова «суверенитет»), в сравнении со странами, занявшими противоположную позицию, то становится очевидно, что между этими двумя группами существует статистически значимое расхождение по двум основным индексам Хофстеде, релевантным для рассмотрения проблемы государственности: «дистанция власти» и «индивидуализм–коллективизм» (табл. 1, 2).

³ Измерения Хофстеде в переводе на русский язык выглядят следующим образом: *Power distance* — «удаленность от власти», *Individualism–Collectivism* — «индивидуализм–коллективизм», *Masculinity–Femininity* — «мужественность–женственность», *Uncertainty Avoidance* — «избегание неопределенности», *Pragmatism* — «прагматизм», *Indulgence* — «потакание своим прихотям».

Таблица 1

Индексы Хофстеде PD и I/C для стран, голосовавших положительно

Страны, проголосовавшие положительно	Индекс Хофстеде	
	Power Distance (PD)	Individualism/Collectivism (I/C)
Албания	90	20
Швейцария	34	68
Австрия	11	55
США	40	91
Чехия	57	58
Великобритания	35	89
Германия	35	67
Финляндия	33	63
<i>В сумме</i>	<i>335</i>	<i>511</i>
<i>В среднем</i>	<i>42</i>	<i>64</i>

Таблица 2

Индексы Хофстеде PD и I/C для стран, голосовавших отрицательно

Страны, проголосовавшие отрицательно	Индекс Хофстеде	
	Power Distance (PD)	Individualism/Collectivism (I/C)
Аргентина	49	46
Испания	57	51
Китай	80	20
Египет	35	67
Греция/Кипр	60	35
Румыния	90	30
Россия	93	39
Сербия	86	25
<i>В сумме</i>	<i>550</i>	<i>313</i>
<i>В среднем</i>	<i>69</i>	<i>39</i>

При этом Австрия выделяется из группы положительно настроенных стран своим низким индексом дистанции власти, занимая позицию ниже среднего уровня по индексу «индивидуализм — коллективизм». Таким образом, исходя из австрийского культурного профиля, можно ожидать от австрийцев внешней политики, которая отдает приоритет индивидууму над коллективом, т. е. ставит интересы и права человека выше или по крайней мере не ниже потребностей государства. Австрийцы предпочитают принимать важные решения совместно с партнерами, с которыми они разделяют принадлежность к одному ценностному сообществу, при условии, что общение будет открытым и лишеным давления.

Рассмотрев особенности австрийской культуры как «коллективной ментальной программы человеческого ума, которая отличает одну группу людей от другой» [16], перейдем к контексту формирования внешней политики Австрии

после Второй мировой войны, а также к истории отношения Австрии к вопросу о Косово.

Основной задачей Австрии после Второй мировой войны был возврат суверенитета, который был достигнут ценой нейтралитета, так что идентичность современных австрийцев, с одной стороны, сформировалась в постоянном стремлении к восстановлению полного суверенитета, утраченного ими в результате Второй мировой войны; с другой стороны, австрийцы восприняли идею частичного суверенитета в рамках ЕС. В послевоенный период австрийская идентичность формировалась в стремлении к собственной независимости, которая была достигнута в 1955 г. благодаря согласию Австрии стать нейтральной державой. Так суверенитет Австрии в сознании австрийцев объединился с нейтралитетом. С 1970-х гг., закрепившись в национальном самосознании, это все более явственно стало находить отражение в австрийской внешней политике. Свою задачу Австрия формулировала как стремление стать мостом взаимодействия между противостоящими друг другу в холодной войне Востоком и Западом. После вступления в 1995 г. в состав Европейского союза Австрия видит свою роль в стабилизации стран Юго-Восточной Европы, и прежде всего балканского региона [13]. Именно нейтралитет помог Австрии освоиться с новой ролью защитницы прав человека, что отражается в ее деятельности в ООН и во многих конвенциях, которые были заключены на ее территории.

Несмотря на присоединение Австрии к общей европейской внешней политике и политике безопасности, ее нейтралитет (который, кстати, не был закреплен в государственном договоре от 1955 г., т. е. фактически он существует не как норма, а как разделяемый и поддерживаемый обществом институт) остается базой австрийской внешней политики. Так, американцы использовали австрийскую территорию для базирования своих воздушных сил в 1999 г. Австрия не дала на это разрешение, в отличие от Германии, и протестовала против этого в ООН.

В целом позиция Австрии по отношению к проблеме Косово может быть охарактеризована как осторожная. Министр иностранных дел Урсула Пласник, в период легислатуры которой развивались основные события в Косово, в том числе самопровозглашение независимости как наиболее драматический момент, потребовавший от Австрии занятия четкой позиции, призывала к взвешенным решениям. В момент провозглашения независимости Косово Урсула Пласник призвала все страны ЕС к занятию единой позиции. Австрия при этом не стремилась быть в первых рядах, но также и не планировала откладывать свое решение, отсюда и приведенная выше формула — «weder Vorläufer noch Nachzügler sein». Газета «Кроне» процитировала слова Пласник о важности единой позиции ЕС по вопросу независимости Косово, так как сплочение стран ЕС будет «важным сигналом» [11]. Социал-демократическая партия Австрии, Австрийская народная партия и Союз «Будущее Австрии» были за независимость Косово, против высказались только представители Свободной партии. Председатель этой партии Хайнц-Кристиан Штрахе потребовал от канцлера Гузенбауэра не признавать суверенитет Косово [Там же]. Показательной является реакция на провозглашение независимости Косово проживающих в Вене косовских албанцев, которые

отпраздновали в Вене провозглашение независимости Косово. Собравшиеся общим числом около 2 тыс. человек несли транспаранты со словами: «Kosova unabhangig – Danke osterreich» («Спасибо Австрии за независимость Косово») [3].

Австрия признала независимость Косово 28 февраля 2008 г., 20 марта 2008 г. путем взаимного обмена нотами были установлены дипломатические отношения, а Австрийское бюро в Приштине поменяло статус на посольство. 13 июля 2009 г. первый посол Австрии в Республике Косово вручил свои верительные грамоты президенту этой страны. Австрия сыграла и продолжает играть очень важную роль в ситуации вокруг Косово. Благодаря своему нейтральному статусу Австрия стала площадкой для принятия многих решений по вопросу Косово. В 2006 г. в Вене между сербами и косовскими албанцами начались переговоры о статусе Косово, проходившие при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН Марти Ахтисаари. В Вене располагалось бюро Ахтисаари (UNOSEK) [17]. Как известно, миссия Ахтисаари не привела к нахождению компромиссного решения, которое устроило бы обе стороны. Но австрийские дипломаты определенно сыграли не последнюю роль в определении будущего статуса Косово.

В 2008 г. Косово в одностороннем порядке провозгласило свою независимость. В этом же году, после признания Австрией, в Вене открылось Посольство Республики Косово в Австрии. Австрия была одной из десяти стран, в которых дипломатические представительства вновь провозглашенной Республики Косово открылись в первую очередь. В 2012 г. в Вене на заседании Международной руководящей группы по Косово, состоящей из 25 государств, в том числе Германии, большинства государств ЕС, США и Турции, под председательством министра иностранных дел Австрии Михаэля Шпиндельеггера было принято решение о завершении миссии наблюдения за соблюдением независимости в Косово. Данное решение, окончательно принятое Международной руководящей группой по Косово 10 сентября 2012 г., знаменовало собой начало функционирования Косово при абсолютном суверенитете.

Вена как нейтральная территория используется сторонами конфликта – Сербией и Косово – для ведения неформальных переговоров. Посол Республики Косово в Австрии С. Кикмари обозначал понимание своей дипломатической миссии как установление контактов с дипломатами стран, признавших Косово, так и тех стран, которые его не признали. Описывая отношения Косово и Австрии, посол сказал: «Отношения с Австрийской Республикой всегда были хорошими, а теперь еще усилились. Были подписаны восемь межправительственных соглашений, еще четыре готовятся к подписанию (список двусторонних договоров на сайте МИД Австрии см.: [19]). Двустороннее общение на межгосударственном уровне протекает очень интенсивно. В прошлом году премьер-министр Хашим Тачи был в Вене и имел очень плодотворный разговор с бундесканцлером Фауманном. Вице-канцлер Шпиндельеггер был в сентябре этого года в Приштине. Он произнес перед нашим парламентом очень хорошую речь о прекращении наблюдения за независимостью Республики Косово. Президент Республики вручила ему медаль за мир, демократию и гуманизм «Ибрагим Ругова». Вена для нас – важное место. Здесь проходили переговоры, которые привели к объявлению независимости.

2 июля 2012 г. здесь прошло важное заседание Международного наблюдательного комитета (International Steering Group/ISG)⁴, в ходе которого было принято решение о прекращении наблюдения за независимостью» [13]. Посол дал обзор развития двухсторонних отношений в области экономики, которые он также охарактеризовал как весьма плодотворные.

В Вене проходят «технические переговоры» с правительством Сербии. Как известно, Сербия не признает независимость Косово. Первоначальная реакция Сербии была однозначно отрицательной. Как сказал премьер-министр Сербии Воислав Коштуница, «Государства Косово для Сербии никогда не будут существовать» [11]. Однако Вена является тем местом, где за счет постоянных контактов косовары могут вести дискуссии с представителями Сербии и других государств, не признающих Косово. Во многом благодаря усилиям австрийской дипломатии была достигнута договоренность стран ЕС и Сербии о том, чтобы не препятствовать заключению Соглашения об ассоциации Косово с ЕС.

В свою очередь, вот как охарактеризовал отношения между Австрией и Косово австрийский посол в Косово Йоханн Бригер, выступая по случаю Дня независимости Косово 26 октября 2012 г. Проводя параллели между становлением государственности двух стран, посол сказал: «26 октября мы отмечаем момент возвращения суверенитета и независимости Австрии после 10-летней оккупации в 1955 г. 10 сентября этого года, всего лишь через 4 года после провозглашения независимости, завершено международное наблюдение за независимостью Косово. И значит, Косово открывает новую главу своей государственности. Вы можете гордиться тем, что вы смогли достичь за этот короткий промежуток времени. Австрия горда тем, что она помогала Косово на его пути к государственности как близкий партнер и адвокат ваших законных притязаний» [14].

Как подчеркивается в официальных сообщениях австрийских дипломатов, одной из проблем, которая угрожает государственности Косово, является проблема Северного Косово, где компактно проживают сербы, представляющие собой большинство населения и не признающие правительство и органы управления, составленные из косовских албанцев. И после прекращения международного наблюдения за воплощением косовского суверенитета в идеологии, представленной в Плане Ахтисаари, в Косово останутся международные миротворческие силы (KFOR), в составе которых около 600 австрийских солдат, и миссия ЕС по соблюдению норм правового государства (EULEX) с 16 австрийскими экспертами [12]. Иностранцы будут также задействованы в качестве консультантов в Агентстве по приватизации и в Конституционном суде. Это говорит о некотором ограничении внутреннего суверенитета Косово.

Все страны — члены ЕС, включая те пять государств, которые не признали Косово, выступают за начало переговоров по поводу заключения Соглашения об ассоциации Косово и ЕС. Вице-канцлер Шпиндельэггер высказался за заключение такого соглашения, что должно мотивировать Косово к проведению

⁴ «Наблюдение за независимостью» было предусмотрено планом специального посланника ООН Марти Ахтисаари.

дальнейших реформ и привести в конечном итоге к внедрению близких к ЕС норм в экономике, политике и судебной системе. Шпиндельэггер намекнул на возможность отмены виз между странами Шенгенской зоны и Косово [5].

Исторически албанцы, и в том числе косовские албанцы, воспринимают Австрию как своего союзника. Австро-Венгрия сыграла решающую роль в формировании независимого Албанского государства начиная с 1877 г., когда Австро-Венгрия поддержала появление первой политической организации албанцев, выступавших за самостоятельность Албании — Лиги защиты прав албанской нации (Призренской Лиги) [10], созданной на территории современного Косово. Австрия оказала решающее влияние на создание независимой Албании в ее современных границах в 1912–1914 гг., что подтверждается многочисленными документами [12].

Представляется, что в данной статье нам удалось показать, что положительное решение Австрии по вопросу о суверенитете Косово не противоречит общей внешнеполитической стратегии Австрии, которая, в свою очередь, глубоко укоренена в австрийской культуре и идентичности. Кроме того, данное решение является последовательным, так как не противоречит истории взаимоотношений австрийцев и косовских албанцев.

1. Гузикова М. О., Нестеров А. Г. Обсуждение вопроса о Косово в Международном суде ООН (2008–2010): концепт термина «суверенитет» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 5 (122). С. 59–67.

2. Нестеров А. Г. Австрия и создание независимого Албанского государства // Австрия как культурный центр Европы : тез. докл. междунар. науч. симп., 14–17 мая 2008 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2008. С. 58–64.

3. «Eine friedliche Zukunft aufbauen». Interview mit dem Botschafter des Kosovo, S. E. Sabri Kiqmari, über die Errichtung einer Botschaft in Wien, die Aufhebung der Überwachung der Unabhängigkeit und die steigende Akzeptanz der kosovarischen Serben des Staates Kosovo [Electronic resource]. URL: <http://www.ambasada-ks.net/at/?page=4,8,119> (дата обращения: 11.14.2014).

4. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion) [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&code=kos&case=141&k=21&p3=0> (дата обращения: 13.11.2014).

5. Der Kosovo erlangt volle Souveränität // Der Standard.at, 2.07.2012 [Electronic resource]. URL: <http://derstandard.at/1339639540031/Lenkungsrat-Der-Kosovo-erlangt-voellige-Souveraenitaet> (дата обращения: 11.14.2014).

6. Hill C., Wallace W. Introduction: actors and actions. In Hill C. (ed.), *The Actors in Europe's Foreign Policy*. L., 1996. P. 8.

7. Hofstede G. Austria [Electronic resource]. URL: <http://geert-hofstede.com/austria.html> (дата обращения: 13.11.2014).

8. Howell D. Britannia's Business // *Prospect*. Jan. 1997. P. 26.

9. Krasner S. Sovereignty — An Institutional Perspective // *Comparative Political Studies*. 1988. Vol. 21 (1).

10. La Ligue Albanaise de Prizren, 1878–1881. Vol. 1. Tirana, 1988. P. 7–8 (подробнее о Призренской лиге см.: URL: http://www.albanianhistory.net/texts19_2/AH1878_2.html (дата обращения: 11.14.2014)).

11. Plassnik: «Sind weder Vorläufer noch Nachzügler» [Electronic resource]. URL: http://www.krone.at/Nachrichten/Plassnik_Sind_weder_Vorlaeufer_noch_Nachzuegler-Kosovo-Abspaltung-Story-92517 (дата обращения: 13.11.2014).

12. Politik und Recht [Electronic resource]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/botschaft/pristina/bilaterale-beziehungen/politik-und-recht.html> (дата обращения: 11.14.2014).
13. Portal des Aussenministeriums Österreichs. Aussenpolitik [Electronic resource]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/europa-aussenpolitik/aussenpolitik/> (дата обращения: 16.11.2014).
14. Rede vom österreichischen Botschafter, Dr. Johann Brieger, MBA zum Nationalfeiertag am 26.10.2012 in Pristina/KOSOVO [Electronic resource]. URL: <http://www.oekg-ks.org/?cid=2,5,107> (дата обращения: 11.14.2014).
15. Statement by the Government of Austria [Electronic resource]. URL: http://91.74.184.68/videoplayer/15620.pdf?ich_u_r_i=0f98131d66a3be868b18ba6eaf7659c&ich_s_t_a_r_t=0&ich_e_n_d=0&ich_k_e_y=1445118916752163282449&ich_t_y_p_e=1&ich_d_i_s_k_i_d=5&ich_u_n_i_t=1 (дата обращения: 17.11.2014).
16. The Hofstede Center. Country Comparison [Electronic resource]. URL: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (дата обращения: 14.11.2014).
17. UNOSEK [Electronic resource]. URL: <http://www.unosek.org/> (дата обращения 12.11.2014).
18. Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decisionmaking. Stanford, 1990. P. 268.
19. Сайт МИД Австрии. URL: http://www.bmeia.gv.at/europa-aussenpolitik/voelkerrecht/staatsvertraege/bilaterale-staatsvertraege/suchergebnisse/?tx_bmeiadb_pireresults%5BsearchType%5D=bilateralTreaty&tx_bmeiadb_pireresults%5Bq-partner%5D=409&cHash=498f63c9dda4aac5356c718217f418c (дата обращения 12.11.2014).

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

УДК 613.953 + 173.5-005.2

Н. Б. Мельник
Н. А. Черняева

ОТ ИМПРИНТИНГА К «ЕСТЕСТВЕННОМУ РОДИТЕЛЬСТВУ»: КОНРАД ЛОРЕНЦ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИДЕОЛОГИИ МАТЕРИНСТВА В XX В.

В статье прослеживается история концепта «естественного материнства», согласно которому материнское поведение имеет глубокие природно-биологические основания, на которые надстраиваются социокультурные механизмы и факторы. Популярная в XX в., эта концепция реализуется в последние десятилетия в практиках так называемого «естественного родительства». Авторы статьи рассматривают сложную и нелинейную траекторию данного концепта: от открытия импринтинга у птиц и животных австрийским этологом Конрадом Лоренцом (1940–1950-е) — к анализу поведения привязанности у приматов и человека в «теории привязанности» британского психолога Джона Боулби (1960-е), к теории бондинга между матерью и новорожденным, выдвинутой американскими педиатрами Маршаллом Клауссом и Джоном Кеннелом (1970-е). Наконец, рассматривается трансформация данных идей в популярных книгах по уходу за ребенком в 1990-е и 2000-е и в современных практиках «естественного родительства».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Конрад Лоренц, Джон Боулби, идеологии материнства в XX в., привязанность, импринтинг, бондинг, «естественное родительство».

Данная статья — это попытка проследить историю популярной в XX в. идеи, нашедшей свое отражение как в научном, так и в массовом сознании. Это представление о том, что материнская любовь, материнское поведение имеют глубокие природно-биологические основания, на которые надстраиваются социокультурные механизмы и факторы. Родительская забота людей о детях, согласно этой концепции, имеет ту же эволюционную природу, что и забота о потомстве у многих видов животных, хотя формы, которые принимает родительство у *Homo sapiens*, отличаются, конечно, от форм родительского поведения, скажем, у птиц или млекопитающих.

Одним из активных адептов этой идеи был австрийский ученый Конрад Лоренц (1903–1989), основатель этологии — науки о поведении животных. Он сформулировал концепцию импринтинга, согласно которой птенцы некоторых видов птиц начинают следовать за объектом, который они увидели первым после появления на свет. Если по какой-то причине этим объектом становилась не мать птенцов, а другое животное, человек или даже неодушевленный предмет, то птенцы впоследствии не были в состоянии выработать нормальные половые и репродуктивные отношения с представителями своего вида. Так, гуси, выращенные в доме Лоренца в изоляции от сородичей, запечатлевали Лоренца как «родителя» и в дальнейшем не только следовали за ним, но и пытались выбрать его в качестве сексуального партнера. Из всех открытых Лоренцом закономерностей концепция импринтинга стала наиболее популярной у широкой публики. Фотографии Лоренца, прогуливающегося по полю в компании гусей, купающегося с ними, обошли многие популярные издания. Журналисты прозвали Лоренца «приемной Матушкой Гусыней», окончательно «одомашнивая» ученого и его идеи.

Британский психоаналитик и психиатр Джон Боулби (1907–1990), автор теории «материнской депривации» и теории привязанности, был тем ученым, который показал возможность переноса идей Лоренца в сферу человеческих отношений, отношений детей и родителей. О влиянии идей Лоренца на Д. Боулби свидетельствуют многочисленные отсылки к Лоренцу в текстах Боулби. Согласно Боулби материнская любовь и забота настолько фундаментальны для формирования нормальной психики ребенка, что без них он с большой долей вероятности не сформируется как полноценная человеческая личность. Концепция импринтинга Лоренца являлась для Боулби тем звеном, которое обеспечивало прочную биологическую и эволюционную базу для его концепции.

В 1970-е гг. американские педиатры Джон Кеннел и Маршалл Клаус в развитие теории привязанности Боулби опубликовали исследование, согласно которому физический контакт «кожа-к-коже» матери и новорожденного ребенка сразу после рождения в течение нескольких минут очень важен. Во-первых, такой контакт существенно снижает риск отказа матери от ребенка в роддоме, а во-вторых, уменьшает возможность проявления жестокости по отношению к новорожденному. В конечном счете такой физический контакт существенно повышает уровень материнской привязанности. Данная теория, несмотря на то что она была подвергнута серьезной критике многими специалистами, привела к радикальным переменам в родовспоможении и организации родильных отделений в США,

а также способствовала распространению философии и практики «естественных родов» и «естественного родительства» по всему миру.

«Естественное родительство» (в английском варианте — *attachment parenting*) — это широкий зонтичный термин, объединяющий идеологии и практики родительства, в которых акцент ставится на тесном эмоциональном и телесном контакте матери и ребенка на протяжении первых лет жизни. В разных вариантах естественное родительство включает совместный сон, ношение ребенка в слинге, максимально длительное грудное вскармливание и другие моменты, которые работают на закрепление «естественной» связи ребенка и матери, а не на сепарацию, отдаление.

Несмотря на то что между практиками «естественного родительства» и теорией импринтинга Лоренца связь далеко не прямая, представление о том, что родительские практики должны и могут следовать естественному, природному сценарию, в котором человеческое поведение находится в гармонии с законами природы и эволюции, объективно помещает Лоренца и современных адептов «естественного родительства» в одно концептуально-идеологическое поле. В ситуации, когда сложность общественного устройства возрастает экспоненциально, утверждение, что в основе всех социальных связей лежат базовые отношения матери и ребенка, а те, свою очередь, покоятся на прочном фундаменте биологических закономерностей, служит компенсаторным механизмом легитимации и натурализации наличного социального порядка. Цель данной статьи — проследить траекторию развития концепции «инстинктивного», или «естественного», материнства в XX в., в том числе для того, чтобы понять причины ее устойчивости и привлекательности как для ученых, так и для неспециалистов.

Отец этологии о родительстве и материнстве: концепция импринтинга Конрада Лоренца

В ноябре 2013 г. исполнилось 110 лет со дня рождения известного австрийского ученого, одного из основателей этологии Конрада Лоренца. Детская увлеченность животными, которую сам К. Лоренц впоследствии назвал «чрезмерной любовью к животным», переросла в глубокий научный интерес и дала замечательные плоды. В 1973 г. К. Лоренцу, К. фон Фришу и Н. Тинбергену была присуждена Нобелевская премия за открытия, связанные с созданием и установлением моделей индивидуального и группового поведения животных. Выявив определенные закономерности в поведении животных, К. Лоренц пытался понять, насколько поведение человека может интерпретироваться моделями и механизмами, обнаруженными в поведении наших соседей по планете. Поэтому К. Лоренца справедливо считают ученым, чьи научные работы не только способствовали развитию науки, но и оказали влияние на самосознание человека.

В начале XX в. важнейшими понятиями физиологии нервной системы и связанных с ней наук о поведении животных и человека были «рефлекс» и «рефлекторная деятельность». Начиная свои исследования в области поведения животных, К. Лоренц полагал, что инстинкты основываются на цепи рефлексов. Однако

постепенно он убеждался в том, что инстинктивное поведение является внутренне мотивированным. Так, в соответствии с бихевиористской теорией животные не должны проявлять признаки связанного со спариванием поведения в отсутствие представителей противоположного пола. Но К. Лоренц наблюдал, что животные далеко не всегда проявляют эти признаки даже в их присутствии. И наоборот, случалось, что присутствие сексуального партнера (стимул) не вызывает соответствующего ожидаемого поведения (реакции). В результате К. Лоренц пришел к выводу, что инстинкты вызываются не рефлексами, а внутренними побуждениями. К этой же точке зрения независимо от К. Лоренца пришел и голландский ученый Н. Тинберген. Встретившись на симпозиуме в 1936 г. и обменявшись своими научными догадками, ученые сформулировали гипотезу, согласно которой инстинктивное поведение начинается с внутренних мотивов, заставляющих животное искать определенный набор обусловленных средой стимулов. Как только животное встречает «ключевые» стимуляторы (сигнальные раздражители, являющиеся пусковым механизмом), оно автоматически выполняет стереотипный набор движений (фиксированный двигательный паттерн — ФДП). Ученые доказали, что каждое животное имеет определенную систему ФДП и соответствующих сигнальных раздражителей. Эти характеристики специфичны для биологического вида и эволюционируют, подвергаясь действию естественного отбора.

К. Лоренц настаивал, что инстинктивное поведение является внутренне мотивированным. Ключевые стимуляторы такого поведения возникают в результате импринтинга. Импринтингом была названа особая форма обучения, которая заключается в запечатлении и закреплении в памяти признаков объектов при формировании или коррекции врожденных поведенческих актов. Такой поведенческий механизм, очевидно, возник в эволюции у высокоорганизованных форм жизни как ароморфоз. Так же как и любой морфофизиологический признак, инстинкт является результатом исторического процесса адаптации вида к конкретным условиям окружающей среды. А значит, инстинктивное поведение находится под контролем важнейших факторов эволюции — изменчивости, отбора и наследственности. Иными словами, инстинктивное поведение изменчиво (проявляется разнокачественностью в потомстве), подвержено естественному отбору и передается по наследству.

Особое внимание К. Лоренц уделял исследованию родительского поведения. Следует заметить, что задолго до появления этологии существовали предположения, что родительская забота людей о детях имеет ту же основу, что и забота о потомстве у многих видов животных. Так, М. Монтень писал: «Если существует какой-либо естественный закон, то есть некое исконное и всеобщее влечение, свойственное и животным, и людям (что далеко, впрочем, не бесспорно), то, по-моему, на следующем месте после присущего всем животным стремления оберегать себя и избегать всего вредоносного стоит любовь родителей к своему потомству» [3, 203]. В большем проявлении родительского чувства у женщин многие видели доказательство близости женщины к природе и удаленности от культуры.

К. Лоренц, основываясь на своих исследованиях, подтвердил догадку о природной основе родительской любви и заботы, связывая этот феномен с импринтингом.

Импринтинг рождает практически неизгладимые образы, не основанные на логике, которые закладываются только в определенные ранние моменты жизни. В дальнейшем запечатленные образы играют ведущую роль в их специфических поведенческих реакциях. Разрабатывая свою теорию импринтингования, К. Лоренц обозначил следующие черты импринтинга, отличающие его от классического ассоциативного обучения.

Во-первых, импринтинг возникает лишь в ограниченный период жизни. Этот чувствительный, или критический, период жизни характеризуется как период импринтной уязвимости. Так, по наблюдениям Лоренца, для формирования импринта (образа, запускающего впоследствии определенное поведение) родителя у новорожденного есть всего несколько часов, когда его мозг открыт для записи образа, воспринимаемого как «родитель» и вызывающего соответствующее поведение детеныша. Для цыплят и гусят этот период составляет 13–16 часов с момента рождения; у ягнят, козлят этот период длится до 3 дней; у диких кабанов 2–3 недели. У тех видов, у которых новорожденные появляются на свет беспомощными (например, воробьи и голуби, а среди млекопитающих — собаки и лисицы, а также все приматы), критический период растянут и сдвинут на более поздние сроки. Это объясняется тем, что недоразвитым детенышам требуется некоторое время, прежде чем они смогут воспринять и усвоить сигналы внешнего мира. Поэтому им необходим более длительный контакт с объектом запечатления — матерью. У человеческого младенца период импринтной уязвимости длится от 6 недель до 6 месяцев.

Во-вторых, процесс запечатления необратим. Однажды совершившись, завершившись формированием соответствующего импринта, он не может быть поправлен или изменен. Если у птенца гуся произошел импринтинг по отношению к птице другого рода или к человеку (как это случилось в опытах Лоренца), то позднейший контакт с птицами своего вида не устраняет эффект раннего опыта. В отличие от условных рефлексов, которые постепенно угасают, если периодически не подкрепляются, импринтинг не угасает. Записанный однажды в памяти образ не исчезает, не ослабевает. Более того, отрицательное подкрепление приводит не к угасанию образовавшейся связи, а, напротив, к ее усилению. Так, если утятам, импринтировавшим человека в качестве родителя, причинять боль, отстранять от человека, чинить препятствия на пути следования за человеком, то они «не смиряются», а начнут еще сильнее жаться к человеку, быстрее следовать за ним.

В-третьих, результаты импринтинга имеют пролонгирующее действие и влияют впоследствии на другие аспекты поведения. Так, импринт родителя оказывает влияние на сексуальное поведение, определяя направленность полового влечения. Находясь в естественных условиях, каждый детеныш во время критического периода воспринимает сигналы от родителей и вырабатывает в своем сознании обобщенный образ собственного вида. Это и определяет впоследствии очень важный для природы закон жизни в сообществе — верность своему виду.

Это касается рыб, птиц, млекопитающих, а возможно, и насекомых. Цыпленок, выращенный курицей-наседкой, запечатлевает именно кур и, став взрослым, испытывает влечение только к курам и ни к кому более. Все, кто не вписался в круг

«своих», навсегда остаются чужими. Если же, по стечению обстоятельств, запечатление происходит на представителя другого вида, то именно к нему животное и испытывает половое влечение¹. Хорошо известны опыты по выращиванию щенков в различном окружении. Если они находились среди диких собак, то и становились обычными дикими собаками, которые боятся человека. Если щенята росли только в контакте с человеком, то в дальнейшем предпочитали находиться в его же обществе, а не в обществе собак. Поэтому импринтинг рассматривается как процесс научения, который имеет место на конкретных стадиях развития организма, но влияет на последующее поведение по отношению к родителям, детям (детенышам), собратьям (представителям вида) и половым партнерам.

В-четвертых, импринт может содержать не только зрительный образ, но и запаховый, и даже звуковой. Так, у утят запечатление родителей начинается еще до рождения. При насиживании утка издает характерное кряканье, которое утята, находящиеся в яйце, прекрасно слышат. Вылупившись, утята следуют за материнским кряканьем. Они уже знают и помнят голос матери. Заслышав его, утята смело покидают гнездо и спускаются на воду, направляясь к матери. Выведенные в инкубаторе, утята кряквы лишены голосового запечатления. Они не узнают зова самки своего вида и потому не следуют за ней.

Первоначально открыв явление импринтинга на примере поведения детенышей, К. Лоренц затем обнаружил импринтинг и в других формах поведения. Как у детеныша импринтируется образ родителя, так и у родителя запечатлевается образ детеныша, включая, запуская комплекс родительского поведения. К. Лоренц был убежден, что родительское поведение имеет инстинктивную основу, которую обозначил как родительский инстинкт. Этот инстинкт, как и другие инстинктивные программы, имеет безусловную адаптивность и эволюционную ценность и есть у многих животных. Уход за потомством обеспечивает высокую адаптивность молодых особей и снимает необходимость высокой плодовитости. Эта стратегия характерна для большинства крупных млекопитающих.

В эволюции очень важно, что спаривание происходит только между особями одного вида. Так обеспечивается наследование выработанного в эволюции комплекса адаптивных признаков, а родители выращивают свое собственное потомство. Для этого в эволюции и закрепляется способность к поддержанию социальной организации (как важной адаптации), основанной на отношениях не только между сексуальными партнерами, но и между родителями и детенышами. Импринтирование поэтому работает именно в этих сферах — сексуальной и сфере родительско-детских отношений.

Было обнаружено, что не только детеныш запечатлевает образ родителя, но и родитель — образ детеныша. Например, в стадах копытных вполне возможны ситуации, когда новорожденный теряет контакт с матерью и может присоединиться к другим самкам, отнимая молоко у ее родных детенышей. В результате

¹ С примером такого «ложного» импринтинга автора статьи познакомили зоологи, работающие в Екатеринбургском зоопарке. Живущий там шимпанзе, выращенный людьми с раннего детства, не воспринял привезенную для него самку шимпанзе как сексуальную партнершу. Зато он живо реагирует на женщин, посещающих зоопарк.

в эволюции выработалось специальное родительское поведение, включающее импринтирование детеныша, чтобы обеспечить успешное выращивание потомства. У копытных самка после родов начинает облизывать своего детеныша, метя его. Именно в этот период у самки наблюдается особая чувствительность к запахам, которая исчезает уже через час. За этот час мать импринтирует через запах образ своего детеныша. Ей достаточно пятиминутного контакта с каким-либо новорожденным, чтобы воспринимать его впоследствии как собственного. Если такого контакта не произойдет, мать не подпустит этого детеныша к вымени.

То же наблюдается и у птиц. У птенцов многих чаек чрезвычайно развита способность распознавать сигналы своих родителей, а у родителей — способность распознавать сигналы своих птенцов. Таким образом, у чаек звук является основным компонентом в импринтах «родитель» и «детеныш». Призывные звуковые сигналы, которые птицы импринтируют в определенный период своего развития, используются ими в течение всей последующей жизни, помогая сохранять целостность семейной группы.

По мнению Лоренца, у человека, кроме врожденной любви-привязанности к собственным детям, обнаруживается также врожденная любовь-привязанность к детям вообще. В родственных группах наших пращуров родители не всегда доживали до способности своих детей существовать самостоятельно. Поэтому забота не только о собственных детях, но и о детях племени становилась необходимостью и ложилась на всех членов сообщества. Эта забота и была закреплена в инстинктивной программе родительства, которая проявляется в раннем возрасте еще до полового созревания как тренировочная (игровая), а с наступлением репродуктивного периода вступает в полную силу и не угасает в течение жизни человека.

Одно из проявлений родительского инстинкта Лоренц видел во внутривидовой агрессии. Такая агрессия выполняет функцию охраны потомства. Поэтому у видов «животных, у которых лишь один пол заботится о потомстве, по-настоящему агрессивны по отношению к собратьям по виду представители именно этого пола, или по меньшей мере их агрессивность несравненно сильнее» [4, 27].

Лоренц был убежден, что родительский инстинкт (так же как и другие формы инстинктивного поведения) подвержены изменчивости. Он настаивал на том, что «мутации выпадения функций вполне вероятны и рано или поздно непременно происходят». Если речь идет об альтруистическом поведении, разновидностью которого и является родительское поведение, «...то для затронутого ими (этими мутациями. — *Н. М., Н. Ч.*) индивида они должны означать селекционное преимущество» [5, 27]. Это основано на понимании того, что инстинктивная программа родительства, как и многие другие программы, «выгодна» не столько особи, сколько популяции в целом, поскольку обеспечивает продолжительное существование популяции как системы, открытой во времени (в отличие от ограниченного временем существования отдельной особи). Для особи же эта программа совсем не выгодна, поскольку требует больших энергетических вложений, «заставляет» тратить силы не только на обеспечение собственной жизнедеятельности, но и на поддержку жизнедеятельности потомства. В некоторых ситуациях забота

о потомстве связана с риском для жизни родителей. Иными словами, забота о потомстве истощает индивида. Если в результате мутации у организма нарушено родительское поведение (например, родительство не включается в определенный период развития), то такой организм будет «вреден» популяции, но будет иметь преимущества в обеспечении собственной жизнедеятельности.

Наконец, Лоренц видел проявление родительского инстинкта во врожденном «правовом чувстве», проявляющемся как у высших приматов, так и у человека, которое заставляет взрослую особь предотвращать всплески агрессии в отношении детенышей. Он рассматривал «правовое чувство» как «...филогенетически запрограммированный механизм, функция которого — противодействовать инфильтрации общества асоциальными представителями нашего вида» [5, 33]. Несмотря на трудность доказательства этого тезиса, К. Лоренц считал «твердо установленным научным фактом, что вид *Homo sapiens* обладает высококодифференцированной системой форм поведения, служащей для искоренения угрожающих обществу паразитов и действующей вполне аналогично системе образования антител в государстве клеток» [Там же, 28].

Подводя итог рассмотрению концепции импринтинга у Лоренца, отметим, что в поздних работах исследователь приходит к расширительному толкованию импринтинга, который превращается у него в универсальный механизм объяснения поведения человека: «В нашем поведении, служащем сохранению общества или вредящем ему, многое зависит от благословения или проклятия, которое запечатлела в нас в раннем детстве более или менее пронизательная, ответственная и прежде всего эмоционально здоровая родительская чета. Столь же многое, если не большее, обусловлено генетически» [Там же, 31].

Джон Боулби и теория привязанности

Конрад Лоренц нашел благодарную аудиторию для своих идей о материнстве как инстинктивном поведении в лице Исследовательской группы по психофизиологическому развитию ребенка Всемирной организации здравоохранения, организованной вскоре после Второй мировой войны: ВОЗ волновала судьба детей, травмированных войной и сиротством. Для анализа психического здоровья детей в Западной Европе и США организация заказала исследование британскому психологу и психоаналитику Джону Боулби. В 1951 г., после нескольких месяцев путешествий по ведущим лабораториям и исследовательским центрам в Европе и США, изучавшим психику и поведение детей и подростков, а также в результате собственного исследования психического состояния детей, находившихся в сиротских учреждениях, Боулби предоставил ВОЗ отчет «Материнская забота и психическое здоровье». В этом отчете он доказывал, что материнская любовь и внимание жизненно необходимы для психического здоровья ребенка. Боулби утверждал значимость глубокой эмоциональной связи между ребенком и матерью для полноценного развития ребенка: «Ребенок должен испытывать теплые, личные и продолжительные отношения с матерью или ее заместителем, от которых обе стороны испытывают удовольствие и удовлетворение» [6, 154].

Доклад имел значительный резонанс как в академической среде, так и в среде социальных работников, профессионально занимавшихся детьми, оставшимися без попечения родителей. Начиная с 1950-х гг. под влиянием доклада Боулби в Великобритании существенно изменились порядки в социальных институтах, где дети находились без родителей, таких как медицинские стационары и сиротские учреждения. Родителям начали разрешать посещать детей, лежащих в больнице, и многие детские больницы стали практиковать госпитализацию ребенка вместе с матерью. Возникла также практика создания патронатных (*foster*) семей и помещения в них детей-сирот, вместо содержания их в детском доме, так как, согласно выводам Боулби, семья давала ребенку больше шансов на преодоление последствий родительской депривации.

В 1969 г. Боулби публикует свою центральную работу «Привязанность», которая впоследствии составила первый том трехтомника «Привязанность и потеря» [1]. В ней он формулирует свою теорию привязанности, детально рассматривая накопленный в науке на тот момент эмпирический материал и анализируя все существующие теории материнской заботы и материнского поведения. Боулби определяет привязанность как такой тип инстинктивного поведения, который обеспечивает нахождение ребенка и матери в максимально близкой дистанции друг от друга, причем стремление ребенка к прямому физическому контакту с матерью либо к нахождению неподалеку от нее не может быть сведено к потребности в пище и кормлению. Привязанность, по мнению Боулби, это сложный динамический комплекс, включающий разнообразные формы поведения и реакции как со стороны ребенка, так и со стороны матери. Мать обеспечивает базовую безопасность ребенка: она стремится не выпускать ребенка из вида или поручает кому-то надзор за ним. Она реагирует на плач и зов ребенка тем, что подходит к нему. Ребенок же демонстрирует различные формы сигнального поведения, такие как плач, лепет, улыбка, а также поисковую активность — цепляние за мать и, по мере обретения двигательных функций, движение к ней. Формы, в которые облекается привязанность, зависят как от возраста ребенка, так и от конкретной ситуации. Стремление к физическому контакту с матерью может усиливаться когда ребенок болен, напуган или испытывает дискомфорт. Когда же ребенок спокоен и здоров, он может отваживаться на центростремительное движение от источника привязанности, например включаться в исследовательскую или игровую деятельность.

Опираясь на данные этологии, эволюционной биологии, теории управления, а также на значительную эмпирическую базу наблюдения за поведением самок с детенышами у птиц, грызунов и млекопитающих, включая высших приматов, Боулби утверждает, что привязанность матери и ребенка имеет инстинктивную природу, так как в эволюционном плане она выполняет важную функцию — обеспечение безопасности и выживаемости потомства. Возможность в случае опасности перенести детеныша в безопасное место, защитить его лежит в основе данного сложного поведенческого комплекса.

Несмотря на огромную разницу в проявлениях привязанности между человеком и приматами, а тем более человеком и низшими животными, значение

этой разницы «часто преувеличено», по мнению Боулби. Как минимум, «между низшими приматами и человеком, принадлежащим к западной цивилизации, можно установить некий континуум» [1, 161]. Так, у менее развитых приматов, детеныш сам держится за шерсть матери во время движения, тогда как представители высших приматов (горилла) вынуждены поддерживать ребенка, поскольку он сам не в состоянии цепляться за мать. Следующее звено в континууме, по мнению Боулби, это матери «в первобытных обществах, особенно в тех, которые занимаются охотой и собирательством, где ребенка не кладут в кроватку или в коляску, а мать носит его на спине». Наконец, финальным звеном становится «экономически развитое общество», где «младенцы в течение многих часов в день, а часто и ночью лишены контакта со своей матерью» [Там же].

Концепция импринтинга имела решающее значение для формулировки теории привязанности. После того как Лоренц познакомил со своими экспериментами участников Исследовательской группы по психобиологическому развитию ребенка, в которую помимо Лоренца и Боулби входили Жан Пиаже, Эрик Эриксон, Маргарет Мид и ряд других ведущих специалистов по детству, Боулби начинает активно использовать его данные для построения своей концепции. Концепция импринтинга Лоренца помогает Боулби четче размежеваться с бихевиоризмом и фрейдизмом, объяснявшими привязанность кормлением или положительным стимулированием. Боулби пишет о Лоренце: «Его данные четко и недвусмысленно показали, что поведение привязанности может развиваться у утят и гусят без какой-либо связи с получением ими пищи или какого-либо другого положительного подкрепления» [Там же, 170]. На вопрос о том, существует ли сходство в развитии поведения привязанности у птиц, млекопитающих и у человека, Боулби отмечает, что эмпирические данные «дают убедительные доводы в пользу утвердительного ответа» [Там же]. Монография Боулби изобилует как ссылками на Лоренца, так и повторяющимся, как рефрен, утверждением, что «сам ход развития поведения привязанности у ребенка и ее избирательное сосредоточение на определенном лице весьма сходны с тем, как происходит развитие поведения привязанности у млекопитающих животных и птиц». Иными словами, по мнению Боулби, «имеются все основания, чтобы отнести развитие привязанности к процессу запечатления [импринтинга]... На самом деле, в противном случае возник бы совершенно необоснованный разрыв между поведением привязанности у человека и других биологических видов» [Там же, 179].

Американский исследователь творчества Боулби Марга Виседо отмечает, что активное обращение Боулби к теории Лоренца было вызвано как научными, так и идеологическими причинами. «На первый взгляд, энтузиазм Боулби по отношению к этологии трудно объяснить. Взгляды Лоренца на поведение человека были грубой экстраполяцией его исследований поведения животных, основанной на аналогиях и отдельных примерах. Боулби же продемонстрировал в своем докладе для ВОЗ, что его выводы о значении материнской любви для развития ребенка получили подтверждение в наблюдениях именно над человеческими особями. ...Поворот Боулби к этологии был, возможно, вызван усилившейся с середины 1950-х гг. критикой в отношении его исследования материнской депривации.

Кроме того, он искал натуралистическое объяснение отношений матери и ребенка. ...Боулби всегда писал о «естественной семейной ячейке», подчеркивая природный фундамент материнской любви, описывая эмоциональное развитие ребенка по аналогии с развитием эмбриона» [12, 75].

Российский исследователь творчества Боулби В. В. Старовойтов также подчеркивает фундированность теории привязанности Боулби его знакомством с этиологией Лоренца: «Таким образом, по мнению Боулби, поведение привязанности является формой инстинктивного поведения, которое развивается у людей, как и у других млекопитающих, в период младенчества и имеет в качестве своего стремления или цели близость к материнской фигуре, а основная функция поведения привязанности заключается в защите» [6, 69]. Старовойтов подчеркивает, что Боулби воспринял не только идеи импринтинга, но и другую важную составляющую концепции Лоренца — идею врожденных пусковых механизмов в родительском поведении. «С самого начала жизни младенец обладает определенной врожденной оснасткой, которую составляет тотальность филогенетически заранее сформированных и унаследованных способностей новорожденного, а также развертывающиеся в ходе развития задатки и врожденные пусковые механизмы. ...Поэтому, как считает Джон Боулби, в свете филогенеза вероятно, что те инстинктивные связи, которые привязывают маленького ребенка к материнской фигуре, основываются на том же самом паттерне, что и у других видов млекопитающих» [Там же].

Проповедь Боулби о том, что физический контакт ребенка и матери жизненно необходим для полноценного развития ребенка, равно как и описание катастрофических последствий «материнской депривации», упала на подготовленную почву. В США и Великобритании возвращение к нормальной жизни после войны воспринималось в том числе и как восстановление довоенного гендерного порядка, предполагающего, что место женщины — у семейного очага. Ряд историков связывают сворачивание государственной поддержки яслей и детских садов в Великобритании в начале 1950-х с популярностью идей Боулби, хотя прямой связи, судя по всему, здесь нет [10]. В любом случае, как показала историк науки Дайана Эйер, «предупреждения Боулби, что мать должна находиться со своими детьми на протяжении как минимум первых трех лет их жизни, наслаждаясь каждой минутой проведенного времени, а в противном случае она станет источником “материнской депривации”, наводнили популярные книги по детской психологии как в 1950-е гг., так и после» [8, 86].

Теории бондинга и практики «естественного родительства»

В 1970-е гг. американские педиатры Джон Кеннел и Маршалл Клаус опубликовали серию исследований, доказывавших, что женщины, которым в период их нахождения в роддоме после родов была дана возможность провести в тесном контакте с новорожденным не менее 16 часов, в дополнение к обычному времени кормления, демонстрировали впоследствии лучшие материнские навыки, а их дети развивались быстрее как физически, так и интеллектуально. Даже один-два

часа непосредственного, «кожа-к-коже», контакта матери с новорожденным после родов, согласно данному исследованию, имели огромное влияние на дальнейшие отношения ребенка и матери, усиливали их взаимную привязанность и обеспечивали более гармоничное развитие ребенка. Тесный контакт матери и новорожденного получил название «бондинг» (*bonding*)².

Концептуальной базой данного исследования послужили теории импринтинга и представление о биологической, инстинктивной природе материнского поведения. В одной из первых публикаций о значении бондинга авторы писали: «Для многих видов животных, таких как коровы, козы и овцы, разлучение матери и детеныша сразу после родов даже на короткий срок, не превышающий четырех часов, часто ведет к проявлению аномального материнского поведения. В тех же случаях, когда взрослая материнская особь и детеныш не разлучаются в течение четырех дней, то паттерны материнской заботы устанавливаются достаточно крепко, и последующее отделение детеныша от матери их уже не нарушает» [9, 460].

Помимо теории импринтинга исследование опиралось на парадигмы «материнской депривации» и привязанности, разработанные Боулби, также позволявшие утверждать, что бондинг есть инстинктивная реакция, имеющая глубокий эволюционный смысл и адаптивную ценность.

Ход исследования, которое привело к формулировке теории бондинга, состоял в следующем. Группа из 28 первородящих матерей была поделена на две равные части. Четырнадцать из них была дана возможность более интимного и более тесного контакта с младенцем (т. е. бондинга), заключавшегося в контакте «кожа-к-коже» сразу после родов и в дополнительных часах общения, когда матери просто держали детей на руках и общались с ними. У оставшихся рожениц контакты с новорожденными были ограничены обычным протоколом роддома: сепарация вскоре после рождения, контакт только во время кормления, которое осуществлялось по часам. Врачи наблюдали за матерями из обеих групп в течение года, во время их регулярных визитов с младенцами в клинику, с целью определения уровня привязанности в обеих группах. Была разработана шкала, согласно которой измерялся уровень бондинга, основанная на спонтанных поведенческих реакциях женщин во время осмотра ребенка педиатром. Так, мать, которая стояла рядом с ребенком во время осмотра, устаивалась более высокого балла, в то время как мать, которая сидела в кресле или смотрела на другие объекты помимо ребенка, получала низкий балл. Кроме того, оценивалось, как часто мать приближала свое лицо к лицу ребенка, обнимала его, как долго держала в руках, прежде чем положить в коляску. В возрасте одного года и двух с половиной лет дети из обеих групп были подвергнуты тестам, определявшим их уровень развития. Были сделаны выводы, что из группы, которая получила

² Буквальный перевод англоязычного термина *bonding* – соединение, склейка. В российской литературе используется русскоязычная калька «бондинг», вероятно, для того, чтобы отделить его от более широкого термина «привязанность». Термин «бондинг» использует, например И. В. Добряков в монографии «Перинатальная психология» (2010): «Бондингом называется интуитивная и незримая связь между ребенком и матерью, возникающая после рождения, благодаря которой они сохраняют общие границы и продолжают оставаться единым целым» [2, 136].

возможности бондинга в роддоме, и матери, и дети демонстрировали более высокий уровень привязанности.

Несмотря на то что исследование было довольно ограниченным по масштабу, его влияние на организацию родовспоможения в США было очень значительным. Протокол родов во многих родильных домах стал включать бондинг как особую процедуру, были созданы специальные комнаты бондинга, медсестры теперь обучали матерей не только техникам грудного кормления, но и техникам бондинга, а также отмечали уровень бондинга согласно разработанным шкалам в медицинских картах. Распространение идеи бондинга совпало с движением за реформирование родильных домов и практик родов, инициированное феминистским движением и поддержанное многими прогрессивно настроенными медиками. Снижение рождаемости в стране, заставившее госпитали и родильные дома конкурировать между собой за клиентов, привлекая их дополнительными услугами и уровнем комфорта, также имело большое значение в продвижении идеи и технологий бондинга. Именно во второй половине 1970-х гг. многие роддома начали оборудовать палаты для родов так, что те выглядели как домашняя спальня или по крайней мере как хорошая гостиница, но не как обычная палата. Администрация стала разрешать мужьям и родственникам женщин участвовать в родах. Помещение ребенка в одну палату с матерью после родов, обеспечение тесного контакта и другие технологии бондинга идеально укладывались в эту обновленную схему «естественных родов».

Уже в 1980-х гг. исследование Клауса и Кеннелла было подвергнуто серьезной критике, прежде всего со стороны психологов, сомневавшихся в его методологической валидности. Представители социальных наук также критиковали Клауса и Кеннелла за отказ учитывать другие факторы, которые могли оказать влияние на реакции и поведение женщин в эксперименте, — классовые, экономические, культурные и т. п. К концу 1980-х гг. в научной литературе установилось мнение, что исследования бондинга не соответствуют стандартам научного протокола и не могут быть оценены как серьезный научный результат. Однако, как показывает Дайана Эйер, концепция бондинга начала жить самостоятельной жизнью, определяя практики родовспоможения, ожидания пациенток, проникла в популярные книги и телевизионные передачи по уходу за детьми, о ней писали гляцевые журналы для женщин. Было что-то очень привлекательное в идее бондинга, вероятнее всего, то, что с его помощью восстанавливалась «естественная» связь матери и ребенка, что, согласно Эйер, «имело коннотации чего-то безусловно положительного, даже высокоморального» [8, 78].

В 1990-е гг. идеи бондинга в соединении с теорией привязанности дали жизнь популярному движению за «естественное родительство»³. Странники «естественного родительства» стремились обеспечить тесный эмоциональный контакт матери и ребенка на протяжении первых лет жизни. В разных вариантах

³ В различных странах закрепились различные названия для обозначения этого стиля родительского поведения. В США прижилось название «родительство привязанности» (*attachment parenting*), а термин «естественное родительство» используют чаще всего в России для обозначения сходного набора практик и идей.

«естественное родительство» включает совместный сон, ношение ребенка в слинге, т. е. буквально притороченным к телу матери, максимально длительное грудное вскармливание и другие моменты, которые работают на закрепление «естественной» связи ребенка и матери, а не на сепарацию, отдаление.

В США движение связано с именами авторов одной из самых популярных книг по уходу за ребенком второй половины XX в. — Вильямом и Мартой Сирз. Несмотря на то что книги Марты и Вильяма Сирз выходили и выходят миллионными тиражами во многих странах, включая Россию, на сайте д-ра Сирза «естественное родительство» определяется как то, что возникает «естественным образом», когда родители действуют в соответствии со своими инстинктами, не обращая внимания на предписания экспертов⁴. Необходимость находиться в физическом контакте с ребенком круглые сутки Сирзы объясняют тем, что ребенок — спонтанное существо, которое тем не менее нуждается в «любовном руководстве». Последнее означает нахождение на эмоциональной волне ребенка 24 часа в сутки, а также присутствие в жизни ребенка всякий раз, когда он чувствует потребность в физическом и эмоциональном контакте. Если ребенок нуждается в контакте с матерью, которая в это время отсутствует, так как, к примеру, она работает, то он лишается «одного из самых ценных ресурсов поддержки» [11, 183].

В России идеи «естественного родительства» стали популярны примерно с начала 2000-х гг. Зримой эмблемой этого подхода стал слинг — шарф, сконструированный для удобного ношения младенца. Слинг стал эмблемой естественного родительства до такой степени, что сообщества матерей, практикующих «естественное родительство», в какой-то момент стали называть себя «слингомамы». На интернет-форумах родителей сообщества «слингомам» обычно высказываются критически в адрес «искусственных» приспособлений, позволяющих транспортировать малыша, таких как коляска или рюкзачок. Слинг же, вызывающий ассоциации с «этническим», т. е. максимально аутентичным, предметом представляется «правильным», т. е. «естественным», приспособлением. Ношение ребенка в слинге в контакте с телом матери, в том числе на прогулке, считается одним из ключевых моментов «естественного родительства». Любопытно, что данная практика породила целую слингоиндустрию: наряду с огромным разнообразием самих слингов, появились и специальные слингокуртки, слингопальто, слингобусы для матерей. Иными словами, ставка практикующих «естественное родительство» матерей на воспризведение традиционных, домодерных форм родительских практик не совсем оправдывается, коль скоро эти практики требуют не меньше специализированных и произведенных в индустриальном формате приспособлений для их осуществления.

Как отмечают многие исследователи феномена «естественного родительства» в России и за рубежом, данный стиль родительства несет в себе фундаментальное противоречие: возникнув в условиях постиндустриального общества, он сориентирован на якобы максимально традиционные, архаические методы ухода

⁴ Такое понимание родительства можно найти на официальном сайте Марты и Уильяма Сирз: <http://www.askdrsears.com/htmV10/T130400>

и воспитания. Однако адепты метода, ничуть не менее, чем родители, практикующие конвенциональное родительство, включены в конюмеристские практики современного капитализма, хотя они и воспринимают собственные практики как «естественные», находящиеся в гармонии с природными закономерностями. В условиях все более фрагментированного социума и возрастающей социальной и экономической нестабильности, характеризующей постиндустриальный уклад, акцент на «природном», традиционном, неизменном характере отношений в паре «мать — ребенок» выполняет мощный компенсаторный эффект, позволяя создавать вообразимое пространство гармонии и стабильности.

-
1. *Боулби Дж.* Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. Бурменской. М., 2003.
 2. *Добряков И. В.* Перинатальная психология. СПб., 2010.
 3. *Монтень М.* Опыты. Избранные главы : пер. с фр. / сост., вступ. ст. Г. Кошкова. М., 1991.
 4. *Лоренц К.* Так называемое зло // Обратная сторона зеркала : пер. с нем. / под ред. А. В. Гладкого. М., 1998. С. 60–242.
 5. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. С. 4–60.
 6. *Старовойтов В. В.* «Проблема эмоциональной привязанности: психоаналитический взгляд» // История философии. Вып. 10. М., 2003.
 7. *Bowlby J.* Maternal Care and Maternal Health. A report prepared on behalf of the World Health Organization as a contribution to the United Nations programme for the welfare of homeless children. [Electronic resource]. URL: http://whqlibdoc.who.int/monograph/WHO_MONO_2_2part1%29.pdf (accessed: 10.11.2014).
 8. *Eyer D.* Mother-infant bonding: A Scientific Fiction. New Haven, 1992.
 9. *Klaus M. H. et al.* Maternal Attachment — Importance of the First Post-Partum Days // The New England Journal of Medicine (286). 1972. P. 460–463.
 10. *Riley D.* War in the Nursery. Theories of Child and Mother. L., 1983.
 11. *Sears W.* Creative Parenting: How to Use the Attachment Parenting Concept to Raise Children Successfully from Birth to Adolescence. Melbourne, 1982.
 12. *Vicedo M.* The Nature and Nurture of Love: From Imprinting to Attachment in Cold War America. University of Chicago Press, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

ЖИВОПИСЬ ГУСТАВА КЛИМТА В КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. И НАЧАЛА XXI в.: СЕКРЕТ УСПЕХА

Статья посвящена анализу эстетико-художественной ценности живописи Густава Климта, что определило ее место в ряду высоко оцененных художественных артефактов на арт-рынке в начале XXI в.

Опираясь на социокультурные характеристики австро-венгерской империи рубежа XIX–XX вв., автор приходит к выводу, что созданное художником уникальное эстетико-художественное воплощение смыслов современной ему культуры и дальнейшая культурная история картин Г. Климта в XX в. составляет накопленный символический капитал, определивший в значительной степени позиционирование его живописи в XXI в. Сочетание культурологического и философско-эстетического подходов позволяет раскрыть феномен актуального искусства, взаимодействие цены и ценности художественного артефакта, особенности функционирования исторического искусства в современной культуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: переходная — трансформационная культура, Венский сецессион, социокультурная судьба искусства, актуальность искусства, эстетико-художественная ценность и цена произведения искусства.

...Ни одна область человеческой жизни не является столь незначительной или ничтожной, чтобы не стать источником художественного вдохновения. <...>
...Развитие культуры заключается в глубоком проникновении искусства в жизнь.

Г. Климт

Австрийское искусство рубежа XIX–XX вв. в полной мере выразило те истоки культуры, которые присущи этому периоду. Уникальным феноменом европейской художественной культуры, несомненно, явилось творчество Густава Климта, создателя и ведущего художника Венского сецессиона. Приведенный эпиграф — часть торжественной речи Климта на открытии в 1908 г. выставки, устройтелем которой он сам и был, но которая оказалась «лебединой песней венского эстетизма» [3, 80].

Густав Климт относится к тем удивительным художникам, которые уже в начале своей творческой карьеры были признаны, но отношение к нему профессионального художественного сообщества и потребителей искусства существенно различалось и различается до сих пор, при этом характер оценок с течением времени радикально менялся и с той и с другой стороны, впрочем, не меняя его значения в современной художественной культуре. В XX в. становится обычным явлением, когда популярность у публики сочетается с негативными оценками и непризнанием со стороны художественной критики и наоборот, но в начале века это еще редкость.

В настоящее время искусство Г. Климта, как ни парадоксально, вновь побуждает к размышлению над ролью и судьбой искусства в культуре. Основанием для такого размышления, например, послужило следующее событие на рынке искусства: в 2006 г. наследник косметической империи «Эсти Лаудер» Род (Рональд) Лаудер купил портрет Адели Блох-Бауэр Густава Климта за рекордную для произведений живописи сумму в 135 млн долл. для основанной им «Новой галереи» в Нью-Йорке. Не только цена, но и оценка этого полотна покупателем была наивысшая: «Это наша Мона Лиза!». Такая покупка со всей очевидностью выразила то прихотливое и не вполне понятное соотношение цены и ценности искусства на художественном рынке, которое сложилось к началу XXI в.: ни один историк искусства не взялся бы сравнивать эту картину Климта с действительно величайшим, исторически эпохальным шедевром Леонардо, определяя ее художественную ценность. А если это так, то чем обусловлена такая продажная цена на аукционе?

Как оказалось, массовое информационное общество породило и новую систему ценностей, и новых арбитров в сфере художественной культуры. Вкус коллекционера картин, способного заплатить огромную сумму денег за приобретение полотна, стал определяющим критерием ценности и актуальности искусства в условиях арт-рынка. Но наряду с таким признанием искусства на арт-рынке существует и, пожалуй, является определяющим показателем массовых продаж, востребованность художественной ценности со стороны широкой публики, на которую рынок и ориентирован. И здесь возможны и происходят как совпадения, так и резкие расхождения цены и ценности на арт-рынке.

Чем же все-таки определяются художественная ценность и оценка? Как меняется их соотношение в условиях коммерциализации искусства? Чем определяется актуальность искусства для арт-рынка? И в этой связи: какое место занимает искусство Климта в культуре рубежа прошлого и нынешнего века, спустя столетие непредсказуемо взлетая в цене?

Уже в конце XIX в. живопись Густава Климта поразила своей необычностью, став выдающимся эстетическим и художественным явлением культурной жизни Вены и всей австрийской, а затем и европейской культуры. Австрия того времени была противоречивым социокультурным явлением Европы: австрийская империя, превратившись в Австро-Венгрию, двигалась к закату, окончательно прекратив свое существование после Первой мировой войны в 1918 г. (забегая вперед, заметим, что в этом же году не стало и Густава Климта). В то же время империя периода распада явила небывалый взлет духовной культуры, репрезентативно выраженный подъемом гуманитарных наук и искусства. В определенной степени эту особенность можно рассматривать в качестве более общей закономерности исторических трансформаций культуры: например, в отсталой феодальной Германии конца XVIII — начала XIX в. рождается и расцветает культура романтизма, ярко представленная затем в такой же феодальной России вплоть до конца XIX в. и в силу тех же обстоятельств. Культурный взлет социально отсталой страны становится своеобразной компенсацией невозможности реальных преобразований и переносится в сферу духа. Но основания для духовного прорыва определяются все-таки социокультурными обстоятельствами.

Основания австрийского культурного Ренессанса второй половины XIX — начала XX в. рассмотрены Л. А. Заксом в докладе на II Международном симпозиуме «Австрия как культурный центр Европы» [2]. Назовем эти основания, чтобы затем понять особенности собственно искусства Г. Климта.

«Имперскость» австро-венгерского общества специфична, что и определило ее креативный потенциал. Народы, объединенные империей, тесно взаимодействовали на достаточно небольшой территории, обогащая австрийское своими национальными традициями и в то же время воспринимая культуру страны, которая их «собрала»: «...это была империя, располагавшая к продуктивному диалогу культур и к творчеству, создававшая для них необходимые предпосылки. Это выгодно отличает ее в ряде отношений от тогдашней Российской империи» [Там же, 48]. Активное и продуктивное взаимодействие-перемешивание национальных, региональных, традиционных и актуальных культур становится затем характерной чертой XX в. На рубеже эпох Австрия, точнее Австро-Венгрия, становится таким перекрестком, где соединились в одно целое разные формы и уровни культуры, представляя своеобразную квинтэссенцию и модель европейской культуры грядущего века.

Другая выгодно отличающая эту империю особенность — «...сравнительная мягкость, если не сказать либеральность, ее политического режима. Его никак нельзя назвать деспотией и уж тем более тиранией» [Там же]. И связанная с этой чертой, определяемая ею гуманность социально-организующей и духовной культуры: «...гуманность была не только ментальной, но и практической, онтологической чертой австро-венгерской реальности» [Там же, 50]. В отношении развития культуры эта черта не только определяет ее направленность на человека, но и обусловливает «плодотворную взаимодополнительность» противоречий развития культуры и общества, при которой процессы социокультурной модернизации органично взаимодействуют с возможностями личностной самореализации. Эти особенности имперской Австро-Венгрии определили тот факт, что после развала империи на ее обломках в дальнейшем, уже в XX в., развивались открытые новациям и потому прогрессивные культура и общество.

Посмотрим теперь внимательнее, как весь комплекс австрийской духовной культуры того периода представлен в искусстве Густава Климта и как его живопись выразила культуру того времени.

Живопись Климта при первом знакомстве прежде всего поражает свободой и широтой авторского интереса, представленного многообразием сюжетов, и высказывания, выраженного эстетическим многообразием. В его творчестве представлены все живописные жанры и самые широкие образные ориентации — от мифологических до реалистических и символических. Столь же художественно изысканна манера его письма, как, например, в портретах, где реалистическое изображение лица, рук сочетается с размытой в пространстве фигурой, условностью и прихотливостью позы портретируемого и декоративного фона. И все это представлено в доминанте уникального даже для модерна панэстетизма. Такая свобода, раскованность, широта авторского интереса и предельная экспрессия форм оказались способными точно выразить модернизационный переход культур

рубежа веков в будущее «новоевропейской рациональности» в условиях кризиса «европейских ценностей» и трагического заката одной из самых устойчивых империй. Необходимая «переоценка ценностей» (Ф. Ницше) была наглядно представлена живописью Густава Климта.

Такое впечатление и мнение не случайно подтверждаются исследователями творчества Климта: «...Как бы значительно ни было творчество его современников, именно живопись Климта стала символом того мощного подъема творческой активности, который пришелся на последние дни Австро-Венгерской империи... В Климте нашли отражение все достоинства и заблуждения венской живописи... Это он сумел вернуть ее из столь пагубной изоляции в большой мир. ...На рубеже XIX–XX вв. Климт, более чем кто-либо другой, обусловил неповторимую оригинальность искусства Вены» [3, 6].

В этой связи именно Густав Климт в своей живописи в наибольшей степени выразил экзистенциальные смыслы в «пограничной ситуации» переходного, трансформационного времени. Его живопись представила уникальную эстетико-художественную визуализацию начавшихся на рубеже веков глубинных трансформаций всех ценностей культуры, в полной мере затем развернувшихся в наступающем XX в., что и определило то особое место, которое искусство Густава Климта заняло на рубеже веков, в начале, а затем и в конце XX в.

Культурная мозаичность наступающего века, отличавшегося отсутствием доминантного типа культуры и соответственно выражающего его художественного стиля, для Климта органично превратилась в полистилизм и характерную для модерна эклектику. Основатель Венского сецессиона Густав Климт соединил в своем творчестве исторический и современный языки живописи, воспроизводя стилистику мозаик Равенны и фактурность импрессионизма, многосмысленность символизма и чувственную конкретность реализма, граничащего с натурализмом, а в итоге практически почти полностью отказавшись в своем творчестве от того направления, основателем которого и был.

В живописи Климта креативный мультикультурный микст проявился в ее художественной раскованности, пластичной, постоянно изменяемой манере письма и отрицании той нормы и канона, которая характерна для какой-то одной национальной школы. Выбор сюжетов, уникальность языка, смысловая направленность живописи Климта явила колоритное, шокирующее своей откровенностью выражение мироощущения другого, наступающего времени на первом рубеже веков. Его модерн стал уникальным соединением эклектики стилей и концептуальной устойчивости, абстрактного символизма и натуралистичности с характерным проявлением новых смыслов и ценностей.

Обращение к библейским сюжетам и образам соединилось в его живописи с неожиданной натуралистичностью изображения мужского и женского тела, кроме того, в библейских персонажах узнаваемы реальные женщины, которых он портретировал, например, Юдифь — это практически портрет Адели Блох-Бауэр, только значительно более откровенный, чем два других ее портрета. В образе Юдифи, чье тело весьма откровенно раскрыто на картинах Климта, как, впрочем, и женщин во многих других его картинах («Даная», «Адам и Ева», «Невеста»,

«Подруги», «Танцовщица», «Три возраста женщины», «Водяные змеи», почти при любом непортретном изображении женщины), нашло очевидное и яркое выражение то открытие значения секса и сексуальности, которое совершил психоанализ З. Фрейда, причем в той же стране, на том же рубеже веков, т. е. в пределах одного и того же хронотопа бытия. Это открытие закономерно нашло адекватную визуализацию в живописи Климта: художник изображает обнаженное тело, акцентируя признаки пола и представляя его пластику как борьбу двух противоположных доминант бессознательного — Эроса и Танатоса. До Климта никто из художников не изображал таким образом и ошеломляющую привлекательность, и муку женского тела в их единстве. Особенно ярко это представлено в его полотнах «Юдифь», «Невеста», «Течение» [4, 20, 61, 76–77]. В живописи Климта произошла подлинная, не свойственная прежней официально признанной живописи, явная эстетизация телесности пола: его картины оказывают эстетико-художественно-эротическое воздействие, не выходя за границы духовного и нравственного.

Эротика его картин показала актуальные для наступающей культуры доминанты внутреннего мира человека и ту новую форму чувственности, которая сформировалась к концу XIX в. По существу, речь может идти даже о новом эстетическом выражении пола, начатом живописью Густава Климта. Можно сказать, что в данном случае искусство точно представило публике и открытие в науке психологии, и ту особенность меняющейся культуры, которая станет в дальнейшем ее важнейшей, многообразно исследуемой и изображаемой чертой. Эротика вернулась в культуру в ее современном понимании благодаря живописи Густава Климта. Даже если вспомнить «контркультуру» второй половины XX в., то «сексуальная революция» и «новая чувственность» (Г. Маркузе) не могли не быть инспирированными «художественной сексуальностью» в творчестве Климта.

Необходимо определить и еще одну, не менее важную особенность творчества Густава Климта в ряду тех культурных черт, которые отразят сущность XX в. и будут атрибутивными. В живописи Климта произошло выражение и соединение двух сущностно разных культур, рожденных и развернутых в XX в., — массовой и элитарной. Климт пишет портреты состоятельных заказчиков за хорошее вознаграждение и создает концептуальные полотна, где мучается над загадками жизни и смерти, пола, отношений человека с универсумом. В панно «Философия», «Медицина», «Юриспруденция», созданных для потолка Большого зала Венского университета, используя привычные образы обнаженной натуры, что вызвало резкую негативную оценку у профессоров университета, Климт попытался через максимальную символизацию образов акцентировать архетипические смыслы изображаемого. И здесь проявилось противоречие, характерное для искусства Климта: через обнаженные тела мужчин и женщин, где акцентирована открытая чувственность, художник представляет публике аллегории не изобразимых, но художественно явленных сущностей этих наук и сфер человеческой деятельности.

При всех различиях оценок живописи Климта нельзя не отметить, что она никого не оставляла равнодушным: каждый, кто воспринимал его картины, не мог не откликнуться на экспрессию человеческого тела, образы природы, текущего и меняющегося времени. И, несмотря на изломанность изображаемой телесности

и наглядную открытость декоративности такого излома, в картинах Климта явственно присутствует и воспринимается смотрящими на них и любующимся ими людьми очень сильная позитивная гуманистическая нота, характерная не столько для «духа» Австро-Венгерской империи, сколько для всего искусства конца XIX в.: «Красота спасет мир!». В XX в. искусство в некотором смысле расстанется с таким представлением, поняв его почти полную иллюзорность, но живопись Климта останется и по-прежнему «будет того стоить!».

А в XXI в. яркая красота и гуманистическая аура полотен Климта вновь окажутся источником сильных художественных впечатлений и объектом пристального интереса публики и критики. Его живопись становится предметом искусствоведческих исследований, лишь два из которых приведены в списке литературы; его картины экспонируются в крупнейших музеях мира, более того, так же, как и шедевр Леонардо «Мона Лиза», «Поцелуй» Климта вошел в обычную жизнь через изображение на кружках, сумках, гобеленах. Оказалось, что живопись Густава Климта, являясь событием культуры с самого начала, попала на оба поля арт-рынка, массового и специализированного. Художественная ценность его картин нашла выражение и в продажной цене на аукционе, и во внедрении его образов в сознание массового человека через предметы повседневного обихода.

Вероятно, не случайно поэтому портрет Адели Блох-Бауэр вновь напомнил о творчестве Климта: цена картины, всплывшей на аукционе в начале XXI в., поразила воображение меценатов, подтвердив: подлинные художественные ценности и на арт-рынке стоят дорого.

Уже в культуре рубежа прошлых веков начинается активное рыночное функционирование искусства. Густав Климт, работая по заказам крупной австрийской буржуазии, органично включился в эти новые условия художественной жизни. Знаменитый «Портрет Адели Блох-Бауэр» он писал по заказу ее состоятельного мужа за очень серьезное вознаграждение. Уже при жизни Климта в художественной культуре начинает стираться грань между искусством и «управляемым серийным производством», в которое превращается художественное творчество (термин Теодора Адорно [5, 18]), а в XX в. художественный артефакт имеет шанс на признание в качестве такового, если произведен по законам, определяемым спросом на арт-рынке.

Для художественной культуры XXI в., превратившейся в культурную индустрию, арт-рынок становится внутренним механизмом обращения ценностей, где актуальность искусства определяется не только эстетической новизной и художественными достоинствами, признанными искушенными ценителями, но соответствием потребностям широкой публики, активно искусство покупающей.

Новые условия производства и обращения культурных ценностей получили осмысление в системе категорий, разработанных в трудах П. Бурдьё и Ж. Бодрийяра. Для понимания особенностей функционирования искусства на арт-рынке и соотношения цены и ценности художественного артефакта оказались необходимыми категории «символический капитал» и «символическое благо», введенные П. Бурдьё. Природу символических благ П. Бурдьё определяет как двуликую реальность «...товаров и значений, сугубо символическая и рыночная

ценность которых остаются относительно независимыми друг от друга, даже когда экономическая санкция способствует усилению культурного признания — интеллектуального, художественного и научного» [1, 50]. Символический капитал выражает культурную ценность, характер признания и значение артефакта в культуре. Художественная ценность, таким образом, рассмотренная как символический капитал, представляет собой степень соответствия найденного художником знакового выражения, языка ключевой системе ценностей и смыслов изменяющейся культуры.

Важнейшей особенностью искусства, выражающей его символическую ценность, является доминанта «...формы относительно функции, способа репрезентации относительно объекта репрезентации... Сделать так, чтобы манера изложения стала важнее излагаемого, подчинить прежде чисто заказной сюжет манере его изложения, чистой игре света, ценностей, форм, обуздать язык с тем, чтобы привлечь к нему внимание, все это в конечном счете приводит к утверждению специфичности и незаменимости продукции и ее производителя...» [Там же, 53]. В этом смысле искусство всех времен и народов говорит об одном и том же, но каждый раз представляет вечный сюжет в его неповторимом, найденном художником выражении, визуализирующим его развертывание в актуальной культуре. Особенность и социокультурная значимость символического капитала в искусстве состоит в его производящей способности, что соответствует природе художественной ценности. Уникальная художественная форма, точно воплотившая современные культурные смыслы, становится адекватным способом выражения и для будущей культуры, учитывая преемственность и повторяемость культурных трансформаций. Так стиль модерн, представивший ситуацию перехода эпох, оказался актуальным и в новом переходе культур.

Понятно, что цена и ценность произведения искусства будут всегда расходиться, и этот разбег непредсказуем, поскольку цена ориентируется на потребительский спрос, а ценность представляет культурную значимость, определяемую профессиональным сообществом: «...писатель, художник или ученый создают не только для публики, но и для круга равных, которые являются одновременно и конкурентами» [Там же, 52]. Понятны поэтому часто присутствующие различия оценок художественного артефакта со стороны круга профессионалов и широкой публики. Художественная ценность остается атрибутом произведения искусства, поскольку только образный язык искусства способен выразить культурные смыслы в единстве сущности и существования, обращая артефакт к восприятию. В отношении искусства, созданного в ушедших эпохах, на это работают открытия, которые неповторимо воплощены художником и которые вступают во взаимодействие с ценностями «сегодняшнего дня». Понятно, что искусство прошлого имеет шанс новой жизни, если находит ответы на проблемы актуальной культуры.

Живопись Густава Климта выразила ту трактовку мира и человека, которая получила развитие в XX в.; ее символический капитал определяется точным содержательным и визуальным попаданием в наступающую культуру, и авторская индивидуализация стиля модерн сыграла в этом решающую роль. Но, кроме того, картины Климта, и в особенности «Портрет Адели Блох-Бауэр», имеют

и собственную драматическую культурную историю, связанную и с еврейской семьей Блох-Бауэров, и с историей Вены, где она хранилась в музее Бельведер, а затем была вывезена вместе с другими картинами Климта в Америку. Частью истории Вены и Австрии были жизнь и творчество и самого Густава Климта. Именно этот культурный шлейф, определивший нынешнюю судьбу картины и ее ценность, повлиял на ее цену, которую счел оправданной и заплатил Род Лаудер. Произведение искусства фигурирует на арт-рынке в единстве своей уникальной внешней формы, фактуры и некоторой связанной с этим шедевром истории, не менее увлекательной, складывающейся и из особенностей личной жизни художника, и обстоятельств создания и жизни шедевра. Актуальная художественная ценность, таким образом, складывается из группы значений, определяющих и особое отношение к искусству, и соответствующую ему цену, в которую, наряду с прихотливостью внешней формы, включается сложность судьбы и художника, и его творения. Покупатель на рынке искусства платит не только за материализованный духовный продукт, но и за ту культурную ауру, которая неотделима от него. Не случайно успешность продажи прямо связана с рекламной историей арт-продукта, а финансово состоявшиеся художники прошлого века, такие, например, как Э. Уорхол, С. Дали, активно работали над разработкой своего заманивающего и эпатазирующего образа для публики.

В начале XXI в. продажа картины Климта показала, что рынок искусства является самым крупным и не регламентируемым рынком мира, богатым неожиданными, где взаимодействие символической ценности и меновой стоимости определяется обстоятельствами культурной судьбы искусства.

-
1. *Бурдые П.* Рынок символической продукции // *Вопр. социологии.* 1993. № 1/2.
 2. *Закс Л. А.* О пользе империй, или Социокультурные основания австрийского культурного ренессанса второй половины XIX — начала XX века // *Австрия как культурный центр Европы: материалы междунаро. науч. симп.* Екатеринбург, 2011. С. 42–54.
 3. *Сармани-Парсонс И.* Густав Климт. М., 1995.
 4. *Харрис Н.* Климт Густав: Жизнь и творчество. М., 1995.
 5. *Чаки М.* Идеология оперетты и венский модерн: Историко-культурный очерк / пер. с нем. В. А. Ерохина. СПб., 2001.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

УДК 791.633-051:316.513.434

Л. М. Немченко
А. С. Темлякова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАСИЛИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА УЛЬРИХА ЗАЙДЛЯ)

В статье проанализированы особенности репрезентации насилия в кинематографе, показаны различные подходы к насилию, объясняется, почему именно в Австрии возникает критическое направление в искусстве, ориентированное на обнажение скрытых механизмов насилия. Предметом исследования становится трилогия австрийского режиссера Ульриха Зайдля «Рай. Любовь», «Рай. Вера» и «Рай. Надежда», в которой режиссер демонстрирует зарождение насилия в рутинных практиках повседневной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кино, насилие, репрезентация, взгляд, видение, тело.

Кинофильмы как система репрезентаций реальности — предметной среды, коллективных представлений, культурных событий, социальных явлений — могут интересовать философа не только с точки зрения накопления эмпирического материала. В XX столетии кинематограф оказывался в пространстве научных исследований большого числа философов — В. Беньямина, Т. Адорно, Ж. Деррида, Ж. Делёза, М. Мерло-Понти, Р. Барта, К. Метца и др.

Так, кинематограф, с точки зрения Делёза, меняет традиционное философское представление о соотношении образа и реальности, «с изобретением кинематографа уже не образ становится миром, но мир — собственным образом» [4, 106]. По его мнению, кино всегда указывает на нечто, что не подлежит изображению, повторению. Кино демонстрирует возможности репрезентации реальности не только в режиме простого представления, но и в виде «присутствия», повторяющего и замещающего явление; не случайно «любое кадрирование обуславливает закадровые явления» [Там же, 112].

Воплощая в кино свой творческий замысел, режиссер выстраивает некую систему образов, а именно такой набор образов, который виртуализирует реальность. Ж. Делёз отмечает, что раньше такого рода виртуализация могла быть присуща только философии. То есть кинематографическую виртуализацию сегодня можно рассматривать как некое философствование. Делёз приписал кино необычайно высокий теоретический статус, и М. Рыклин выстраивает логику делёзовского суждения: «Поскольку философия после своей смерти, — как бы спросил он себя, — разлита по всему пространству культуры, то почему бы не найти ее в кино?» [8].

Предмет нашего исследования — кинематограф Ульриха Зайдля, австрийского режиссера, демонстрирующего особый метод репрезентации насилия в кинотекстах. Сами художественные тексты (в нашем конкретном случае это трилогия Ульриха Зайдля «Рай. Вера», «Рай. Любовь», «Рай. Надежда») не просто явления культурной жизни Австрии и европейского кинематографа (фильмы вышли

в 2013 г. и получили награды в Каннах, Венеции и Берлине, на трех самых престижных европейских кинофестивалях). Сам режиссер позиционирует себя как исследователь социума, антрополог и феноменолог. При этом предметное поле его исследований — разнообразные виды насилия в пространстве мирной повседневности жителя современного буржуазного города (все его герои — жители Вены).

В позапрошлом веке Вена предложила миру практику конструирования совершенного города для буржуа, где «общественные здания спонтанно заполняют пространство, чьим единственным организующим элементом является вереница движущихся людей» [11, 65]. Когда английский историк Эрик Хобсбаум описывал особенности буржуазной культуры, то в качестве репрезентативной модели совершенной буржуазной столицы он выбрал Вену [12, 240–245], где визуальное воплощение либеральной системы ценностей представлено «словно в розе ветров: парламентское правление в рейхстаге, городская автономия в ратуше, высокая образованность в университете, драматическое искусство в Бургтеатре» [Там же, 65]. Весь город призван служить удобству и комфорту, он и сегодня прекрасно справляется с этими задачами: создана среда, в которой, казалось бы, внешне нет места насилию и агрессии. В то же самое время именно в Вене 60-х родилась одна из самых радикальных художественных практик XX столетия — венский акционизм, практика, проблематизирующая отношение между скрытым, вытесняемым официальной австрийской культурой насилием и индивидуальными травмами поколения, родившегося в годы Второй мировой войны. Если в Германии о насилии как культурной политике гитлеровской Германии говорили открыто, то Австрия предпочла принять роль жертвы и вести политику умолчания. Отсюда «венский акционизм — это последствия серьезной травмы, попытка освобождения через катарсис, освобождения от насилия (отца, государства, церкви) через насилие преимущественно над собой, насилия настоящего, но при этом как бы невосприимчивого» [6].

Герман Нитш, Рудольф Шварцкёглер, Гюнтер Брюс, Отто Мюль, Курт Крен, Отмар Бауэр, Петер Вайбель — дети войны, те, кто «оказался между двумя эпохами, кто ничем не защищен и навсегда потерял непорочность, те, чья судьба — ощущать всю сомнительность человеческой жизни с особенной силой, как личную муку, как ад» [Там же]. Акции, которые они проводили, часто носили ритуальный характер, включали элементы из древнегреческих церемоний и христианскую символику — кровь, вино и крест. Интересно заметить, что в кинематографе Зайдля, лишённом откровенного визуального насилия, будет присутствовать христианская риторика — Рай, Вера, Надежда, Любовь.

Венских акционистов и австрийских кинорежиссеров объединяет критическая позиция по отношению к упорядоченной, мирной жизни среднего класса. Именно в рутинных практиках повседневной жизни и декларируемом потребительской культурой наборе ценностей зарождается насилие. В австрийском кинематографе мы находим самую жесткую критику идиллии комфорта, консюмеризма, потребления. Ульрих Зайдль, как и его соотечественник Михаэль Ханеке, автор фильма «Скрытое», постоянно шокируют благовоспитанную европейскую публику, обнажая неочевидность насилия, вскрывая его скрытые механизмы.

Насилие как предмет художественного освоения

Репрезентация насилия в искусстве имеет богатую историю: от присутствия в периферийных зонах повествования (описание или изображение деструктивных актов по отношению к природе, «второй природе», человеку) до доминирования, когда актам насилия подчинены все сюжетные ходы и мотивы, когда оно выступает в конкретной предметной определенности как на тематическом, так и на концептуальном уровне. В XX столетии появилась новая стратегия работы с насилием — его эстетизация (сюрреализм, театр жестокости, венский акционизм, хоррор и т. п.). В этом режиме насилие рассматривается как самодостаточное, самодовлеющее качество современной жизни, авторский взгляд при таком подходе — взгляд созерцательный. Сами способы репрезентации насилия могут стать ключом к пониманию типа культуры. К примеру, Еврипид опосредованно рассказывает об акте убийства Медеей своих детей, а Сенека, взяв тот же сюжет, подробно описывает ее действия, и в этом описании — суть римской культуры с ее зрелищностью как важнейшей характеристикой образа жизни.

Содержание понятия «насилие» чаще всего зависит от исследовательских стратегий, при которых насилие может сводиться только к нравственно-правовой сфере, как у Беньямина, или, наоборот, понимается как жизненная необходимость, как у Ницше. Так, Вальтер Беньямин утверждал, что «насилием в точном смысле этого слова любая действенная причина становится только тогда, когда она затрагивает моральные установления» [9, 112]. Ницше выводил насилие из жизненного потока, настаивая, что «сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация» [7, 380]. Чаще всего в художественных практиках представлены политический, этический и юридический аспекты критики насилия. Критика насилия возможна с позиций марксистского, постструктуралистского, феминистского подходов. И именно в этих подходах насилие понимается как нечто, стоящее у истоков культуры. Однако, как замечает В. Савчук, «когда в определении насилия исследователь не ставит онтологических вопросов, он, не желая того, всегда оказывается в ловушке идеологии» [9, 93]. Онтологический подход к насилию мы находим уже в философии Аристотеля, который понимает насилие как естественно-природную закономерность, когда «насилие называется необходимостью, поэтому оно и тягостно» [2, 151]. Искусство конституирует эту необходимость, делая насилие видимым, предлагая различные процедуры перевода насилия как онтологического качества в символические формы. Об этой способности художника визуализировать невидимое писала Гертруда Стайн. В своих лекциях она приводит высказывание Пикассо: «...в человеке от поколения к поколению не меняется ничего, кроме способа видеть и быть увиденным. Усложнять вообще нетрудно, видеть же не так, как видят все, редко кто умеет...» [10, 350].

Перевод онтологического насилия в символическое, а именно этим занимается искусство, представляет насилие не только как принуждение, но и как незаметные банальные действия, внешне не имеющие никакого отношения к насильственному принуждению. В кинематографе сложились стратегии возвеличивания насилия,

так называемая «голливудская практика», когда боль, разрушение, деструкция приобретают глобальный характер (к примеру, «Список Шиндлера» Спилберга); есть и другие стратегии, к примеру, метод Клода Ланцмана, сделавшего много-часовой фильм о холокосте «Шоа», в котором насилие присутствует, но не показывается. Кинокамера, сама представляющая собой тип насильственного вторжения в реальность, обладает способностью манипулировать взглядом, эмоцией, сознанием воспринимающего. В случае с камерой Зайдля мы имеем дело с возвращением насилию того, чем оно традиционно было репрезентировано, — болью, оскорблением другого. Поскольку Зайдль работает в информационном обществе, где человек постоянно оказывается в ситуации избыточной информации, «не задевающей человека» [9, 101], в обществе «обезболенных» [Там же], он берет на себя функции выведения зрителя из наркоза. Процесс этот часто болезненный и насильственный, режиссер повторяет процедуры, предложенные Мишелем Фуко, когда насилие растворено в легитимных практиках принуждения, поэтому «визуальное насилие — феномен более сложный, нежели показ крови и сцен убийства или изнасилования. Оно описывает совокупность техник принуждения (к смотрению) и подавления (взгляда), которые задействованы в любом виде искусства, но наиболее характерны для “кинематографического аппарата” (термин Ж. Л. Бодри). Этот тип насилия чрезвычайно эффективен в воздействии на зрителя, — эффективность его обусловлена бессознательным (или неосознаваемым) характером такого воздействия. Воздействие на зрителя планируется автором произведения, но до конца не предсказуемо» [3].

Перефразируя Жака Деррида, который утверждал, что «насилие обрушивается на невинный язык извне, застает его врасплох, так что язык переживает эту агрессию письма как свое случайное бедствие, поражение, крах» [5, 247], мы можем предположить, что в случае с Зайдлем насилие обрушивается на глаз, на видение.

Насилие в фильмах Зайдля носит неочевидный характер. Иными словами, герои его фильмов живут в благополучном, упорядоченном мире, где есть время работе и отдыху. Именно пространство и время отдыха становятся для Зайдля предметом освоения, и именно время отдыха оказывается не столько желанным, сколько таящим опасность репрессий. Еще один важный аспект репрезентации насилия у Зайдля — переосмысление субъектов и объектов насилия. Если традиционно женщина выступала как объект насилия, то в трилогии Зайдля все три героини сами производят насильственные действия. Именно так они понимают мечту о Рае: посредством насильственной миссионерской деятельности («Рай. Вера»), приобретения нового сексуального опыта («Рай. Любовь»), поиска мужчины/отца («Рай. Надежда»). Все героини, а они связаны друг с другом непосредственными родственными узлами (мать — сестра — дочь), отправляются во время отпуска искать рай. Мать (Тереза из фильма «Рай. Любовь»), служащая развлекательного центра (следит за аттракционами), едет по путевке в Кению, где попадает в общество европейских женщин, совмещающих аквааэробику, пляж, удовольствие от экзотических пейзажей и наблюдений за нахальными обезьянками с приобретением нового сексуального опыта. Высокомерие и цинизм белых женщин по отношению к кенийским «любовникам на курортный

сезон» выглядят не менее отвратительно, чем просто акт насилия. Зайдль находит и обнажает истоки насилия, видит их в экономике удовольствий. История секс-туризма, распространенной европейской практики, превращается у Зайдля в манифестацию трагедии инфантильного сознания, которое разом превращается в сознание насильника. Тереза, не разглядевшая условий «игры в любовь», в прямом смысле пытается убить молодого кенийца (сцена избияния Терезой на пляже своего любовника).

Сестра Терезы Анна, фельдшер, хозяйка неплохого дома, жена инвалида, честно выполняющая свой долг по уходу за ним, посвящает свой отпуск путешествиям по разным районам Вены с религиозной миссией. Довольно бесцеремонно внедряясь в чужие дома (как правило, дома эмигрантов), Анна предлагает там помощь, а заодно и статуэтки девы Марии. Получив грубый отказ от навязываемой помощи в доме опустившейся, пьяной русской молодой женщины, Анна возвращается домой и производит акт насилия по отношению и к себе, и к распятию, висящему на стене. Мы оказываемся свидетелями своеобразной цепной реакцией, когда насилие постоянно находится в режиме обмена. Мать насильственно отправляет дочь в лагерь для похудения, девочка, одинокий ребенок, в свою очередь, будет требовать любви от доктора. Никаких практик общения, кроме насильственных, подросток не знает.

Репрезентации насилия в фильмах Зайдля напрямую связаны с воздействием на тело: это могут быть тела подростков в лагере для похудения в фильме «Рай. Надежда», экстагическое тело Анны в фильме «Рай. Вера», тела «мамочек», толстых белых теток с деньгами, приехавших за сексуальными утехами в Кению. Именно непосредственное воздействие на тело оказывается самым понятным знаком насилия.

В фильме «Рай. Надежда» мы становимся свидетелями подростковых драм и травм, которым подвергаются участники программы похудения. Некоторые в этом лагере уже не первый раз. Толстые подростки напоминают шары, с которыми тренеры производят разные манипуляции: их измеряют, взвешивают, строят, заставляют кувыркаться, переставляют, перекладывают.

Герои фильма «Рай. Любовь» тоже представлены в виде тел, выполняющих определенные функции-роли: отдыхающих, персонала, полиции, белых женщин («сахарных мамочек»), черных мужчин («пляжных мальчиков»). Телами манипулируют аниматор в бассейне, женщины, пригласившие в качестве подарка Терезе молодое мужское тело стриптизера. Круговорот тел в фильме прерывается тогда, когда портье отеля отказывается выполнять приказы белой госпожи; вот здесь, в этой паузе, прерывающей бесконечное движение, кроется причина насилия Терезы. Портье разомкнул круг негласных договоренностей, конвенций по обмену телами, перестал быть объектом.

Зайдль-социолог

Зайдля интересует общество, социальные институты, социальные группы и отдельные личности. Режиссера интересует массовое общество, преобладающее большинство которого — средний класс. Борис Гройс так описывает оптику Зайдля:

«Зайдль концентрирует свое внимание на определенном слое западного общества — на тех, кого принято называть *low middle class* или, точнее, нижний уровень *middle class*... это наиболее многочисленный слой населения, который больше всего бросается в глаза на улицах западных городов. Это те люди, которые толпами заполняют пространства недорогих супермаркетов и вообще любые торговые зоны» [1, 45]. Зайдль фокусирует внимание на людях, которые обычно не попадают в объектив камеры, он рассматривает их не только как социолог, обнаруживая их интересы, характер межличностных связей, но и как антрополог, изучая их быт, секс, то, как они переносят жару, пользуются косметикой, принимают душ. Во всех этих повседневных практиках Зайдль демонстрирует механизмы повседневной репрессивности. Причем объектами репрессий оказываются не столько личности с их страстями, недостатками, достоинствами, сколько тела. Как точно замечает Борис Гройс, «в центре внимания Зайдля находятся тела *low middle class*, сформированные потреблением фастфуда и сидением перед телевизором» [Там же, 83].

Зайдль исследует не только отдельных, вполне себе состоятельных жителей Вены или нищих кенийцев, тружеников секс-туризма, он показывает, как те и другие могут выступать в качестве эксплуататоров. Режиссер анализирует и социальные институты туризма, образования, медицины как предельно деперсонифицированные структуры, подавляющие и уже даже не соблазняющие. В своих фильмах Зайдль принципиально не касается СМИ и рекламы, важнейших институтов массовых манипуляций в современном мире, однако следы их воздействия мы находим во всех частях трилогии: герои строят жизнь по рекламным рецептам. К примеру, тело должно быть худым (мать и дочь по-своему решают эту проблему, детей родители посылают худеть) или «человек должен верить в Иисуса Христа» и т. п. Сам Зайдль говорит о себе как о художнике, рассказывающем и показывающем, из чего складываются человеческие интересы и надежды: «Каждый — одновременно и человек, и не человек» [Там же, 130]. Социологические данные о современном мире Зайдль оценивает взглядом феноменолога.

Зайдль-феноменолог

Метод репрезентации насилия, предложенный Зайдлем, обладает всеми чертами феноменологического взгляда (и в гуссерлевском смысле, как области интенциональности сознания, и в традициях культурологического подхода, где насилие выступает как один из феноменов культуры). Режиссер исследует явление насилия без его традиционных коннотаций (войны, катастроф, крови, физической боли, репрессивных институтов тюрьмы, армии), шаг за шагом очищая, редуцируя подробности повседневной жизни героев. Когда явление достигнет своей высшей точки репрезентации (в фильме «Рай. Любовь» это оргия, устроенная на дне рождения, заканчивающаяся криком разъяренной белой женщины, напоминающей интонационно крики эсэсовских вождей), мы начнем вспоминать и понимать, для чего нам показывали эти, как будто бы случайные, подробности из жизни героини: вот она перед отпуском недовольна беспорядком в комнате дочери, затем, оказавшись в номере кенийского отеля, она брезгливо

протирает унитаз и раковину роскошного санузла. Этот европейской «пунктик» чистоты окажется важным в понимании причин насилия Терезы. Оказавшись в пространстве экономики обмена, она не осознает, что никаких связей, кроме товарно-денежных, в ее случае быть не может. На первый взгляд кажется, что жестокость Терезы, по Зайдлю, кроется в разочаровании (с любовью не получилось, дочка с днем рождения не поздравила, впереди — возвращение к постылой работе, скучной сестре и дочери-подростку). Но режиссер при этом открывает неочевидное, снимая фильм «про подмену мотиваций своей героини в неизбежных товарно-денежных отношениях» [1, 95].

Процесс «очищения» феномена насилия у Зайдля происходит эстетически, он предлагает аскетичные кадры, в которых зритель не может найти того или тех, с кем он может себя идентифицировать. Режиссер выстраивает визуальный ряд таким образом, что насилие перестает иметь лицо: кабинет вместо доктора, статуэтка вместо миссионера, метла дворника вместо роскошного курорта, спортзал вместо детей, даже лужайка в фильме «Рай. Надежда», живой кусочек природы, и та заключена в рамку клаустрофобичного кадра-прямоугольника. Такое режиссерское видение предполагает понимание насилия как отказ человеку в возможностях. Отсутствие альтернативы при бесконечных играх (рекламные слоганы «ведь ты этого достойна» как эрзац альтернативы) — еще один параметр насилия, открытый Зайдлем. Он демонстрирует общество, в «котором все члены репрессивуют сами себя», поэтому к этому обществу «уже не требуется никакого внешнего насилия» [Там же, 48].

Репрезентативные возможности кинематографа связаны с его постоянно меняющейся оптикой. Эта оптика дает возможность режиссеру выступать в роли антрополога, этнографа, архивиста. Двойственная природа кино, основанная на возможности документировать реальность и одновременно ее конструировать, делает кинематограф полноценным инструментом социокультурных исследований.

1. *Абдуллаева З.* Зайдль. Метод. М., 2014.
2. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1975. Т. 1.
3. Визуальное (как) насилие... : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. Вильнюс : ЕГУ, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ehu.lt/uploads/files/book/docs/Vizual.s-s_52dea841eeb27.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
4. *Делёз Ж.* Кино. Кино 1: Образ-движение; Кино 2: Образ-время : пер. с фр. М., 2004.
5. *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000.
6. *Малахов К.* Венский хоррор : интернет-журн. «Метрополь». URL: <http://mtrpl.ru/wiener-aktionismus> (дата обращения: 10.11.2014).
7. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
8. *Рыклин М.* Жиль Делёз: кино в свете философии // Искусство кино. 1997. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://kinoart.ru/archive/1997/04> (дата обращения: 15.11.2014).
9. *Савчук В.* Конверсия искусства. СПб., 2001.
10. *Стайн Г.* Пикассо // Стайн Г. Автобиография Элис Б. Токлас. Пикассо. Лекции в Америке. М., 2001.
11. *Шостке К.* Вена на рубеже веков. СПб., 2001.
12. *Хобсбаум Э.* Век капитала. М., 1999.

УДК 303.425.3:343.85-053.2

М. В. Миронова
А. В. Парьгин

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В статье на основе результатов социологического исследования (экспертного интервью) проводится анализ особенностей межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Выявляются основные проблемы, затрудняющие реализацию межведомственного подхода в данной сфере. Демонстрируется, каким образом можно повысить эффективность функционирования системы профилактики в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: межведомственное взаимодействие, профилактика преступлений, субъекты профилактики.

На сегодняшний день преступность среди несовершеннолетних продолжает оставаться значимой социальной проблемой. Число несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность, несмотря на некоторую стабилизацию, остается достаточно высоким (18–19 тыс. в год) [4]. Эффективное предупреждение правонарушений (профилактика) является существенным условием охраны физического, психологического и социального здоровья не только подрастающего поколения, но и повышения качества жизни российского общества в целом.

Современные научные подходы к профилактике не отличаются концептуальной многозначностью. Под профилактикой чаще понимаются средства предотвращения каких-либо негативных явлений или процессов на ранних стадиях [2]. Речь идет не только о своевременном выявлении и минимизации негативных тенденций, оказывающих влияние на конкретный объект, но и об определенном воздействии, способствующем сохранению возможности его функционирования. Относительно предмета нашего исследования, профилактика включает в себя комплекс мер различного характера, направленных на выявление и устранение

причин и условий, которые могут способствовать совершению правонарушений несовершеннолетними [3].

Существующее российское законодательство предполагает создание, а также регулирование деятельности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Осуществление данных мероприятий возложено на различные ведомственные учреждения, являющиеся субъектами системы профилактики. В данную систему входят субъекты, принадлежащие к различным ведомствам: социальные службы, правоохранительные органы, органы управления образованием, органы управления здравоохранением, отделы по делам молодежи, службы занятости населения и др. [Там же].

Очевидно, что само определение «системы» подразумевает при этом некое взаимодействие субъектов друг с другом. Каждый субъект выполняет ряд функций, связанных с профилактикой правонарушений несовершеннолетних. По сути, речь идет о межведомственном взаимодействии. Межведомственное взаимодействие, на наш взгляд, должно заключаться в сотрудничестве различных ведомств по достижению единых целей в определенном направлении деятельности. Межведомственное взаимодействие включает такие формы сотрудничества, как информационный обмен, проведение совместных мероприятий, разработку единого порядка действий и др. [1, 15]. Профилактическая деятельность может быть наиболее успешной при налаженном взаимодействии всех субъектов системы. Вместе с тем на уровне повседневных практик реализация межведомственного подхода не всегда является эффективной.

Результаты проведенного нами исследования, заключавшегося в интервьюировании представителей учреждений системы профилактики одного из районов крупного промышленного города в РФ, позволили выявить и сформулировать ряд проблем, затрудняющих реализацию межведомственного взаимодействия. При проведении исследования нами применялся качественный метод, поскольку исследование предполагает выявление и оценку субъективных характеристик предмета. В частности, использовался метод экспертного интервью со специалистами субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Данная форма опроса позволила нам создать условия для достаточно откровенного общения и получения необходимой информации от экспертов о работе системы в целом, безотносительно имеющихся отчетов и статистически значимых данных, с позиции реализации актуальной практики взаимодействия субъектов.

Респондентами выступили специалисты территориальной комиссии по делам несовершеннолетних (далее — КДН), центра занятости, прокуратуры, управления социальной политики, отдела по делам молодежи, центра социальной помощи семье и детям, отдела образования, отделения полиции, отдела опеки и попечительства, осуществляющие работу с неблагополучными семьями и несовершеннолетними правонарушителями. Данные учреждения, согласно законодательству РФ [3], включены в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Профилактическая работа по-разному представлена в каждом из вышеуказанных учреждений. Это связано с тем, что только для части вышеуказанных субъектов профилактика является основной функцией их деятельности. Так,

например, согласно нормативным актам координатором всей системы профилактики должна являться КДН [3, статья 11]. Именно она позиционирует и реализует данную функцию как базовую.

Часть учреждений, входящих в систему предупреждения преступлений среди несовершеннолетних, решает ряд задач, одной из которых является профилактика. Данные субъекты имеют в своем составе отдельные подразделения, реализующие мероприятия профилактической направленности. Например, специальные отделения в органах внутренних дел «...осуществляют деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних...» [Там же, статья 20].

Вместе с тем некоторые субъекты, в частности образовательные учреждения, ориентированы на конкретную деятельность (обучение, образование, воспитание), и профилактическая функция является для них исключительно дополнительной. Они не имеют в своем арсенале организационных, временных и тем более кадровых ресурсов для ее реализации. Несмотря на это, именно с органов образования вышестоящие инстанции зачастую требуют разработки и осуществления профилактических программ различной направленности.

Таким образом, становится очевидной проблема выполнения учреждениями не свойственных им функций и задач. В связи с этим возникает важная проблема. Если функция, выполняемая субъектом профилактики, не является для него основной, то какова эффективность ее реализации? Обладают ли специалисты некоторых учреждений набором компетенций, необходимых для осуществления мероприятий по профилактике правонарушений? Заслуживает внимания и тот факт, что специалисты учреждений зачастую действуют, исходя из собственных представлений о необходимой и достаточной деятельности, не имея четких критериев эффективности осуществляемой ими профилактической работы. Эти критерии остаются размытыми, поскольку они не являются ни научно обоснованными, ни законодательно закрепленными.

Проблема несогласованности взаимодействия между учреждениями также признана респондентами одной из наиболее значимых и трудноразрешимых. Следствием данной проблемы являются периодические затруднения в реализации межведомственного подхода. Так, оценивая систему профилактики в целом, специалисты отмечают, что на сегодняшний день *«не разработаны нормы взаимодействия, отсутствует алгоритм взаимодействия, очень мешают ведомственные интересы»* (интервью со специалистом органов опеки и попечительства, 34 года). В качестве причин называется, в частности, наличие у каждого конкретного субъекта своей задачи. Данное противоречие целей и задач приводит к рассогласованности действий субъектов профилактики. По словам респондентов, каждый из субъектов, выполняя мероприятия, необходимые для решения собственных целей, либо не принимает во внимание действия других субъектов, либо может им препятствовать: *«...я свою работу выполнил, вот эту бумажку я сделал, а вот ты иди и сам делай. Такое тоже есть»* (интервью с председателем КДН, 58 лет).

Характеризуя систему профилактики, специалисты отмечают, что зачастую возникают ситуации, когда присутствует некое перекалывание ответственности, заключающееся в следующем. Учреждение может переносить ответственность за

решение конкретной ситуации на другой субъект. Это отмечает в своем интервью ответственный секретарь КДН: *«Они (субъекты профилактики) друг на друга переносят ответственность: вот это ваше, вы и делайте»*. Возможны ситуации, когда возникает не только рассогласованность в действиях специалистов учреждений, например между органами опеки и отделением полиции, но и неспособность определить, кто именно несет ответственность за принятие решения в конкретной ситуации: *«У нас полиция сейчас... они немножко поставлены в такие рамки, что не хотят и даже боятся принимать такие решения без органов опеки»* (интервью с представителем КДН, 53 года).

Наше исследование показало, что в процессе межведомственного взаимодействия возможна ситуация взаимообмена ролями между некоторыми учреждениями. Так, представители КДН заявляли о том, что их ведомство выполняет не координирующую роль, какую оно должно выполнять, а скорее роль «диспетчера», пытающегося наладить связи между другими субъектами, которые, как уже было сказано, стремятся достичь только своей цели. Координатором на практике с большой натяжкой можно назвать прокуратуру, деятельность которой, по сути дела, заключается в проверках субъектов профилактики и назначении санкций тем из них, кто некорректно исполняет свою работу. Вместе с тем из интервью с помощником прокурора следует, что данные санкции недостаточно эффективны, поскольку возможности их применения по отношению к данным учреждениям минимальны. Как показывает практика, субъекты системы профилактики продолжают нарушать свои обязанности и не выполняют свои функции. Довольно часто фиксируются случаи, когда данные, представленные в прокуратуру органами опеки и попечительства и Центрами помощи семье и детям, отличаются от статистических показателей, выявленных прокуратурой при проверках, вплоть до того, что специалисты указанных субъектов не выходили на связь с поставленными на учет семьями, в отчетах указывая совершенно обратное: *«...ну все нам пишут отчеты, вот комиссия (КДН) прислала уже отчет о проделанной работе. Присылают каждый месяц, сейчас опека прислала, какие меры организованы. Если какие-то вопросы у меня возникают или я сомневаюсь, что было реализовано, я в любой момент могу выйти на проверку. Пишут одно, а фактически выходишь на проверку, там по-другому. Я вообще при проверке данных запрашиваю контакты родителей, созваниваюсь с ними, спрашиваю, а они говорят: "А к нам никто не приходил"»* (интервью с помощником прокурора, 27 лет). На наш взгляд, основной причиной ряда вышеуказанных проблем в системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних является отсутствие у каждого учреждения четко закрепленного за ним функционально-ролевого набора.

Нежелание брать на себя ответственность за результаты профилактической деятельности может проявляться в том числе и в отказе от взаимодействия с другими субъектами профилактики. Подобный отказ может быть, по-видимому, мотивирован занятостью специалистов, а также отсутствием понимания важности участия всех учреждений в профилактических мероприятиях. Выделяя особенности межведомственного взаимодействия, специалист Центра помощи семье и детям приводит такой пример: *«Я представителям полиции позвонила:*

“Вот у нас выездное (профилактическое мероприятие), такое-то, не могли бы вы кого-то из инспекторов, допустим, нам в помощь, в поддержку”. Меня спросили: *“А зачем?”* Вот наше взаимодействие. То есть нам это надо, мы в школу сами пришли, предложили свои услуги, школа согласилась, а остальным субъектам в этом бы поучаствовать тоже было бы можно. Но на данный момент получается, что мы с этим будем работать только сами». Очевидно, что при проведении таких мероприятий ключевая роль и должна отводиться именно межведомственному взаимодействию. Однако на практике каждый субъект проводит свои мероприятия без участия представителей других служб и организаций, не рассчитывая на их помощь и поддержку, что значительно снижает эффективность профилактики в целом.

Достаточно специфичной практикой межведомственного взаимодействия, характерной в большей степени для российской реальности, является взаимосотрудничество не на уровне учреждений и ведомств, а на уровне отдельных личностей. *«Очень много у нас делается на личных отношениях. И если люди друг друга видели, знают и друг с другом общались, им будет проще друг с другом работать. И этих личных связей получается гораздо больше, чем межведомственного взаимодействия»* (интервью с завотделением Центра помощи семье и детям, 57 лет).

Действительно, личное знакомство, определенные связи облегчают общение, обмен необходимой информацией и процесс принятия решений. Специалисты утверждают, что чаще всего звонят в те учреждения, где у них есть какие-либо знакомые. Подобный подход к избирательности контактов не способствует более полному получению информации и затрудняет межведомственное взаимодействие, поскольку представители субъектов должны при работе в первую очередь ориентироваться не на личные знакомства, а на необходимость следования общей цели — предотвращению правонарушений несовершеннолетних. Личные отношения позволяют закрыть проблему, а не обеспечить ее решение, они заменяют необходимость действовать на основе научно обоснованных методик, создавая исключительно видимость проделанной работы.

Исследование показало, что существенно затрудняет практику реализации межведомственного взаимодействия отсутствие специалистов: *«с отделом полиции мы всегда работали хорошо, потому что там человек, который давно на этой должности, мы всегда знали, к кому обратиться и с кем работать. С отделом №... немного по-другому, потому что там сменяемость людей чаще и работать труднее»* (интервью с завотделением Центра помощи семье и детям, 57 лет). Общеизвестно, что социальная сфера характеризуется высокой текучестью кадрового состава. Во многом это связано с низкой оплатой труда. В связи с этим квалификация и компетентность некоторых специалистов могут не соответствовать занимаемой должности: *«...зачастую здесь работают люди, заинтересованные не в положительных результатах своей деятельности, а в накоплении стажа и так далее»* (интервью с председателем КДН, 58 лет). Очевидно, что работники, не имеющие интереса в положительных результатах осуществляемой деятельности, не могут выполнять свои функции эффективно, что сказывается на всей работе ведомства, а значит и на работе системы профилактики в целом.

Важной формой межведомственного взаимодействия является обмен информацией, характеризующей положение семей и детей на подведомственной территории и необходимой для осуществления деятельности в их интересах, с органами власти, государственными и негосударственными учреждениями, организациями и службами. Информационная проблема продолжает оставаться актуальной даже в период интенсивного развития компьютерных технологий.

Она имеет несколько аспектов, один из которых заключается в замедленном документообороте либо в его отсутствии между субъектами системы профилактики. Из-за несвоевременного обмена информацией возможны проблемы с постановкой на учет и снятием с него семей и несовершеннолетних. Следующим аспектом информационной проблемы является отсутствие обратной связи с другими субъектами, входящими в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних района. Под отсутствием так называемой обратной связи подразумевается несвоевременная сдача отчетности субъектами профилактики, что, очевидно, является негативным моментом и серьезно тормозит работу как самой комиссии по делам несовершеннолетних, так и системы в целом. Помощник прокурора отмечал, что бумаги часто приходят с большим опозданием, из-за чего решение судьбы несовершеннолетнего, совершившего преступление, может быть затянуто и ситуация может обостриться. Это нарушает реализацию индивидуальной профилактической работы, затрудняет планирование заседаний КДН.

Таким образом, современная российская практика межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, характеризуется наличием очевидной ведомственной автономии, недостатком координации, а зачастую и полной разобщенностью действий учреждений в реализации профилактических программ и отдельных мероприятий, а самое главное — отсутствием критериев эффективности профилактики.

В качестве решения заявленных проблем нами была выдвинута идея создания модели межведомственного взаимодействия учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Создание подобной модели поможет снять остроту сразу нескольких проблем, в том числе противоречие ведомственных интересов, трудности в принятии решений в определенных ситуациях из-за возможности превысить полномочия. В основе данной модели должно лежать четкое определение как общих межведомственных целей, так и конкретных задач каждого субъекта профилактики. Следующим важным шагом в создании модели взаимодействия может являться распределение функций между всеми участниками системы профилактики. Закрепление функций и ролей должно осуществляться не просто за учреждением, а за конкретным специалистом, который будет нести ответственность за ее (не)выполнение. Усиление межведомственного взаимодействия за счет фиксации в нормативно-правовых документах функций и создания четкого алгоритма взаимодействия, определение роли каждого из субъектов позволило бы, на наш взгляд, повысить эффективность профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Для более успешного функционирования данной модели, как нам представляется, необходимо в большей степени не горизонтальное, а вертикальное

взаимодействие, чтобы территориальная комиссия по делам несовершеннолетних занимала главенствующую позицию в системе профилактики и обладала в связи с этим расширенными полномочиями. Одним из таких полномочий могло бы стать право на санкции в отношении субъектов профилактики, не исполняющих должным образом свою деятельность.

Для создания модели взаимодействия субъектов профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, важным шагом является разработка единых научных подходов к критериям эффективности самой профилактической деятельности. Улучшению качества функционирования системы профилактики в целом будут способствовать мероприятия по повышению престижа деятельности специалистов, осуществляющих профилактику правонарушений.

Таким образом, развитие и укрепление межведомственного взаимодействия между рассмотренными нами субъектами позволит повысить эффективность профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Для изменения существующего на сегодняшний день состояния данной системы потребуются достаточно глубокая и разнонаправленная работа, в том числе научно-исследовательского характера.

1. Протокол межведомственного взаимодействия по оказанию помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения. СПб., 2012.

2. *Туганбекова К. М., Мусраунова А. С.* Сущность социальной профилактики в социальной работе [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SWMN_2010/Pedagogica/58825.doc.htm (дата обращения: 20.01.2015).

3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (принят 24 июня 1999 г.) (редакция от 31 декабря 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100 (дата обращения: 18.01.2015).

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 15.01.2015).

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2014 г.

УДК 321.01 + 323.21 + 323.22

А. А. Керимов

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Политическая власть имеет ряд специфических свойств, среди которых одним из основных является ее легитимность. В современной политической науке относительно определения и содержательного наполнения данной категории единого мнения не существует. В статье анализируются проблемы дефиниции легитимности, рассматриваются базовые теоретические модели этого феномена. На основе проведенного анализа автор выявляет факторы, делегитимирующие власть и пути их преодоления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: легитимность, легитимация, политическая власть, традиционная легитимность, харизматическая легитимность, рационально-легальная легитимность, идеологическая легитимность, технократическая легитимность.

На современном этапе в большинстве работ анализ легитимности и постановка вопросов, связанных с ней, идут в русле традиционного подхода, восходящего к М. Веберу. Суть этого подхода заключается в том, что легитимность здесь рассматривается как второстепенная категория политической науки, охватывающая достаточно узкий сегмент политической практики. Ее изучение сводится почти всегда к анализу более общих категорий, таких как власть, государство, общество и т. д., и содержание легитимности раскрывается в контексте этих категорий.

Согласно М. Веберу легитимность главным образом связывается с представлением о значимости порядка как системы социальных отношений или господства в сознании индивидов. В понятие легитимности М. Вебер включал два основных положения: признание власти правителей и обязанность управляемых ей подчиняться.

Так, принцип легитимности власти преследует цель обеспечить добровольное согласие граждан повиноваться ее решениям и признать за властью право на применение принуждения. Признание правомерности требований власти как гражданами, так и мировым сообществом в целом возможно только в том случае, если власть демонстрирует приверженность идеалам демократии, в своей

деятельности исходит из принципа уважения к ценностям, традициям, предпочтениям и устремлениям большинства общества. И в силу этого обстоятельства легитимность можно считать важнейшим признаком демократической власти. Поэтому даже авторитарные режимы для улучшения своего имиджа и повышения легитимности своей власти прибегают к использованию технологий легитимации через такие институты, как выборы, народное представительство, участие политических партий в общественной жизни и т. д.

В социологии власти М. Вебер отмечает, что «господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу» [4, 25–26], а это значит, что и власть, и общество находятся в ожидании. Власть приказывает и рассчитывает на повиновение, а общество готово принять требование власти, если приказ, по его мнению, будет носить законный и справедливый характер. Он рассматривает легитимные типы господства через призму «мотивов повиновения». В социологии М. Вебера таких мотивов три, и в соответствии с ними он различает три идеальных типа легитимности: традиционный, харизматический, рационально-легальный. Как свидетельствует практика, выделенные типы легитимности не противопоставляются, скорее они даже переплетаются и дополняют друг друга.

Первый тип легитимности исторически связан с властью королей, царей и др. По мнению М. Вебера, данный тип основывается на праве наследственности, которое опиралось на божественный характер власти правителя. «Божественное право» гласит, что «власть тех, кто правит, будучи выражением власти Бога на земле, приобретает особое достоинство, стоящее выше человеческого» [7, 148]. Таким способом оправдания власти в сочетании с манипулятивными технологиями на протяжении веков у народа создавалось убеждение в правомерности и величии королевской власти. Традиционный тип сохранился и до наших дней, хотя и претерпел изменения. Он характерен для ряда таких стран, как Непал, Саудовская Аравия, Оман, Иордания, Кувейт. В Англии сохранение королевской власти — это дань многовековой традиции, где монарх играет символическую роль и ассоциируется с подлинно легитимным правлением. «В современных демократических государствах монарху приходится играть политическую роль лишь в определенные исторические моменты, как, например, в Испании или Бельгии, роль, которую с полным успехом мог бы выполнить законный президент» [Там же].

Второй тип легитимности, по М. Веберу, харизматический. К харизматическим качествам он относил магические способности, выдающуюся силу духа и слова. Понятие «харизма» М. Вебер заимствовал из теологических теорий Р. Зона, поэтому данный тип носит скрытый религиозный характер. Харизматический тип отличается абсолютной легитимностью. Он предполагает наделение носителя власти особыми, даже сверхъестественными, качествами. Харизмой обладают великие полководцы, пророки, выдающиеся политики. Харизматические лидеры появляются, как правило, в кризисные периоды развития общества: во время войн, революций и других серьезных социальных потрясений, когда в обществе наличествует явный недостаток демократических факторов. Харизма воспринимается как некий мессия, способный благодаря своему влиянию и авторитету изменить

ситуацию в стране к лучшему, поднять дух массы, «зажечь» ее идеями, которые сплывают общество перед лицом различного рода угроз.

Примерами харизматической легитимности могут служить правления И. Сталина в СССР, Ф. Рузвельта в США, У. Черчилля в Великобритании, Мао Цзэдуна в КНР, когда народ приписывал своим лидерам выдающиеся способности, воспринимая их власть как священную и могущественную.

В большинстве же современных стран складывается легально-рациональный тип легитимности власти, основанный на вере в подлинность формальных правил и на необходимости их выполнения. Он основывается на вере в легальность носителей власти. Индивиды подчиняются установленным законам, а управляющие действуют в строгом соответствии с законами по строго рациональным схемам. По словам М. Вебера, именно таким типом господства выступает бюрократия.

В последние годы жизни М. Вебер дополнил свою теорию легитимности новым смешанным типом легитимности — плебисцитарной демократией вождя, что означает диктат воли харизматического лидера, закрепленный парламентскими решениями.

Наряду с концепцией легитимности политической власти М. Вебера в современной политической науке большой популярностью пользуется и концепция американского политолога Д. Истона. Концепцию М. Вебера он развил и преобразил в соответствии с разработанной им теорией политической системы. Для Д. Истона легитимность — это возможность, благодаря которой политическая система может справиться с проблемами обеспечения стабильности системы в целом.

По мнению Д. Истона, легитимность политической власти зависит от соответствия моральным принципам людей, их представлениям о справедливости и правильности предлагаемых властью решений. Источниками власти, по Д. Истону, выступают идеология, политический режим и политическое лидерство [9, 319–331]. Идеологическая легитимность, по мнению исследователя, основана на убежденности граждан в правильности функционирования действующего политического режима и представляющих его институтов. Чем больше таких убежденных граждан, тем выше легитимность. Структурная легитимность основана на принятии гражданами существующей конфигурации институтов политической системы и выполняемых ими функций, юридических норм. Персональная легитимность, по Д. Истону, зиждется на вере субъектов в личные качества политиков и их способности наилучшим образом распорядиться своей властью. Такое понимание наиболее близко харизматической легитимности по М. Веберу.

Своеобразным обобщением концепций М. Вебера и Д. Истона является теория Д. Бетхэма. Легитимация власти, по его мнению, определяется правилами получения и отправления власти, убеждением управляющих и управляемых в справедливости принимаемых решений, а также активным согласием управляемых добровольно подчиняться данной власти.

Большую известность получила теория легитимности французского политолога Ж. Шабо, который определяет легитимность как «адекватность реальных или предполагаемых качеств управителей подразумеваемому или ясно выраженному

согласию управляемых» [24, 160] и выделяет четыре типа легитимности — демократическую, идеологическую, технократическую и онтологическую [Там же]. Наиболее распространенной, по версии Ж. Шабо, является демократическая легитимность, неотъемлемая часть европейской культуры, основанная на учете воли большинства, свободе личности и слова, коллегиальных решениях. Технократическая легитимность понимается Ж. Шабо как степень профессионализма и компетентности управляющих. Идеологическая легитимность связывается с функционированием социалистических режимов, в частности, бывшего СССР, исламских государств. Онтологическая легитимность приобретает философский оттенок. В данном случае «речь идет о выявлении соответствия политической власти объективному порядку, вписанному в человеческую и социальную действительность, продолжении порядка, установленного в космической внечеловеческой действительности» [Там же], т. е. человек призван принимать порядок как норму бытия. Такая трактовка приводит к проблемам космоса и хаоса, власти и анархии.

Существенный вклад в разработку концепции легитимности внес С. М. Липсет. Его вклад заключается в том, что он выявил роль и значение легитимности в процессе поддержания стабильности политической системы. С. М. Липсет рассматривает политическую легитимность как «качество политической системы, как ее способность поддерживать веру населения и социальных групп в то, что существующие политические институты наиболее соответствуют данному обществу» [23, 104].

Легитимность, подчеркивает П. Бурдьё, — политический «капитал, основанный на вере и признании, это односторонняя покорность бюрократической власти никогда, даже при поддержке научных авторитетов, не удается достичь полного господства и добиться абсолютного права формировать и навязывать легитимное видение социальной реальности» [3, 148]. П. Бурдьё считал, что легитимная власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет» [Там же, 37]. Это своего рода кредит, которым один наделяет другого, который один другому веряет, вкладывая в него свое доверие. П. Бурдьё отмечал, что главным в политической игре является не только монополия использования объективированных ресурсов политической власти, но и монополия производства и распространения политических представлений и мнений [Там же]. Ученый выявил, что «взаимодействие власти и общества в пространстве коммуникации представляет собой символическое действие (политическую коммуникацию), направленное на установление легитимного согласия путем обоснования участником коммуникации своей позиции в терминах общепринятых ценностных ориентиров и правил» [Там же].

Проблему легитимации власти Ю. Хабермас рассматривает через социальную интеграцию, достигаемую посредством неких ценностей и норм, разделяемых большинством в обществе и охраняемых властью. По его мнению, легитимность относится к «области поддержания и сохранения социальной интеграции, нормативно определенной идентичности общества и служит тому, чтобы удовлетворить эти притязания, т. е. показать, почему существующие институты достойны

и правомочны осуществлять законную власть таким образом, чтобы реализовались основополагающие для идентичности общества ценности» [25, 183].

По Ю. Хабермасу, нормы легитимны, когда удовлетворяют критериям коммуникационной рациональности, т. е. заслуживают свободного признания со стороны каждого члена правового сообщества [20, 125]. Согласие (т. е. легитимацию) невозможно навязать другому человеку с помощью манипуляции, путем внешнего явного воздействия. Легитимация достигается именно в процессе коммуникативного действия, речевого акта.

Н. Луман определяет легитимность как возможность принимать какое-либо решение в рамках определенной толерантности. Легитимным с социальной точки зрения будет то решение, которое принимается без критики. «Государство, — отмечает Н. Луман, — принято отождествлять с народом, территорией и монополией на насилие. Решающим здесь является различие между легитимным и нелегитимным насилием, — так, при отсутствии второго нельзя было бы идентифицировать первое» [13, 95]. Н. Луман рассматривает коммуникативную теорию, которая анализирует проблемы легитимации с оглядкой на дискурсивное разрешение нормативных притязаний на значимость [25, 293].

М. Фуко, видный представитель постструктурализма, пишет, что «обоснование новых структур власти проходит под знаком идеи о добродетели как государственном деле (“слияния воедино законов государства и законов сердца”), где право воцаряется с помощью неумолимой силы “верховенства добра”, оправдывающего становление жесткого дисциплинарного порядка» [17, 24]. В силу этого все формы легитимации власти, сфера политики в целом рассматриваются в качестве поверхностных проявлений конкретного режима власти-знания. Именно такой режим является определяющей формой существования конкретного общества. М. Фуко также подчеркивает роль интеллектуалов в условиях трансформации политического общества, отмечая увеличение их активности в Западной Европе в 1960—1970-х гг. «В то же время, — отмечает он, — правящие силы не замедлили выработать ряд контрмер по обеспечению собственной легитимности, породив новые конфигурации репрессивных институтов, которые обеспечили безопасность собственного информационного пространства и легитимационных практик» [18, 7—40].

Американский политолог Дж. Везерфорд выделяет два уровня легитимности: микро- и макроуровень. Легитимность на макроуровне обеспечивается эффективностью власти и ее справедливостью в глазах людей, а легитимность на микроуровне оценивается активностью гражданской позиции масс и ее уверенностью в том, что политическая система учитывает интересы и пожелания граждан [27, 149—166].

Наш современник американский политолог Д. Хелд предпринял попытку модифицировать веберовскую триаду легитимности. Он выделяет семь вариантов легитимации власти, а именно: согласие под угрозой насилия (авторитарная легитимность, где поддержка граждан исходит из их опасения за свою безопасность); легитимность в силу традиции; согласие в силу апатии и политического отчуждения, что свидетельствует о безразличии граждан к существующему политическому

режиму и его институтам; прагматическое подчинение (ради личной выгоды); инструментальная легитимность (общее благо); нормативное согласие (политико-правовые принципы); идеальное нормативное согласие [26, 114].

Д. Хелд считает подлинной легитимностью только два последних типа, когда большинство граждан данного государства полностью поддерживают действующую власть, а она сама воспринимается как соответствующая принятым в обществе нормам. Также он обращает внимание на бурный технологический рост средств глобальной коммуникации, что дает новые основания для легитимации власти [22, 403–423].

Существенный разброс мнений по вопросу в трактовке сущности легитимности характерен и для российской политической науки.

Так, В. А. Ачкасов рассматривает легитимность как проявление поддержки со стороны населения [1, 5], Н. А. Баранов считает, что «власть легитимна в том случае, если “управляемые” признают за ней право управлять» [2, 51], М. В. Ильин и А. Ю. Мельвиль подчеркивают, что «при любых трактовках легитимности ключевое значение приобретает вера в право того и иного политического актора на властвование» [8, 160]. К. С. Гаджиев определяет политическую легитимизацию как «признание по меньшей мере большинством членов общества правомерности господства политического режима, действующего в данный конкретный момент» [5, 151].

Российские ученые в целом, с небольшими вариациями, рассматривают легитимность как проявление поддержки и доверия [10, 34], проявление лояльности, понятой как толерантность [11, 263–273], основание для оправдания политического господства [15, 62] и т. д.

Как отмечает Г. А. Белов, в российском понимании легитимность ассоциируется с единоправством, авторитарным началом; народоправством и общинно-демократическим началом [12, 189]. В России традиционно принято персонифицировать власть и видеть в действующем правителе залог стабильности и эффективности политического режима. Это объясняется особенностями характера российской цивилизации, которыми часто пытаются пренебречь новоявленные реформаторы. Отказ от «почвенной» составляющей российской цивилизации сулит власти серьезные проблемы, связанные с ее легитимацией. Если в российском обществе происходит разочарование массы людей в деятельности властной личности, ее рейтинги стремительно падают. Эта тенденция сохранялась как в царской России, так и в советской и постсоветской.

К наиболее общим принципам политической легитимности обычно относят «соответствие политического порядка глубинным народным представлениям и верованиям о порядке подчинения; взаимное оправдание власти и общества; эффективность порядка с точки зрения роста численности населения, экономического благосостояния и безопасности; соответствие порядка подчинения основным международным принципам строения определенного общественного порядка» [6, 31].

Таким образом, принципы легитимности формируют суть власти и политического режима. Исходя из принципов легитимности можно сформулировать и ее

функцию. Ее главная, по сути единственная, функция заключается в обеспечении согласия в обществе по поводу существующего режима, его законности, участия масс в поддержке политического режима, создании условий для повышения и поддержания авторитета власти. Эта функция ориентирована на создание системы взаимоотношений между обществом и властью, способной держать в повиновении народ при его согласии и поддержке действующей власти.

Легитимность как категория политической науки обладает рядом устойчивых признаков, проявляющихся как на институциональном, так и на содержательном уровне эффективности функционирования политической власти.

Институциональные признаки проявляются во временном измерении, т. е. продолжительности существования данной власти, устойчивости государственного строя, стабильности политического режима и социально-экономических структур.

На уровне эффективности легитимность политической власти проявляется в том, насколько успешно продвигается социально-экономическое развитие страны и насколько оно бескризисно, насколько высоки показатели исполняемости законов, распоряжений центральной власти, насколько эффективна власть по вертикали «центр — субъекты», насколько граждане вовлечены в управленческие процессы, насколько успешен внешнеполитический курс, как часто власть прибегает к силовым методам для утверждения своих позиций и т. д.

В качестве одного из важных факторов легитимности политической власти применительно к постсоветской России Н. А. Баранов рассматривает «признание “мировым сообществом”, “цивилизованными странами” того порядка, который отличается распространением либеральных ценностей, демократических институтов и рыночной экономики. Поддержка западными странами такого курса воспринималась большинством россиян как необходимое условие дальнейшего успешного развития» [2, 52].

Политическая власть легитимность обычно завоевывает идеологическими и экономическими средствами. В традиционных и авторитарных обществах она достигается преимущественно средствами идеологического воздействия. Так, в традиционных обществах на первый план в качестве инструмента легитимации выходит религия, которая обосновывает божественное право монархов на власть, обеспечивает признание власти со стороны населения. В авторитарных обществах определяющую роль в легитимации власти играет политическая, социально-экономическая идеология. В таких обществах власть для легитимации режима активно использует демократическую фразеологию, но «подобные режимы со временем утрачивают легитимность, по мере того как делается тот или иной выбор, не исполняются обещания, развивается фрустрация» [21, 60].

Давно отмечено, что ни одна власть долго не сможет продержаться только на идеологии и насилии. Достижение легитимности недемократическими методами ярко иллюстрируется на примере стран социалистического блока Восточной Европы, где со временем «коммунистическая идеология стала главным препятствием для экономического роста, лишая режим способности легитимировать себя с помощью экономических свершений. Марксизм-ленинизм в коммунистических государствах поначалу обеспечивал идеологическую легитимность, но по мере

ослабления этого эффекта он же не дал развиваться легитимности, базирующейся на экономических достижениях» [21, 59].

Для таких режимов, в отличие от демократических, большой проблемой является отсутствие легитимных механизмов обновления органов государственной власти. В демократических же обществах политическая система обновляется на основе периодически проводимых открытых выборов, где на основе свободной конкуренции и предпочтений электората происходит смена власти.

Легитимность — величина не постоянная, в зависимости от проводимого властью политического, социально-экономического, внешнеполитического курса она меняет свой характер. В таких случаях приходится говорить о кризисе власти или делегитимации власти.

Делегитимация выражается в снижении уровня поддержки власти со стороны населения. Она не исключает возможности смены самой политической власти. Точно определить абсолютные показатели делегитимации политической власти невозможно, поскольку это явление хотя по сути и универсальное, в каждом обществе имеет свои специфические особенности. Очевидно одно: делегитимация является следствием системного кризиса в обществе. Она связана с дестабилизацией в политических, социально-экономических сферах, которая может произойти, в том числе под воздействием внешнего вмешательства в дела суверенного государства.

В целом в политологической литературе в определении причин делегитимации существуют два подхода. Некоторые ученые это явление связывают с дестабилизацией самой политической власти и в качестве возможных критериев называют такие факторы, как отсутствие структурных изменений в политической системе с учетом изменившихся условий, снижение экономического потенциала режима, нарушение баланса в распределении функций между ветвями власти и среди элиты [14, 351].

Другой подход можно назвать ситуативным. Сторонники данного подхода главную причину делегитимации связывают с социально-культурными особенностями общества, ролью в нем традиций и устойчивых черт в поведении населения. Как отмечал Л. С. Франк, «всякий строй возникает из веры в него и держится до тех пор, пока хотя бы в меньшинстве его участников сохраняется эта вера, пока есть хотя бы относительно небольшое число “праведников” (в субъективном смысле этого слова), которые бескорыстно в него веруют и самоотверженно ему служат» [16, 218–219].

Обобщая, можно сказать, что в качестве основного индикатора делегитимации политической власти выступает уровень политического протеста населения. Первоначально протест может выражаться в виде абсентеизма, снижения показателей на выборах, референдумах и т. д., которые свидетельствуют о низком уровне легитимности. За этими проявлениями может последовать активная фаза протеста, направленная на свержение существующей власти с последующим распадом политического режима.

Радикализации протестного движения и усилению антипатии к власти способствуют такие факторы, как снижение созидательного потенциала государства, нехватка ресурсов, активизация оппозиционных сил, плохо налаженная система

обратной связи с обществом, резкое снижение уровня жизни, рост преступности, коррупции, казнокрадства и т. д.

Таким образом, причинами делегитимизации политической власти выступают усиливающиеся противоречия между ценностями общества и интересами властвующей элиты, идеями демократии и социально-политической и экономической практикой, стремление властей решить проблемы силовыми методами, пренебрежение интересами народа, нарастание бюрократизации и коррумпированности, отсутствие внутреннего согласия между ветвями власти, проявление национализма, этнического сепаратизма в многонациональных государствах. Делегитимацию политической власти усиливают скептицизм и недовольство значительной части населения деятельностью власти, политических элит и партий, представляющих интересы конкретных групп, неравенство доступа к политической информации, рекламе, финансам и правосудию, а также слабость самой власти, ее неэффективность. Как считает Ю. Хабермас, легитимационный кризис можно предсказать тогда, когда систематически производятся ожидания, которые не могут быть удовлетворены при помощи уже имеющихся ценностей [20, 122].

Можно выделить несколько источников легитимации власти.

Одна из главных проблем легитимности — это *проблема участия масс в управлении государством*. Вовлечение граждан в процесс управления создает у них ощущение причастности к принимаемым властью решениям, позволяет им чувствовать себя участниками политической жизни, проникнуться ответственностью за дела в обществе. Демократические режимы построены на участии масс в управлении государством, и поэтому они, по сравнению с другими режимами, обладают максимальной легитимностью. Следовательно, неспособность и нежелание системы привлечь людей и обеспечить их широкое участие в социально-политической жизни общества подрывают ее легитимность.

В качестве другого источника легитимации политической власти выступает *технократическая легитимация*. Она непосредственно связана с управленческой деятельностью власти. Рационализируя административную, экономическую, военную, образовательную и тому подобные виды деятельности, власть создает прочные предпосылки для собственной легитимации. В данном случае степень ее легитимности напрямую будет зависеть от эффективности и результатов проделанной работы, целью которой является установление стабильности в обществе и создание условий для его успешного всемерного развития.

Экономические, политические кризисы, неудачи при проведении реформ, затянувшийся процесс выхода страны из кризиса способны снижать легитимность власти и делегитимизировать ее. С другой стороны, в новейшей истории имеется немало положительных примеров, когда власть благодаря удачно проведенным реформам добивалась легитимности, как это было, например, во второй половине XX столетия в Германии, Японии, Тайване, Южной Корее, Сингапуре.

Непопулярным, но немаловажным источником легитимации политической власти выступает *принуждение*. Все политические режимы в той или иной степени опираются на принуждение. Формы его проявления, степень распространения и использования разнятся в зависимости от характера политического режима.

Принуждение может проявляться в самых различных формах, например, таких, как ограничение прав и свобод личности, ограничение права граждан на получение объективной информации, ограничение права или запрет свободы выступлений, манифестаций, создания организаций и объединений. Снижение уровня легитимности обычно сопровождается усилением принуждения. Прибегая к силе как к последнему аргументу в диалоге с обществом, власть еще пытается сохранить свои позиции и повысить уровень собственной легитимности. Опыт тоталитарных и авторитарных режимов показывает, что стремление к удержанию власти при опоре только на силу обречено на провал. Силой можно обеспечить легитимность лишь на определенное время и только при определенных обстоятельствах, например, в случае войны, глобальных катастроф. Постоянное использование силы повышает напряжение внутри самой политической системы и может ускорить процесс падения режима.

Таким образом, кризис легитимности может быть преодолен с помощью восстановления приемлемого уровня баланса между различными ветвями власти, налаживания постоянной связи с населением с целью проведения разъяснительной работы относительно планов правительства, совершенствования законодательства с учетом традиций и интересов общества, соблюдения прав и свобод личности, повышения уровня политической и правовой культуры населения, налаживания системы контроля над органами власти со стороны общества, решения всех проблем на основе права и т. д.

-
1. *Ачкасов В. А. и др.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1996.
 2. *Баранов Н. А.* Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008.
 3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
 4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
 5. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую науку. М., 1997.
 6. *Дибиров А.-Н. З.* Теория политической легитимности : курс лекций. М., 2007.
 7. *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. 1994. № 6.
 8. *Ильин М. В., Мельвиль А. Ю.* Власть // Полис. 1997. № 6.
 9. *Истон Д.* Системный анализ политической жизни (1965) // Политология : хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 2000.
 10. *Катасонов А. В.* Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели Макса Вебера // Вестн. МГУ. Сер. 18 : Социология и политология. 1998. № 1.
 11. *Лазарев М. В.* Политическая лояльность // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5.
 12. Легальность и легитимность власти (круглый стол в МГУ) // Полис. 1994. № 2.
 13. *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2001.
 14. *Мельвиль А. Ю.* Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результат // Космополис. М., 2000.
 15. *Панарин А. С., Василенко И. С.* Политология: Общий курс. М., 2003.
 16. *Франк Л. С.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4.
 17. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. М., 2005. Ч. 2.
 18. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

19. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Весна 1993. Т. 1, вып. 2.
20. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.
21. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века : пер. с англ. М., 2003.
22. *Хелд Д.* Глобальные трансформации. М., 2004.
23. *Филлипов А. Ф.* Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Полития. 2002. № 2.
24. *Шабо Ж. Л.* Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 4.
25. *Habermas J.* Legitimation problem in the modern society // Communication and evolution of society. Vacon Press. 1979.
26. *Held D.* Models of Democracy. Stanford, 1990.
27. *Weatherford M. St.* Measuring political legitimacy // American Political Science Review. 86 (1992).

Рукопись поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.

УДК 329.8(470.54)

Р. С. Мухаметов

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На примере отдельно взятого региона — Свердловской области — проводится исследование эволюции партийной системы. Автор выделяет два этапа в развитии региональной партийной системы. Много внимания уделено причинам изменения партийной системы Свердловской области. Выделяются такие из них, как изменение избирательного законодательства, использование административного ресурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политические партии, партийные системы, областная дума, Свердловская область, Средний Урал.

Большинство политологических исследований касаются деятельности политических партий на федеральном уровне, не затрагивая процессов, происходящих в регионах. В связи с этим появляется естественный научный интерес исследовать именно региональную специфику протекания партийных и электоральных процессов, так как стабильность политической системы государства зависит и от стабильного положения в регионах. Поэтому особого внимания заслуживает региональный аспект указанной проблемы. Настоящая статья посвящена изучению партийной системы отдельно взятого субъекта РФ — Свердловской области.

Как нам представляется, можно выделить два этапа в развитии партийной системы Свердловской области.

Первый этап — период существования многопартийной политической системы. Хронологические рамки данного этапа — с апреля 1996 по март 2004 г. В этот период на выборах депутатов областной думы ни одна из партий не завоевывала поддержки абсолютного большинства избирателей (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты выборов депутатов областной думы Законодательного собрания
Свердловской области¹**

Партия	1996	1998	2000	2002
Преображение Урала	35,2 %/6*	9,26 %/2	—	—
Наш дом — наш город	15,6 %/3	20,62 %/4	14,44 %/4	—
Горнозаводской Урал	12,4 %/2	7,58 %/2	—	—
Коммунисты/КПРФ	15,6 %/3	11,83 %/2	9,84 %/2	7,32 %/2
Наш дом — Россия	—	8,18 %/2	—	—
Промышленный союз	—	6,14 %/1	—	—
Социальная помощь и поддержка	—	5,10 %/1	—	—
Май	—	—	12,35 %/3	—
Единство Урала	—	—	22,21 %/5	—
За родной Урал	—	—	—	29,43 %/7
Единство и Отечество	—	—	—	18,35 %/4
Партия пенсионеров	—	—	—	6,11 %/1

*Здесь и в табл. 3 цифра перед косой чертой — процент голосов избирателей, полученных партией; за косой чертой — количество мандатов, полученных партией.

Как видно из таблицы, ни одна из партий не имела абсолютного большинства мест в областной думе и, следовательно, не получила «контрольного пакета» нижней палаты Законодательного собрания Свердловской области (ЗССО) (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение руководящих постов² между представителями партий
в областной думе**

Партия	Количество руководящих постов			
	1996	1998	2000	2002
Преображение Урала	2	2	1	1
Наш дом — наш город	2	2	2	1
Наш дом — Россия	—	1	1	1
Май	—	—	1	1
Единство Урала	—	—	1	2
Аграрная партия России	1	—	—	—
Коммунисты	—	1	1	—
<i>Общее количество должностей</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>6</i>

Как видно из таблицы, руководящие посты в областной думе ЗССО были распределены между депутатами, которые представляли разные партийно-политические силы.

¹ Данные избирательной комиссии Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ikso.org> (дата обращения: 05.11.2014).

² Под руководящими постами мы подразумеваем должности председателей областной думы и ее комитетов.

Итак, каковы причины существования многопартийной системы на Среднем Урале? Какие факторы способствовали формированию многопартийности в Свердловской области?

С нашей точки зрения, формирование многопартийности предполагает наличие определенных условий. Основным фактором, который способствовал развитию многопартийности в регионе, был конфликт внутри региональной элиты. Суть конфликта была обусловлена противоречиями интересов региональной власти и крупнейшего в регионе муниципального образования. В частности, мэр Екатеринбурга (А. М. Чернецкий) был заинтересован в концентрации финансовых ресурсов в областном центре, а губернатор (Э. Э. Россель) — в их более или менее равномерном распределении по всей территории субъекта Федерации. Это связано не только с объективной необходимостью материально поддерживать периферию, но и с политическими соображениями губернатора: сельские районы, как правило, более зависимы от главы региона, управляемы, многочисленны и послушно голосуют на выборах. Другими словами, яблоком раздора между региональными и муниципальными властями являлись городские доходы. Другим камнем преткновения между администрацией Екатеринбурга и областными властями были вопросы управляемости. Так, главным упреком региональной власти в адрес местных властей была излишняя самостоятельность городских властей и отсутствие пиетета перед государственной властью [4, 225–231].

Вторым условием формирования многопартийности на Среднем Урале является вынужденное использование группами элит партий в качестве инструмента в этом конфликте. В частности, в конце 1993 г. при активном участии Э. Э. Росселя было создано движение «Преображение Урала». В декабре 1995 г. возникло движение «Наш дом — наш город» (НД—НГ), лидером которого являлся А. М. Чернецкий. Губернатор и мэр использовали политические движения для мобилизации голосов избирателей и обозначения своих политических позиций [5].

Второй этап развития партийной системы Среднего Урала — система с доминирующей партией, т. е. партийная система, в которой только одна партия обладает абсолютным большинством мест в парламенте. Хронологические рамки — с марта 2004 по декабрь 2011 г. На выборах депутатов областной думы ЗССО в этот временной промежуток одна партия побеждала своих конкурентов (табл. 3).

Таблица 3

Результаты выборов депутатов областной думы Законодательного собрания Свердловской области³

Партия	2004	2006	2008	2010
Единая Россия	38,24 %/8	40,54 %/7	58,43 %/10	39,79 %/6
ЛДПР	9,48 %/2	—	16,07 %/2	16,88 %/2
КПРФ	9,02 %/2	7,27 %/1	12,20 %/2	21,69 %/3

³ Данные избирательной комиссии Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ikso.org> (дата обращения: 05.11.2014).

Окончание табл. 3

Партия	2004	2006	2008	2010
Союз бюджетников Урала	7,21 %/1	—	—	—
Партия возрождения России	6,76 %/1	—	—	—
Российская партия жизни	—	11,51 %/2	—	—
Партия пенсионеров	—	18,75 %/4	—	—
Справедливая Россия	—	—	—	19,30 %/3

Как видно из таблицы, одна из партий располагала абсолютным большинством мест в областной думе. Анализ результатов региональных выборов показал, что «Единая Россия» сформировала устойчивое большинство в региональной легислатуре и стала партией парламентского большинства. Как результат — все председатели комитетов в областной думе были представителями «партии власти».

С нашей точки зрения, есть две причины возникновения партийной системы с доминирующей партией в Свердловской области.

Во-первых, успех «Единой России» был в значительной мере обусловлен изменением условий межпартийной конкуренции со стороны федерального центра. В течение 2000-х гг. правящая элита предприняла ряд усилий, направленных на создание доминирующего положения партии «Единая Россия» в российском политическом пространстве. В частности, были повышены нормативные требования к минимальной численности политических партий. Так, в 2001 г. Госдума приняла Федеральный закон «О политических партиях», установив минимальную численность в 10 тыс. членов. В 2004 г. минимальное число членов политической партии увеличено до 50 тыс. От уже зарегистрированных партий закон потребовал привести свою численность в соответствие с новыми требованиями к 1 января 2006 г. В 2005 г. проходной барьер на выборах в Госдуму был поднят с 5 до 7 %. В том же году были запрещены избирательные блоки. С нашей точки зрения, это позволило ограничить круг потенциальных участников выборов и сузить возможности для появления на политическом пространстве новых партий [2, 196–206].

Успех «партии власти» был достигнут и благодаря поддержке популярного главы государства. Избирательная кампания «Единой России» строилась на отождествлении партии с президентом. Особенно это касается случая с партсписком. Следует констатировать, что высокий рейтинг Владимира Путина подобно паровозу и сейчас продолжает вытягивать «Единую Россию» на региональных выборах. Местные единороссы активно используют имя президента в своих избирательных кампаниях. В ряде случаев отождествление «партии власти» с Путиным является главным содержанием предвыборных кампаний. Другими словами, одним из факторов успеха «Единой России» является существующая у населения страны ассоциация «партии власти» с Владимиром Путиным, который большинством граждан РФ воспринимается позитивно.

Наконец, успех «Единой России» объясняется и недоработками оппозиции, которая не смогла стать реальной альтернативой «партии власти», сформировать свою повестку дня.

Во-вторых, успех «Единой России» был в значительной мере обусловлен и региональной спецификой. Практика показывает, что «Единая Россия» добивается успехов там, где ее региональные отделения находятся под контролем глав регионов. Заинтересованность губернаторов в контроле над региональным отделением «партии власти» существенно выросла после замены прямого избрания глав региональной исполнительной власти так называемым наделением полномочий. В сентябре 2004 г. Владимир Путин выступил с инициативой изменения порядка выборов глав регионов, предложив утверждать их в должности решениями регионального парламента по представлению президента. Право предлагать кандидатуры президенту получили тогда полпреды президента в федеральных округах. С 2009 г. порядок изменился: право предлагать президенту кандидатуры на пост главы региона получила партия, победившая на выборах в региональный парламент. Предоставление партиям права выдвигать кандидатуры губернаторов стимулировало глав регионов к вступлению в «Единую Россию». Так, 17 апреля 2004 г. лидером свердловского отделения партии «Единая Россия» был избран председатель правительства Свердловской области Алексей Воробьев. В 2007 г. эту должность занял руководитель администрации губернатора Свердловской области Александр Левин. Губернатор Эдуард Россель вступает в партию власти в октябре 2004 г. [3].

Успех «Единой России» был обусловлен и тем, что во главе списков кандидатов «Единой России» на региональных выборах стояли действующие губернаторы. Так, в 2004, 2006 и 2008 гг. это был Эдуард Россель, на выборах депутатов областной думы в 2010 г. партийный список «партии власти» возглавлял Александр Мишарин. В такой ситуации выборы в областную думу отчасти приобретали характер референдума о доверии губернатору.

Хорошие результаты партии власти связываются и с практикой использования «партийных паровозов». «Паровозами» называют известных людей, крупных политиков, лидеров общественного мнения, возглавляющих партийные списки на выборах. Эти лица повышают электоральный рейтинг списка кандидатов от «партии власти» на выборах за счет своей публичной поддержки. После выборов «паровозы» отказываются от мандатов. В табл. 4 представлены «партийные паровозы» «партии власти» на региональных выборах на Среднем Урале.

Другой важной причиной успехов «Единой России» является использование административного ресурса, т. е. политического положения с правительственными учреждениями с целью влияния на результаты выборов. Основными способами использования административного ресурса на выборах являются увеличение социальных платежей и выплат накануне выборов; объявление о начале реализации социально значимых проектов, в основе которых лежит бюджетное финансирование, и т. д. [1, 24–28].

Успех партии власти нельзя приписывать исключительно или преимущественно административному ресурсу. Опираясь на авторитет своего лидера В. В. Путина, «Единая Россия» завоевала и собственную популярность.

Таблица 4

**Первые тройки списков кандидатов «Единой России» на выборах
областной думы Законодательного собрания Свердловской области⁵**

Год выборов	Первая тройка кандидатов «Единой России»	Должность
2006	Э. Э. Россель Н. А. Малых	Губернатор Свердловской области Генеральный директор Уралвагонзавода (1997—2009), одного из градообразующих предприятий второго по численности города Свердловской области Нижнего Тагила
2008	С. В. Чепиков Э. Э. Россель А. М. Чернецкий	Экс-биатлонист Губернатор Свердловской области Мэр Екатеринбурга
2010	С. В. Чепиков А. С. Мишарин А. А. Козицын Е. В. Чечунова	Экс-биатлонист Губернатор Свердловской области Генеральный директор УГМК, головное предприятие которого (Уралэлектромедь) является градообразующим в Верхней Пышме Лидер свердловских единороссов

Таким образом, успех «Единой России» на региональных выборах в целом имеет те же причины, что и хорошие результаты партии на федеральных выборах.

1. Денис В. А., Николаев А. Н. Административные технологии в региональных избирательных кампаниях // Власть. 2000. № 9. С. 24—28.

2. Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006.

3. История регионального отделения [Электронный ресурс]. URL: <http://sverdlovsk.er.ru/party/history/> (дата обращения: 22.04.2014).

4. Мухаметов Р. С. Специфика конфликта «области» и «города» (на примере Свердловской области) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4. С. 225—231.

5. Мухаметов Р. С. Политические партии в Свердловской области: этапы развития // Studia Humanitatis : электрон. науч.-образоват. журн. 2013. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-politicheskie-partii-v-sverdlovskoy-oblasti-etapy-razvitiya> (дата обращения: 22.04.2014).

Рукопись поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.

⁵ Данные избирательной комиссии Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ikso.org> (дата обращения: 05.11.2014)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(100)“1914/19” + 327.51 + 930.85 + 94(430) + 94(470) **С. В. Рыбаков**

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КАНУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья носит полемический характер. Она посвящена состоянию российско-германских отношений накануне Первой мировой войны. Раскрывая эту тему, автор одновременно проводит мысль о том, что предпосылки к началу Первой мировой войны накапливались в течение всего XIX в. и что они были во многом связаны с царившей в Германии идеологической атмосферой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российско-германские отношения, Первая мировая война, «меморандум Дурново», социал-дарвинизм, пангерманизм, колониальная экспансия, милитаризм, экономическая конкуренция, Германский рейх, Антанта, Россия

Летом 2014 г. исполнилось сто лет с момента, когда началась Первая мировая война. Обсуждение ее характера, причин, явных и скрытых мотивов до сей поры не утратило актуального звучания. Немаловажным вопросом в контексте такого обсуждения являются предвоенные отношения между Россией и Германией. Среди современных российских историков единодушия в подходах к их оценкам нет. Некоторые авторы утверждают, что между двумя странами серьезных противоречий не было и что в создавшейся в начале XX в. международной обстановке союз с Германией мог бы быть для России полезным.

Из известных широкой аудитории авторов такой позиции придерживается А. Б. Широкоград. Он пишет: «Давайте обратимся к очевидным фактам. Наши политики и историки пытаются превратить немцев в заклятых врагов России. На самом деле немецкий народ всегда был потенциальным союзником Руси. Природа и Бог сделали Россию и Германию естественными союзниками против их исконных врагов — поляков и французов. Экономических причин войны с Германией тоже не было» [17]. Точка зрения А. Б. Широкограда подкреплена ссылками на «меморандум Дурново» — аналитическую записку, адресованную в феврале 1914 г. членом Государственного совета России П. Н. Дурново царю Николаю II.

В преддверии военного катаклизма в Европе известный политик говорил о том, что Россия должна избежать столкновения с Германией.

В части историографии «меморандуму Дурново» даются весьма высокие оценки. Так, свой пиетет к этому документу удостоверял О. Г. Назаров, усмотревший в нем «впечатляющий глубокий и всесторонний анализ-прогноз» [10, 3]. Статья О. Г. Назарова, посвященная записке Дурново, носит название «Забывтое пророчество». Но для историков эта записка вовсе не является каким-то секретом. Опубликованная в журнале «Красная новь» в 1922 г., она была доступна для всех, кто желал с нею ознакомиться. Интерес к ней объясняется тем, что часть прогнозов, высказанных Петром Николаевичем Дурново, воплотилась в реальность. В частности, он точно предсказал, что предстоящая мировая война «неизбежно будет протекать в невиданных размерах» и «потребует огромных расходов», а «главная тяжесть войны выпадет на нашу долю» [6, 188], т. е. на долю России. Дурново предвидел, что войну наша страна встретит недостаточно подготовленной в силу нехватки тяжелой артиллерии, пулеметов, крепостных сооружений, железнодорожных вагонов [Там же, 189].

Был он прав и в том, что Россия не должна стремиться к присоединению Галиции — «области, потерявшей с отечеством всякую живую связь» [Там же, 190]. Особое впечатление на читателей «меморандума Дурново» производит предсказание «неминуемой социальной революции» в ее «самых крайних проявлениях», которые в России выльются в «беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [Там же, 197]. Тот факт, что эти прогнозы оказались верными, порождает невольное искушение трактовать весь документ как исключительно правильный и безошибочный.

Такое искушение не обошло стороной и А. Б. Широкограда, выдвинувшего тезис о «естественности» союза между Россией и Германией. Применительно к Первой мировой войне этот тезис может означать признание желательности участия России в ней на стороне Германии, и получается, что Широкоград пошел дальше Дурново, который отнюдь не призывал воевать на стороне Германии, а хотел, чтобы Россия вовсе не участвовала в войне. Однако, отвечая на вопрос, как она могла бы избежать такого участия, Дурново ограничился благим пожеланием: «Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать... такие условия нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации» [Там же, 191].

Понять Дурново нетрудно, но с международными реалиями начала XX в. его позиция согласовывалась слабо. Берлинских стратегов мало интересовали его размышления о «дружественно-союзных отношениях» с Германией. Он был прав лишь в отвлеченном, абстрактном смысле, ибо ход событий в значительной степени зависел от германских стратегических планов, а они были воинственно наступательными. С этой точки зрения «меморандум Дурново» нельзя назвать совершенно безошибочным. Петр Николаевич утверждал: «Война Германии не нужна. ...Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств» [Там же, 189].

Но было ли возможным «мирное сожительство» России и Германии в 1914 г.? И были ли они «естественными союзниками», как утверждает А. Б. Широкоград? Нельзя точно и правильно ответить на эти вопросы, рассматривая российско-германские отношения как статическую картинку, а не как живой процесс, подверженный изменениям во времени.

В XIX в. был период, когда Россия являлась не только союзницей, но и покровительницей немецких государств. После разгрома Наполеона Александр I проявлял заботу о благополучии Пруссии и Австрии, идя навстречу пожеланиям их правителей. Эта забота принесла обеим немецким державам немалые выгоды в виде присоединения к ним обширных территорий, в результате чего и Пруссия, и Австрия существенно усилились. В 1815 г. монархи России, Австрии и Пруссии образовали Священный союз. Акт о его создании, составленный по инициативе Александра I, обязывал трех венценосцев «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь» [13, 279].

В Санкт-Петербурге ревностно оберегали дух и букву Священного союза — порою даже вопреки долгосрочным геополитическим интересам России. Так, летом 1849 г. Николай I, откликнувшись на просьбу австрийского императора Франца-Иосифа I, отправил в Австрию армию под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича для подавления венгерского восстания, вспыхнувшего против австрийской короны. Николай был уверен, что этот шаг превратит Франца-Иосифа в надежнейшего союзника России. Но он заблуждался: когда началась Крымская война, Венский двор занял антироссийскую позицию, поставив свои политические расчеты выше клятв верности Священному союзу.

Пруссия партнерские отношения с Россией сохраняла несколько дольше, чем Австрия, и извлекла из них очевидную пользу: объединение Германии под эгидой Пруссии стало возможным лишь благодаря лояльной позиции России. Немецкий философ и публицист Эрнст Никиш отмечал: «Наиболее успешные немецкие политики на своем опыте убедились, что плодотворную для Германии политику можно проводить, только сотрудничая с Россией. ...Без русской поддержки основать Империю Бисмарку не удалось бы» [11, 315].

Перелом в отношениях между Германией и Россией произошел в 1879 г., когда в Берлине решили ввести ограничения на российский хлебный экспорт. Тем самым партнерский характер двусторонних отношений был поставлен под сомнение, однако, несмотря на возникшие трения, русский царь Александр III не отказался от диалога с правительством Германии. В 1887 г. он подписал германо-российское соглашение, в дипломатическом обиходе названное «договором перестраховки». Стороны обязывались соблюдать нейтралитет при вступлении одной из них в войну с третьей державой. Пока договор действовал, отношения между Россией и Германией продолжали считаться партнерскими.

В июне 1888 г. кайзером Германии стал Вильгельм II. Свое правление он начал с подписания откровенно милитаристского манифеста, первые его публичные речи были наполнены шовинистическими лозунгами. Тогдашний глава германского правительства Отто фон Бисмарк, вошедший в историю как объединитель Германии, неодобрительно воспринял воинственную риторику Вильгельма, полагая,

что она насторожит и оттолкнет от Германии другие страны, что в конце концов навредит самой Германии. Разногласия с кайзером вынудили Бисмарка уйти в отставку. Те, кто занимал пост канцлера после него, старались Вильгельму не противоречить.

В 1890 г. Вильгельм II отказался продлить договор перестраховки. Александр III, не желая оставлять Россию в международной изоляции, пошел на заключение политического союза с Францией, после чего в Берлине о русских заговорили уже как о противниках. Германия принялась выдавливать российский зерновой экспорт из Швеции, Норвегии, Бельгии, Голландии, замещая его собственными поставками. Немецкая хлеботорговля стала преобладать над русской даже в Финляндии, входившей в состав Российской империи. Торговая экспансия Германии подрывала потенциал российского сельского хозяйства. Между Россией и Германией возникло немалое напряжение, и не замечать его было невозможно.

П. Н. Дурново признавал наличие проблем в российско-германских отношениях: «Не подлежит сомнению, что действующие русско-германские торговые договоры невыгодны для нашего сельского хозяйства и выгодны для германского». Признавал он и то, что при заключении этих договоров «интересы русского земледелия» были принесены в жертву, а «Германия использовала удачно сложившуюся для нее обстановку, то есть попросту прижала нас» [6, 191]. Сделав такие признания, Дурново, как ни странно, попытался оправдать поведение немцев: «...поведение это не может учитываться как враждебное и является заслуживающим подражания актом здорового национального эгоизма» [Там же].

Еще более странным явилось его утверждение о «заинтересованности Германии в поддержании производительных сил нашей родины» [Там же, 194]. Здесь логика Дурново дала сбой, который может быть объяснен тем, что свою записку он адресовал Николаю II, при котором и были заключены невыгодные для России торговые договоры с Германией. Защита Россией собственных экономических интересов требовала от правительства твердой воли и последовательности действий. Николай II этими качествами в полной мере не располагал. Ему было трудно копировать политический стиль его решительного отца Александра III, в ответ на ужесточение Германией внешнеторговой политики поднявшего таможенные тарифы на ввозимые в Россию товары с 13 до 28 % [19]. Этой мерой Александр III поддержал российских промышленников и аграриев, улучшив условия для повышения темпов экономического развития России.

В сложившейся к началу XX в. системе международных хозяйственных связей Россия имела свои собственные, вполне определенные интересы. Она занимала место ведущего экспортера сельхозпродукции, объем которой превышал 50 % российского экспорта. Еще 40 % составляли сырьевые товары — уголь, нефть, железная руда [Там же]. Самые удобные маршруты российского экспорта проходили через Черное и Средиземное моря, и российское правительство проявляло заинтересованность в беспрепятственном прохождении экспортных грузов через эти акватории. Но проливы Босфор и Дарданеллы контролировала Турция, которую всячески «обхаживала» Германия, стремившаяся сделать ее своей близкой союзницей. Немцам хотелось вытеснить Россию с международного хлебного

рынка, чтобы самим занять ее место. Утверждение Дурново о том, что Германия была «заинтересована в поддержании производительных сил нашей родины», расходилось с реальными фактами.

Пафос «меморандума Дурново» был бы оправдан, если бы Германия сотрудничала с Россией на условиях равноправия и взаимоуважения. Но германскому кайзеру Вильгельму II не хотелось соблюдать эти условия. Он был настроен враждебно к России (хотя и не только к ней одной), что далеко не в последнюю очередь объяснялось его взглядами, сформированными царившей в Германии на протяжении всего XIX в. идеологической атмосферой. Тогда на состояние немецких умов немалое влияние оказывали учения, пропагандировавшие социальное, расовое и этническое неравенство.

В начале XIX в. идею о предопределенном неравенстве внутри человечества распространял прусский философ Гегель, разделивший народы Земли на «исторические» и «неисторические». К «неисторическим», не вписывающимся в «ряд обнаружений разума в мире», он, кроме прочих, отнес и славян. Гегель говорил о неизбежности конфликтов между разными нациями. В центр нарисованного им мироздания он поместил «германский дух» как «дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины» [3, 18, 319, 323, 330]. Тем самым «абсолютной истине» была придана национально-этническая окраска, а значение нравственно-этических факторов в истории отрицалось. Прусский философ уверял, что «всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приучена моральность, совесть индивидуумов», что «великая личность, служащая воле мирового духа», имеет право «растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути» [Там же, 31, 64].

Гегелевская философия, поддержанная верхами Пруссии, прочно обосновалась в стенах германских университетов и гимназий. В умы немецкой молодежи внедрялось представление об истории как о борьбе наций. Оно связывалось с оправданием насилия, со скепсисом по отношению к нравственным императивам. Гегельянство расходилось с гуманистическими идеями, питавшими творчество таких выдающихся представителей немецкой и мировой культуры, как Иоганн Себастьян Бах, Людвиг ван Бетховен, Иоганн Вольфганг Гёте, Фридрих Шиллер, братья Гримм.

В первой половине XIX в. составление философских схем в Германии опиралось не столько на творчество гуманистов, сколько на изыскания анатомов. С идеей расово-физиологической неравноценности людей выступил профессор биологии из Кёнигсберга Карл-Фридрих Бурдах. Его книга «Антропология, или Рассмотрение человеческой природы с различных сторон» дала толчок увлечению европейцев антропометрическими замерами черепов, проводимыми для выявления соответствий расовым «эталонам», представленным Бурдахом.

Использование биологии в социологических доктринах вышло на новый виток после создания англичанином Чарльзом Дарвином учения о естественном отборе и борьбе биологических видов за существование. Хотя это учение основывалось на данных, полученных из мира живой природы, Дарвин не исключал, что оно может касаться и социального бытия: «В недалеком будущем, возможно, цивилизованные расы целиком вытеснят или уничтожат все варварские расы

в мире» [5, 293]. По убеждению адептов иерархических общественных моделей, дарвиновская теория доказывала, что жесткое соперничество между людьми является неотменяемым законом бытия. На стыке философии и биологии возник социал-дарвинизм — учение, нацеленное на придание абсолютного статуса конкурентной борьбе между людьми, а также на утверждение превосходства отдельных социальных групп, наций, рас.

Во второй половине XIX в. расизм и социал-дарвинизм приобрели обширное влияние. Их спайка нашла отражение в вызвавшей скандальный ажиотаж книге англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы девятнадцатого века», выпущенной в Германии. Вильгельм II являлся поклонником Чемберлена, книгу которого он восхвалял как «монографию величайшей важности» [14].

С симпатией Вильгельм относился и к приверженцу крайних форм расизма Йергу Ланцу фон Либенсфельсу, прославлявшему идею «расовой чистоты» и доказывавшему, что нордическая раса должна находиться в строгой обособленности от «обезьяноподобных, неполноценных, бесполезных, презренных недочеловеков — гоблинов». В книге с названием «Теозоология» Ланц призвал к стерилизации представителей «низших рас» [7].

Вильгельм II стремился найти практическое применение идеям социал-дарвинизма, заявив о себе как о большом энтузиасте колониальных захватов. Впрочем, в Берлине намерения обзавестись обширными владениями в Африке, в бассейне Тихого океана, в Южной Америке громко озвучивались еще до коронации Вильгельма. В 1884 г. под имперский контроль были взяты немецкие коммерческие фактории в Намибии, Того и Камеруне, еще через год германскими колониями объявили Танзанию, Бурунди и Руанду. При Вильгельме II в колониальный реестр Германии попали Новая Гвинея в Океании, острова в Тихом океане, китайский город Циндао, часть Самоа.

Но всего этого кайзеру было мало. Он замыслил проект «Великая Германия», призванный значительно увеличить территорию рейха на Европейском континенте. Кроме того, он поддержал план своих советников, направленный на создание зон германского влияния в Передней Азии. Весомым шагом к осуществлению этих замыслов стало строительство немцами Багдадской железной дороги. В 1898 г. Вильгельм устроил помпезную поездку на Ближний Восток, вызвав на себя критические стрелы в российской и британской прессе.

В 1900 г. канцлером Германии стал Бернгард-Генрих-Карл-Мартин фон Бюлов, привлекая внимание Вильгельма II горячей поддержкой идее пангерманизма и мирового господства германской нации. В канун назначения на должность фон Бюлов, выступая в рейхстаге, заявил: «Мы не потерпим, чтобы какая-то иностранная держава, какой-то иноземный Юпитер сказал нам: “Что поделаться? Мир уже поделен!”. Мы не хотим никому мешать, но мы и не позволим никому стоять у нас на пути. Мы не будем пассивно стоять в стороне, тогда как другие делят мир. Мы не можем и не хотим этого терпеть. Мы имеем интересы во всех частях света. ...Мы требуем создания Великой Германии» [9].

Плацдармом для распространения своего влияния в Европе берлинские стратеги считали Австро-Венгрию, тесное партнерство с которой давало Германии

возможность продвигаться к политической гегемонии в Центральной Европе. В 1879 г. два государства создали военно-политический альянс, и не случайно именно в том году Германия отошла от партнерства с Россией. Создатели германо-австрийского союза назвали его союзом центральных держав. Это наименование должно было подчеркнуть и особое геополитическое положение двух стран, и их «центральную» роль в определении судеб мира.

Сближению Германии и Австрии способствовала идеология пангерманизма, нацеленная на гегемонию немецкой нации. Культурно-языковое родство германцев и австрийцев ставилось выше всех других идей и принципов. Первые пангерманские кружки занимались изучением древнегерманской истории и мифологии. Но эти рамки оказались тесными для пангерманизма, и его сторонники заговорили о «Великой Германии». Пангерманизм быстро превратился в идеологию «освоения» немцами славянских и прибалтийских земель, выраженную лозунгом «Дранг нах остен» («Напор на восток»). Другой излюбленной темой у пангерманистов стали колониальные захваты за пределами Европы. Идеология пангерманизма превратилась в жгучую смесь милитаризма, расизма, национализма, шовинизма и ксенофобии.

После объединения Германии зазвучали голоса сторонников мирового доминирования новой империи, сделавших особую ставку на военную силу. Они добились влияния во властных эшелонах, и благодаря их требованиям шел непрерывный рост численности германской армии. Если в момент образования Германской империи под ружьем там находилось 315,6 тыс. человек, то к 1890 г. — уже 510,3 тыс. [1, 45]. Непрерывно возрастали и военные расходы рейха, с момента его создания до начала мировой войны увеличившись в пять раз. В 1896 г. Вильгельм II распорядился начать создание крупного военно-морского флота, способного противостоять британским морским силам. На верфи в Киле было запущено строительство линкоров, крейсеров, эсминцев, оборудованных по последнему слову тогдашних технологий. Началось проектирование подводных лодок, и лучшие проекты быстро внедрялись в производство.

Наблюдая за этими тенденциями, Фридрих Энгельс писал в 1888 г.: «Для Пруссии — Германии невозможна теперь уже никакая иная война, кроме всемирной войны. И это будет всемирная война невиданного раньше масштаба, невиданной силы» [20, 361]. А в 1905 г. о неизбежности мировой войны заявил уже начальник германского генштаба Альфред фон Шлифен, составивший план развертывания войск на два фронта — против Франции и против России. Он полагал, что масштабы войны можно отрегулировать заранее, и уверял кайзера: если все требования генералов будут выполнены, то война продлится недолго и завершится триумфальной победой немцев.

Мысль о неотвратимости войны распространялась в немецком обществе, подхлестывая новые всплески экзальтированного национализма. Военные в Германии стали вести себя как каста небожителей, демонстрируя свое «мессианское» величие. В газетах, в проповедях лютеранских пасторов, в лекциях университетских профессоров французы и русские представлялись воплощением сатанинского начала, а немцы — инструментом Страшного суда, готового по воле небес

обрушиться на врагов рейха. Множились призывы «очистить» предстоящую войну от «излишнего» гуманизма.

Германия превращалась в единый военный лагерь, организованно и дисциплинированно готовясь к боевому столкновению с геополитическими конкурентами. В немецком обществе того времени возражения против милитаризации страны если и звучали, то быстро заглушались с помощью административных мер. Значительная часть немецкой интеллигенции курс на гегемонию Германии вполне одобряла. Так, известный социолог и политэконом Макс Вебер публично заявил о своей поддержке «политики создания мировой державы» [18, 128].

Правящая верхушка Германии рассчитывала удовлетворить свои гегемонистские амбиции, достигнув превосходства германской экономики над экономиками других стран. Чтобы успешно запустить стратегию, направленную на выигрыш в мировом экономическом соревновании, нужны были немалые финансовые средства. «Стартовый капитал» был выбит у Франции после войны 1870–1871 гг. Наложённая на нее контрибуция в 5 млрд франков по тем временам составляла огромную сумму. Франция напрягла усилия, чтобы как можно быстрее избавиться от неприятных обязательств, а германское правительство полученные деньги пустило на железнодорожное и промышленное строительство. Темпы прокладки железных дорог позволили в короткие сроки связать все области Германии густой транспортной сетью, а масштабы заводского строительства быстро превратили страну сначала в единое экономическое пространство, а затем и в индустриального колосса.

Повсеместно использовались элементы государственного планирования. Промышленность и сельское хозяйство получали госзаказы и госкредиты. Особый упор делался на развитие тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроения. Германское правительство монополизировало железнодорожную сеть, выкупив в казну почти все частные железные дороги. Оно стремилось держать под контролем движение банковского капитала. Ядром экономической политики в Германии был строгий протекционизм, составивший основу социально-политической и управленческой модели, названной в политэкономии «государственно-монополистическим капитализмом». Правительство и промышленники уделяли повышенное внимание научно-техническим достижениям.

Реализация экономических программ в Германии, хотя и шла в целом успешно, не была застрахована от сбоев и неувязок. Капитаны германской индустрии самый короткий путь к высоким прибылям видели в непрерывном наращивании экспорта, часто увеличивая его за счет беззастенчивого демпинга. Собственный же рынок немецкие промышленники хотели оградить от наплыва иностранной продукции. Откликаясь на их запросы, правительство Германии раз за разом повышало ввозные таможенные пошлины, тем самым внося во внешнеэкономический курс чрезмерную жесткость. К примеру, в 1893 г. оно резко повысило пошлины на российское зерно, и российский хлебный экспорт за три года упал более чем на 40 % [2].

Немецкий капитал упорно рвался на мировые рынки. Повышение его воинственности было продиктовано нарастанием дефицита сырья. Чтобы поддерживать

динамику экономического роста в Германии, нужно было в немалых количествах ввозить железную руду, цветные металлы, нефть, хлопок и многое другое. Зависимость от сырьевого импорта досаждала немецким бизнесменам, привлекала их внимание к отличиям германской системы хозяйствования от британской и французской, жизнеспособность которых поддерживалась за счет эксплуатации колоний. Передовые технологии обеспечивали германской индустрии динамизм, но не спасали ее от разнообразных рисков. Ликвидацию этих рисков в Берлине связывали с наращиванием вооружений и опорой на силу.

В развитии германской экономики возникли очевидные перекосы. Милитаризация страны требовала все новых и новых затрат. Раскрутившийся маховик военных расходов вел госбюджет к хроническому дефициту, который рано или поздно должен был взорвать либо германскую экономику, либо раздутый военнотехнический потенциал. Поскольку первый вариант германскую верхушку никак не устраивал, получалось, что она стала заложницей собственной милитаристской политики. Алгоритм выбранной в Германии военно-политической и экономической стратегии по сути дела превращал германскую агрессию, а с нею и мировую войну, в неизбежность.

Другим странам по отдельности тягаться с германским протекционизмом, отличавшимся особой твердостью и педантизмом, было не так-то просто, но в противостоянии ему они могли объединять усилия. Таможенная война, начатая Вильгельмом II против России и продемонстрировавшая русским, что ему добрые отношения с ними не нужны, стала лучшим стимулом для заключения ими военно-политического союза с французами, также испытывавшими большие неудобства от ограничительных мер со стороны Германии. Существенным было и то, что после поражения в войне с Пруссией Франция нуждалась в надежном союзнике, и Россия, граничившая с немецкими территориями, подходила к этой роли как нельзя лучше: Германия, главный противник французов, оказывалась в географических тисках между Францией и Россией.

До объединения Германии французы и русские плохо ладили между собой, но с появлением мощного Германского рейха расклад сил в Европе обновился, и между прежними неприятелями возникло взаимное геополитическое притяжение. Ему содействовала шовинистическая риторика германского кайзера Вильгельма II. Россия и Франция подписали военную конвенцию, нацеленную на совместные действия против Германии и Австрии, заложив основу будущего военно-политического союза под названием «Антанта».

Другой осью Антанты стал альянс Великобритании и Франции. К нему политики и дипломаты двух стран продвигались в течение нескольких лет, осторожно тестируя друг друга и постепенно преодолевая остатки взаимного недоверия, сохранявшегося по инерции со времен Бонапарта. Стереть отзвуки былых антагонизмов и взаимных претензий англичанам и французам помогло опять же воинственное поведение Германии. Их дожимали постоянные претензии с ее стороны по поводу колоний. Лондон и Париж, пойдя на взаимные уступки, договорились о разделе между собой сфер колониального влияния. В апреле 1904 г. англо-французское союзное соглашение было подписано.

Наличие франко-британского и франко-русского союзов не означало единой связки между тремя странами. Французам хотелось составить общий союзный треугольник, но этому препятствовали геополитические трения между Англией и Россией, дававшие о себе знать на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Центральной Азии, в Тибете. Эти трения портили отношения двух стран на протяжении всего XIX и в начале XX в. В Санкт-Петербурге единого мнения о сотрудничестве с англичанами не было. Противников британской ориентации возглавлял сам царь Николай II. К ним принадлежал и Петр Дурново, не видевший от сотрудничества с Англией никакой пользы для России: «Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные нами в результате сближения с Англией. ...Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна» [6, 183].

Николай II и Дурново имели основания не доверять Туманному Альбиону, антироссийские действия которого во время Русско-японской войны сыграли пагубную для России роль. Неудивительно, что после окончания той войны Николай II стал склоняться к поиску компромисса с Германией. Однако компромисс с нею мог быть только тактическим, временным, поскольку немцы с их идеей «Дранг нах остен» на долгосрочные, стратегические соглашения с Россией идти не собирались, хотя и не отказывали себе в удовольствии поиграть с нею в хитроумные дипломатические игры. Кайзер Вильгельм II, носитель идей пангерманизма, открыто признавался: «Я ненавижу славян. Знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их» [15, 127].

В 1904 г., видя, что российская дипломатия находится в состоянии поиска, кайзер переслал в Санкт-Петербург проект соглашения, в котором речь шла об оказании помощи при нападении на Россию или Германию третьей стороны. Если бы этой стороной оказалась конфликтовавшая с немцами Франция, то перед русскими возникла бы неразрешимая дилемма. В Зимнем дворце не нашли ничего лучшего, как предложить немцам провести консультации с Францией. Ответ был предсказуемо отрицательным. Рассуждая отвлеченно, Санкт-Петербург мог бы, наверное, отвернуться от Парижа, но в реальности решиться на это было крайне сложно: Франция была главным и притом весьма щедрым кредитором России. Французские займы помогли российской казне профинансировать расходы на войну с японцами. На этом фоне рвать отношения с Францией было непорядочно и попросту глупо.

Летом 1905 г. Вильгельм II повторил попытку склонить Николая II на сторону Германии. Будучи кузенами, монархи нашли общий язык. Николай даже подписал проект соглашения с немцами, но петербургские министры потребовали от него отзыва своей подписи и в конце концов добились этого. Они исходили из того, что Париж оказывал России финансовую помощь, а Берлин проводил недружественную таможенную политику, на фоне которой обещания, даваемые Вильгельмом Николаю, выглядели сомнительной риторикой.

В Лондоне демарш русских министров оценили как добрый знак. Британские политики принялись подчеркивать свое расположение к русским. Как раз в это время министром иностранных дел России стал А. П. Извольский, сторонник сближения с Британией, и англо-русские переговоры быстро продвинулись

вперед. Всем было понятно, что отказ Петербурга от сотрудничества с Англией внес бы в европейские коалиционные комбинации изрядную путаницу. Германия и Франция относились друг к другу как непримиримые антагонисты, и поддерживать одинаковые отношения с ними было чрезвычайно сложно. С другой стороны, Англия и Франция заключили союз, и конфликтовать с Англией, оставаясь близким партнером Франции, было не вполне логично. После достижения компромисса в подходах к спорным вопросам, касавшимся интересов сторон в Персии и Афганистане, англо-русское соглашение было подписано. Летом 1907 г. Антанта обрела форму полноценного политического треугольника.

Правители Германии своей воинственной риторикой и враждебными действиями настроили против себя и Россию, и Англию. Известный американский дипломат и историк Генри Киссинджер писал: «Германия умудрилась способствовать невероятной перемене альянсов. В 1898 г. Франция и Великобритания были на грани войны из-за Египта. Враждебные отношения между Великобританией и Россией являлись постоянным фактором международных отношений почти на всем протяжении XIX в. ...Никому тогда и в голову не пришло бы, что Великобритания, Франция и Россия в итоге выступят на одной стороне. И все же под воздействием настойчиво-угрожающей германской дипломатии именно это и случилось» [8, 150–151].

Складыванию Антанты в немалой степени способствовали и экономические соображения: с 1871 по 1914 г. общий объем германского производства увеличился на 470 %, тогда как во Франции за то же время этот показатель вырос на 203 %, в Англии — на 127 % [4, 54]. Соседям-конкурентам трудно было угнаться за темпами развития Германии. При этом и во Франции, и в Англии осознавали, что отставание промышленного роста приведет к сдаче позиций не только в экономическом, но и в геополитическом соревновании. Российскому правительству такие заботы также не были чужды.

Каждая из стран Антанты уступала Германии и по величине военных расходов. Вынужденные участвовать в гонке вооружений, французы, англичане и русские составляли соответствующие организационные планы и технические проекты. Но эти планы и проекты требовали масштабных затрат и определенного резерва времени. Время и было главным дефицитом, справиться с которым к августу 1914 г. правительствам стран Антанты в полной мере не удалось, поскольку немцы, опасаясь растерять свои военно-технические преимущества, стремились ускорить развитие событий.

Заваривать конфликты внутри Европы Берлин поручил австрийцам. Те не заставили себя долго упрашивать и в 1908 г. объявили об аннексии Боснии и Герцеговины, где большинством населения были сербы. Ситуация на Балканах резко обострилась. Сербия расценила австрийскую аннексию как грубое нарушение своих национальных интересов и обратилась за помощью к России. Российская дипломатия, пытаясь отстоять сербские интересы, организовала консультации с внешнеполитическими ведомствами разных стран. При этом она действовала не слишком настойчиво, и немцы усмотрели в этом проявление слабости. В марте 1909 г. Берлин ультимативно потребовал от русских признать австрийский захват

Боснии и Герцеговины. Российское правительство, испытывая неготовность к эскалации конфликта, вынуждено было пойти на уступки Германии. В Берлине праздновали дипломатическую победу, амбиции немцев заметно возросли.

В 1910 г. в Германии появилась книга «Германия и следующая война». Ее автор, генерал Фридрих фон Бернарди, учил своих немецких читателей, что история предначертала Германии быть великой мировой державой, а раз так, то немцы должны сломить сопротивление всех, кто противится этому предначертанию. Генерал, как и следовало ожидать, отдал дань социал-дарвинизму: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся законы борьбы за существование». Германия, вешал Бернарди, стоит перед выбором «между мировым господством и падением», и завоевания для нее «становятся законом необходимости» [15, 76].

Весной 1911 г. правящие круги Германии решили проверить на твердость французов, потребовав от них раздела Марокко и направив в Средиземное море канонерскую лодку. Французские верхи, в отличие от петербургского двора, не дрогнули и пообещали ответить на угрозы военными средствами. Немецко-французский конфликт едва не дошел до вооруженной схватки. Ее остановило заявление Лондона о решительной поддержке Франции.

В 1912 г. интересы Антанты и австро-германского блока вновь столкнулись на Балканах, где союз в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории нанес поражение Турции, лишив ее европейских владений — за исключением Стамбула. Усиление стран Балканского союза, курируемого русской дипломатией, никак не устраивало Германию и Австрию, тотчас же заявивших о правах на «турецкое наследство». Немцы помогли младотурецкой партии устроить государственный переворот в Стамбуле. Младотурки возобновили военные действия на Балканах, но их соперники, опиравшиеся на поддержку Антанты, были сильнее. Англичане, французы и русские получили возможность укрепить свои позиции на Балканах. Венский двор сильно заволновался.

Австрия и Германия решили перетянуть на свою сторону Болгарию, подтолкнув ее к войне против греков и сербов. В июле 1913 г. вспыхнула вторая Балканская война. Болгария проиграла. Против нее выступили также и турки, отобравшие у болгар Восточную Фракию. Стараниями австро-германской дипломатии, однако, и Болгария, и Турция остались в сфере немецкого влияния.

Балканские войны не разрубили узел противоречий на юго-востоке Европы, а, напротив, раскалили тамошнюю обстановку до предела. Отношения между двумя военными блоками, полностью сложившимися как раз в дни балканского кризиса, крайне обострились. Для вспышки боевых действий между ними теперь хватило бы любой случайной искры.

Этой искрой стало убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенное 28 июня 1914 г. сербскими националистами в аннексированном австрийцами Сараево. Правительство Сербии не имело никакого отношения к теракту, но Австрия поспешила воспользоваться моментом, чтобы предъявить Сербии максимум претензий и аннексировать ее так же, как Боснию и Герцеговину в 1909 г. В защиту Сербии выступила Россия. Германские стратеги только

и ждали этого момента, чтобы объявить России войну. А. Б. Широкоград, имея в виду те события, пишет: «Увы, до сих пор мы не знаем, зачем Россия вступила в эту войну. За бедных сербов, не согласившихся с требованием Австро-Венгрии на проведение расследования на сербской территории убийства эрцгерцога Фердинанда силами австрийской полиции?» [17].

Как видно, дело подается так, что если бы Россия ради дружбы с немцами отказалась от поддержки «бедных сербов», то избавила бы себя от всех внешнеполитических проблем и могла бы остаться в стороне от мировой войны. Подобный подход является очевидным упрощением. В 1909 г. российское правительство с действиями австрийцев в Боснии и Герцеговине смирилось. Могло ли оно смириться и во второй раз, не высказав честного отношения к грабительскому поведению самоуверенных захватчиков?

Николай II хотел лишь остановить поглощение Сербии Австрией, явно не горя желанием ввергать Россию в мировую войну. 15 июля 1914 г. он написал своему кузену Вильгельму II письмо: «В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, разделяемое мною, безмерно. ...Прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко» [12, 393–394]. Царь с его представлениями о благородстве надеялся на «арбитраж» кайзера, не догадываясь, что именно этот ненавистник славян и подтолкнул австрийского императора к «гнусной войне» против сербов.

Еще 5 июля Вильгельм заверил австрийцев в своей готовности начать войну против России. Уже распорядившись начать скрытую мобилизацию германской армии, кайзер ответил Николаю, что употребит все свое влияние, чтобы воздействовать на австрийцев. Он лицемерил перед царем, одновременно потешаясь над ним: на австрийцев он, конечно, влиял и воздействовал, но так, чтобы результаты были обратными тому, на что рассчитывали русские. Вильгельм II стремился к войне.

Войны желали и его подданные, основательно обработанные шовинистической пропагандой. «Немцы упиваются счастьем... Радостно вновь осознавать себя живыми, — писали германские газеты в начале августа 1914 г. — Мы так долго ждали этого часа... Меч не будет вложен в ножны, пока мы не добьемся своих целей и не расширим для себя территорию, как этого требует необходимость» [15, 186]. В течение всего XIX столетия Германия шла по пути, на котором «созревала» для войны. И вот, наконец, она «созрела» и рвалась в бой.

П. Н. Дурново, говоривший о том, что России стоило бы воздержаться от войны с Германией, испытывал дефицит аргументов. В частности, он приводил такой довод: «Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается» [6, 195]. Но в Санкт-Петербурге никто и не замахивался на немецкие земли. Речь могла идти только о прямо противоположном — о том, чтобы отстоять российские территории от посягательства со стороны Германии. Исплотившись духом воинственности, ее правящая элита вслух вспоминала о том, что входившая в состав Российской империи Прибалтика когда-то принадлежала немцам — рыцарям Ливонского ордена. Желая «исправить» историю, Теобальд

фон Бетман-Гольвег, в 1909 г. ставший рейхсканцлером Германии, вещал: «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы всегда сможем договориться, с Россией — никогда» [16, 40]. В Берлине выстраивали планы по отторжению от России огромной территории, включавшей в себя не только Прибалтику, но и Польшу, Финляндию, Украину, Дон, Кубань, Кавказ. Эти планы подпитывали распространявшиеся в Германии лозунги «исторического превосходства немцев над славянами».

Россию ставили в жесткие условия, вынуждая ее защищать свои коренные интересы, и неучастие России в войне могло означать либо отказ оборонять свои территории и добровольное признание «прав» Германии на них, либо пассивную оборону, не связанную с деятельным участием в антигерманской коалиции. На «благотворности» второго варианта настаивает А. Б. Широкоград: «Расположив свои армии за тремя линиями крепостей, Россия могла стать той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине. Потом, когда “тигры” изрядно бы потрепали друг друга, Россия могла бы начать большую десантную операцию в Босфоре... А захватив проливы — единственную достойную цель России в войне, — Николай II мог бы выступить и в роли миротворца, став посредником между воюющими державами» [17].

Представленный «сценарий» может показаться весьма привлекательным. Но мог ли он осуществиться на самом деле? Получила бы Россия Босфор, не принимая реального участия в войне? Кто бы ей его отдал — немцы или англичане с французами? Если на то пошло, приобретение Россией Босфора вместе со Стамбулом — Константинополем как раз и предусматривалось соглашениями с союзниками (правда, при условии признания независимости Польши, но этот вариант русских, так или иначе, устраивал). При этом никто не собирался преподнести России в подарок ни Босфор, ни Константинополь, их требовалось добывать в бою.

Тезисы А. Б. Широкограда плохо согласуются с тем, что происходило в действительности. Если бы русские армии отсиживались «за тремя линиями крепостей», то уже в сентябре 1914 г. Франция оказалась бы на грани катастрофы и была бы оккупирована немцами. Французов спасло наступление тех самых русских армий в Восточной Пруссии, заставившее немецкий генштаб перебросить часть сил с западного фронта на восточный. Что случилось бы, если бы французы не выдержали напора германских войск? Разбив Францию, Германия завладела бы ее промышленностью, и тогда немецкий промышленный потенциал многократно превзошел бы возможности российской промышленности. А как после падения Франции повела бы себя Англия? Вполне возможно, что Россия осталась бы одна против мощной вражеской коалиции, и ее победа была бы крайне проблематична, ведь в 1914–1915 гг. экономика России даже при поддержке союзников с трудом выдерживала военную нагрузку.

Тезис А. Б. Широкограда о том, что Россия в тогдашних условиях могла бы стать «той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине», не выдерживает критики. Стать «обезьяной-арбитром» ни Россия, ни какая-то иная из европейских держав не могли. Может быть, кто-нибудь в Европе и рад был бы оказаться в этой бесхлопотной и удобной роли, однако

добиться этого не позволял географический фактор. Европейский континент являлся авансценой острейшей конкурентной борьбы, и все крупные европейские страны были обвиты сложными противоречиями и взаимозависимостями, не позволявшими им спокойно отсидеться в стороне от военной заварухи.

Из амбициозных игроков, свободных от пут европейской географии, на вакансию «неспешной и мудрой обезьяны» могли претендовать Япония и США. Но претензии Японии, доля которой в мировом промышленном производстве в то время была едва заметна, не могли выйти за рамки пожеланий. Другое дело — Соединенные Штаты, после Гражданской войны 1861–1865 гг. совершившие бесподобный рывок в индустриально-технологическом развитии. Имея внушительный экономический задел, США могли находиться на своей безопасной заокеанской «горке», наблюдая за жаркой европейской бойней, давшей им счастливую возможность осуществить стратегический замысел, нацеленный на превращение в величественную империю, контролирующую весь мир.

Трудно спорить с тем, что участие в мировой войне Российская империя оплатила слишком дорого: для нее война закончилась крахом. Очевидно, что, если бы ей удалось избежать такого участия, то ход российской истории был бы иным, скорее всего, менее драматичным. Помыслы тех российских политиков, которые хотели воплотить в жизнь мирный сценарий, понятны и заслуживают уважения. Проблемой было и остается лишь то, что такой сценарий не устраивал германских и австрийских милитаристов во главе с их правителями. И здесь остается лишь констатировать, что, развязав бойню, два не в меру воинственных режима сами похоронили себя.

Что касается России, то в Первой мировой войне она выглядела вполне достойно. Понеся немалые жертвы, русские армии выполнили свои союзнические обязательства и сорвали разработанный в немецких штабах план «блицкрига», способствуя переводу войны в позиционное русло, отдававшее преимущество Антанте. Во многом благодаря самопожертвованию русских Англия и Франция в конце концов одержали верх над германо-австрийским блоком. Если мы хотим знать историю, то нам нужно помнить об этом самопожертвовании.

-
1. Бонвеч Б., Галактионов Ю. В. История Германии : в 2 т. М., 2008. Т. 2.
 2. Великая война, 1914–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://greatwar1914.ru/index.php> (дата обращения: 09.08.2014).
 3. Гегель. Философия истории // Соч. : в 13 т. М. ; Л., 1935. Т. 8.
 4. Гольштейн И., Левина Р. Германский империализм. М., 1947.
 5. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. М., 1953.
 6. Дурново П. Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 182–199.
 7. Йерг Ланц фон Либенсфельс [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=358996> (дата обращения: 29.07.2014).
 8. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
 9. Мир в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://freepapers.ru/6/mir-v-nachale-20-veka/113623.733459.list3.html> (дата обращения: 02.08.2014).
 10. Назаров О. Г. Забытое пророчество // Настоящее прошлое : прил. к «Литературной газете». 2014. 7 мая.

11. *Никиш Э.* Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события. СПб., 2012.
12. Николай II – Вильгельму II, 15/28 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма : сб. док. : в 10 т. М., 1935. Т. 1.
13. Полное собрание законов Российской империи, 1815–1816. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830. Т. 33.
14. *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.redov.ru/istorija/angliiskie_korni_nemeckogo_fashizma/index.php (дата обращения: 03.08.2014).
15. *Такман Б.* Августовские пушки. М., 1972.
16. *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000.
17. *Широкорад А. Б.* Столетие Великой войны. Факты против мифотворчества политиков [Электронный ресурс]. URL: <http://nnm.me/blogs/Dmitry68/stoletie-veliko-voyny-fakty-protiv-mifotvorchestva-politikov-2/> (дата обращения: 20.07.2014).
18. *Шульце Х.* История Германии. М., 2004.
19. Экономика Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://spravka.coolreferat.com/vopros/37> (дата обращения: 28.07.2014).
20. *Энгельс Ф.* Введение к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. : в 50 т. М., 1961. Т. 21.

Рукопись поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.

УДК 94(100)“1939/45” + 94(470)“1941/1945” + 94(520)“1946” **К. Г. Муратшина**

РОССИЯ – КНР: КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ВТОРОЙ МИРОВОЙ, ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается проблема формирования в КНР и распространения в мировом информационном пространстве специфически китайской трактовки истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны советского народа и антияпонской войны Китая, а также вопроса о роли Советского Союза и Китая в победе над нацизмом, фашизмом и милитаризмом и помощи Советского Союза Китаю в борьбе против японских агрессоров. Выявляются конкретные особенности китайского подхода, дается объяснение их возникновению. Ситуация прослеживается в динамике и на основе значительного количества источников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : РФ, КНР, интерпретация истории, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, антияпонская война.

В рамках российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия один из ведущих партнеров РФ на современном этапе, Китай, предложил свой взгляд на историю Великой Отечественной и Второй мировой войн и обеспечение победы над нацизмом. Это специфически китайский взгляд, он имеет свои особенности, с течением времени претерпевает определенные изменения. Попробуем разобраться в его особенностях, исходя из анализа следующих

источников: выступлений и статей в печати китайских государственных деятелей и дипломатов; работ представителей исторической и политологической науки КНР, в силу специфики ее развития в полной мере отражающих именно официальную точку зрения; позиции средств массовой информации.

Впервые китайская точка зрения была озвучена председателем КНР Цзян Цзэмином в 1995 г., когда наша страна широко отмечала 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. В Москву на торжества были приглашены делегации более чем 50 стран мира, на Красной площади состоялся Парад Победы. В числе приглашенных были и партнеры по стратегическому взаимодействию — представители Китая во главе с Цзян Цзэмином. Президент России Б. Н. Ельцин принял его, как лидера страны-партнера, в Кремле. В ходе встречи Цзян Цзэминь высказался об «историческом вкладе Китая и Советского Союза... в великую антифашистскую войну», о том, что «народы обоих государств во время войны взаимно поддерживали друг друга, воевали плечом к плечу» [34, 322]. В российской печати выступление китайского лидера не было опубликовано, но его широко тиражировали китайские СМИ, а затем его основные положения вошли в оборот исторической науки в КНР.

В 2010 г. председатель КНР Ху Цзиньтао, приглашенный в Москву на празднование 65-летия Победы, во время встречи с президентом Д. А. Медведевым признал, что «именно советские воины внесли решающий вклад в борьбу за победу во всемирной антифашистской войне» [1, 4]. На встрече с российскими ветеранами он подчеркнул, что «вместе с тем на главном поле боя антифашистской войны в Азии и на Тихом океане военные и мирные граждане Китая вели 8-летнюю затяжную упорную борьбу», и добавил: «Мы должны проповедовать правильную точку зрения на историю. Китай и СССР внесли выдающийся вклад в победу в мировой антифашистской войне, это правда». Что касается роли Советского Союза в разгроме Японии, то Ху Цзиньтао охарактеризовал ее так: «Мы не забудем, как большое количество бойцов советской Красной армии отправились на поле боя на Северо-Восток Китая, плечом к плечу с военными и мирными гражданами Китая сражались с японскими агрессорами и внесли важный вклад в окончательную победу в войне сопротивления китайского народа японским захватчикам» [12].

Несколькими месяцами позже в «Российской газете» появилась статья министра иностранных дел КНР Ян Цзечи о китайском вкладе в разгром фашизма и милитаризма [35]. В подзаголовке статьи значится: «В этом году исполняется 65 лет победы в антияпонской войне китайского народа и окончания Второй мировой войны». «Китай и Советский Союз, — говорится в ней, — выступили в качестве главной силы, давшей отпор мировому фашизму; китайский и советский народы прошли испытание огнем и мечом, стояли на грани жизни и смерти, внесли в окончательную победу во Второй мировой войне исторический вклад». Возможно, потому, что статья была адресована только российской аудитории и не была распространена в китайском сегменте Интернета, в ней нет ни одного упоминания о союзниках СССР, внесших свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне и сражавшихся в Европе вместе с советскими войсками. Впрочем, и Отечественная

война нашего народа — как главное поле битвы с фашизмом — в статье упомяну-та лишь в первых трех абзацах. Главное внимание уделено антияпонской войне. Из текста следует, что «китайская армия и народ дали суровый отпор агрессии, фашизму и милитаризму в Азии», а советский народ «продемонстрировал железную волю и бесстрашный дух... на европейском театре военных действий».

«Китай, — продолжает министр, — оказывал всю возможную помощь Советскому Союзу», организовывались «китайские отряды Красной армии и рвались на передовую, в бой с немецкими фашистами». Этот тезис невольно заставляет задуматься, ведь, чтобы убедиться в его несоответствии историческим фактам, достаточно просто обратиться к воспоминаниям ветеранов, к научной литературе — хотя бы к работам китаеведов, оставивших нам свидетельства очевидцев о военных действиях китайской армии, но не в Европе, а в оккупированных японской армией районах КНР [10, 21, 22].

Мы знаем, что в 1931 г. японские войска вторглись в северо-восточные районы Китая, что с 1937 по 1945 г. он официально находился в состоянии войны с Японией. Соппротивление японским оккупантам оказывали две силы — Гоминьдан во главе с Чан Кайши и Компартия Китая под руководством Мао Цзэдуна. СССР видел необходимость объединения этих двух сил ради освобождения Китая и оказывал им значительную помощь до тех пор, пока в 1941 г. Гитлер не напал на нашу страну. Мы не будем углубляться в особенности ведения Китаем войны с японскими милитаристами, но укажем лишь на некоторые. Мао Цзэдун считал стратегически важным создание опорных баз внутри страны — там сосредоточивалось оружие, техника, обучались кадры (с 1946 г. они широко использовались во «внутренней войне» против сил Гоминьдана). Об этом можно прочесть в дневниках П. П. Владимировой [10], который был представителем нашей страны, и лично И. В. Сталина при Мао Цзэдуне. История всех 14 лет Японо-китайской войны не выделяет ни одного крупного сражения, выигранного китайскими войсками, оказавшего большое влияние на дальнейший ход войны, хотя война была жестокой и кровавой, люди гибли не только в бою, но и от голода, болезней, пыток. Так продолжалось вплоть до 1945 г., когда после капитуляции нацистской Германии советские войска начали перебрасываться на восток, где вместе с силами союзников по антигитлеровской коалиции готовились завершить все военные действия и принести страдавшему столько лет народу прочный мир.

Итак, отметим первую особенность современного китайского подхода к интерпретации истории главных войн XX в.: совершенно разные по масштабам и значению Великая Отечественная война советского народа и антияпонская война Китая уравниваются, при этом дается специфически китайская версия о сражающихся «в бою с немецкими фашистами» «плечом к плечу» советских и китайских солдатах.

Существует огромный пласт документов, воспоминаний как военачальников, так и рядовых, в каждой семье в России хранятся свои документы и свидетельства о войне. Ныне здравствующие ветераны и их потомки хорошо знают, что «представители Китая» не «воевали плечом к плечу» с ними и их однополчанами на фронтах Великой Отечественной, не освобождали Европу, не водружали над

рейхстагом Знамя Победы. «Представители Китая» сражались за свою землю и на своей земле, а советские военные советники и летчики оказывали им помощь. И в 1945 г. только благодаря Красной армии и армиям союзников была разгромлена милитаристская Япония и освобожден китайский народ.

Следующей особенностью является аргументация такого уравнивания: как это ни прискорбно, сравнивается число жертв, понесенных обеими странами: 35 млн человек с китайской стороны и 27 млн человек — с нашей [35]. Отметим, кстати, что нам не удалось найти реакцию на такой китайский взгляд ни со стороны официальных лиц РФ, ни в СМИ. Статью в «Российской газете» министра иностранных дел КНР проанализировал Ю. М. Галенович [14, 366–395], широкую печать этот анализ не заинтересовал.

Более того, в сентябре 2010 г. в ходе визита президента РФ Д. А. Медведева в Пекин в Совместном заявлении лидеров двух стран в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны [31] было зафиксировано, что «народы наших стран» приняли на себя «главный удар фашизма и милитаризма», «вынесли основную тяжесть сопротивления агрессорам и одержали победу», говорится о «взаимопомощи между нашими народами», о том, что «плечом к плечу сражались летчики двух стран» и «в советских войсках воевали представители Китая».

В ноябре 2010 г. в Москве прошла международная научная конференция «Роль СССР и Китая в достижении Победы во Второй мировой войне». На ее открытии Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в России Ли Хуэй заявил: «65 лет тому назад народы двух стран — Китая и Советского Союза — вместе с народами союзных стран в конце концов добились победы в мировой антифашистской войне, спасли человеческую цивилизацию, отстояли мир во всем мире». «Народы двух стран, — подчеркнул посол, — в ходе Второй мировой войны понесли самые огромные национальные потери. Они внесли огромный вклад в достижение победы во Второй мировой войне» [24, 5].

Еще одна особенность китайского подхода к оценке истории Второй мировой войны — принципиальное деление ее на два равноценных фронта в борьбе против фашизма: «главный восточный фронт» и «европейский театр войны». По выражению посла Ли Хуэя, «война китайского народа по сопротивлению японским захватчикам представляла собой главный восточный фронт мировой антифашистской войны... Китайский народ своим упорным сопротивлением разгромил японскую военщину в ее попытках добиться господства над Азией и внес большой вклад в достижение победы в мировой антифашистской войне. Советский Союз был главной силой на европейском театре войны, взяв на себя главную задачу — дать отпор германскому фашизму... Народы двух стран — Китая и Советского Союза — во Второй мировой войне от начала до конца сражались плечом к плечу, взаимно помогая друг другу» [Там же, 5–6].

К особенностям «китайского взгляда» на историю можно отнести и то, что в выступлениях китайских руководителей часто само наименование «Великая Отечественная война» опускается или заменяется более общим термином — «Вторая мировая война». В апреле 2012 г. находившийся с визитом в Москве вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян выступил в МГУ, где повторил, что «наши народы

плечом к плечу сражались с фашистскими агрессорами во Второй мировой войне», что «многие из российских ветеранов вместе с китайской армией и населением сражались против японских фашистов на Северо-Востоке Китая» [23]. А после этого на встрече с ветеранами Великой Отечественной на Поклонной горе, вручая им подарки — измеритель кровяного давления, чай, компьютер и китайскую водку, заявил: «Надеюсь, что в день 9 мая этой китайской водкой вы отметите нашу общую победу». Эта информация была опубликована на информационном портале <http://www.polpred.com/> в разделе «Обзор прессы» 3 мая 2012 г., потом материал был удален.

В Китае не могут не знать, что значила Великая Отечественная война советского народа для победы над нацизмом и японским милитаризмом. Для российского общества она является одной из опорных точек национального самосознания, ориентиром в отношении к себе и миру. Сегодня достаточно сил, пытающихся затушевать главную роль СССР и советского народа в обеспечении победы над нацизмом. Но у народов России и СНГ, вынесших на своих плечах основную тяжесть войны, согласно социологическим исследованиям, отмечается устойчивость исторической памяти. Исследования ВЦИОМ показали, что 90 % респондентов небезразличны событиям Великой Отечественной войны, 70 % молодежи до 25 лет и 82 % людей старше 50 лет отметили значимость этой войны для истории. То есть Великая Отечественная война сегодня выступает фактором единения моральных сил народа для создания позитивного и конструктивного сценария будущего развития [30, 271].

Справедливости ради необходимо отметить, что в КНР все же уловили восприятие их интерпретации Великой Отечественной войны российской научной общественностью и ветеранами. Если сравнивать выступление Ли Кэцяна 2012 г. со статьей Ян Цзэчи 2010 г., то мы увидим, что в части сотрудничества СССР и КНР в ходе войны Ли Кэцян в своей позиции счел необходимым придерживаться общепринятой точки зрения. В феврале 2013 г. китайская сторона поздравила Россию с 70-летием победы в Сталинградской битве [19], а в мае того же года в китайском Шэньяне прошла фотовыставка «Начало Великой Отечественной войны», организованная совместно РФ и КНР [20]. В 2014 г. в Москве на торжественном приеме по случаю 69-летия окончания Второй мировой войны посол КНР Ли Хуэй выразил «искреннюю благодарность присутствующим ветеранам и их родственникам за приложенные ими усилия и вклад в победу над Японией» и, отметив, что «китайская народная война против японских захватчиков является важной частью мировой антифашистской войны», признал, что «антияпонская война китайского народа получила огромную поддержку и помощь от советского народа» [4].

Вместе с тем в последние годы наметилась новая тенденция — попытки использовать историю Второй мировой войны и связей СССР и КНР как инструмент в современном противостоянии КНР и Японии. В частности, в 2013 г. на круглом столе [5] в Российском культурном центре в Пекине на повестку дня в том числе было вынесено обсуждение современной внешней политики Японии, и можно понять, что таким образом КНР через общественное мнение, гуманитарные связи

и историческую память пытается в некотором роде «подключить» своего стратегического партнера не столько к совершенно правомерному и обоснованному осуждению двусмысленного отношения современных японских политиков к милитаристскому прошлому Японии, сколько к важному для Китая перманентному давлению на нее как на соперника в распределении влияния в АТР. Во время празднования Россией 68-летия Победы в Великой Отечественной войне китайские СМИ широко распространили интервью с российским ветераном Великой Отечественной, которому была задана серия вопросов по военным преступлениям японских милитаристов в ходе войны, посещению современными японскими политиками храма Ясукуни, на территории которого в том числе осуществляется поминовение японских военных преступников, и, наконец, развернувшейся в Японии полемике об отказе от конституционного запрета на участие в войнах. Ветеран, разумеется, выразил возмущение действительно бесчеловечными военными преступлениями японцев и японским милитаризмом в целом, но на другие вопросы отвечал достаточно односложно. «Жэньминь жибао», публикуя его ответы, тем не менее отметила: «Звучащие сегодня в Японии призывы возродить военную мощь вызывают законную обеспокоенность международного сообщества» [25].

КНР часто проявляет болезненное внимание к взаимоотношениям современных России и Японии и безотносительно исторических событий. Так, китайские правительственные СМИ не скрывали своего недовольства первой в истории встречей министров обороны и иностранных дел РФ и Японии в 2013 г., на которой стороны в конструктивном формате обсуждали современные реалии безопасности в АТР, многосторонние проекты, борьбу с пиратством и т. д. [33]. А в 2014 г. китайской стороной широко обсуждались полеты российских бомбардировщиков в свете Курильской проблемы и агрессивной риторики японской стороны о санкциях в отношении РФ. Делался вывод: «чтобы избежать дипломатической изоляции, Синдзо Абэ надеется с помощью России поправить свое положение», но «Россия проводит военные мероприятия угрожающего характера против Японии» и «японо-российские отношения в ближайшее время не улучшатся, более того, будут находиться в застойном и тупиковом положении» [28]. Нет нужды уточнять, что такие оценки не идут на пользу ни России, ни Японии, ни стабильности в информационной среде в регионе, а ухудшение и без того не совсем безоблачных отношений России с Японией отвечает внешнеполитическим амбициям КНР.

Вернемся к теме нашего исследования китайских особенностей трактовки истории Второй мировой, Великой Отечественной и антияпонской войн и рассмотрим понимание этого вопроса внутри Китая. Для своего народа в КНР существует более четко разработанная и официально поддерживаемая версия, которая методично пропагандируется через литературу и СМИ. Также информационная политика КНР способствует распространению китайской трактовки истории прежде всего в Азии и, конечно, в мировом информационном пространстве в целом.

В ходе празднования 65-летия окончания Второй мировой войны международное издание газеты «Хуаньцю шибао» — «Global Times» — назвало «антияпонскую войну китайского народа» основным событием Второй мировой войны.

Отмечалось, что «победа Китая над Японией внесла огромный вклад в общую победу над фашизмом во Второй мировой войне, защиту мира во всем мире, прав человека и развития всего человечества» [41]. В другой статье говорится: «Победа Китая в антияпонской войне стала одним из величайших событий XX в. Она имела значение как для китайской нации, так и для прогресса всего человечества» [36]. О главной составляющей Второй мировой войны — Великой Отечественной, вкладе Красной армии в победу и в освобождение КНР упоминается походя, в связи с открывающейся в Шэньяне выставкой. Зато говорится о помощи американских войск, которые «вместе с китайскими войсками нанесли поражение японским захватчикам» в провинции Гуйчжоу [Там же].

В редакционной статье «Жэньминь жибао» 9 мая 2013 г. «В День Победы по-прежнему раздается сигнал тревоги» Советский Союз и Великая Отечественная война не упоминаются вообще, указывается лишь, что «Европа празднует День Победы» и что «68 лет назад на разных континентах... победу одержала справедливость» [3].

В конце августа — начале сентября 2014 г. «Global Times» вновь отметила годовщину окончания Второй мировой серией статей. В одной из них описывается участие китайских лидеров в торжествах по случаю годовщины «14-летней борьбы против японских захватчиков». О союзниках мельком и безлично говорится следующее: «Перед церемонией руководители КНР встретились с ветеранами, родственниками жертв войны и представителями иностранцев, погибших в войне и внесших вклад в победу» [40]. В другой публикации председатель КНР Си Цзиньпин призывает соотечественников к «усердной работе над воплощением мечты о создании мощных вооруженных сил, сильной и справедливой армии, которая могла бы защитить территориальные интересы страны» [42]. Отдельный материал посвящен проходившей в Военном музее в Пекине фотовыставке Национального архива США о сражениях в Китае и Бирме и жизненном пути китайских и американских ветеранов войны [44]. В материале, посвященном церемониям памяти жертв войны, вновь утверждается: «Китай внес огромный вклад в победу [в мировой войне] и потерял 35 миллионов человек. КПК играла значительную роль, особенно в двух операциях в 1945 г., в ходе которых было освобождено 17 млн человек и закреплен итоговый успех» [39]. Больше всего внимания в серии статей уделено современным трениям в отношениях КНР с Японией [37] и будущему современной Азии [43]. Активно продвигается мнение «одного британского эксперта», директора Центра Китая в Оксфордском университете Раны Миттер, об «очень значительной роли Китая во Второй мировой войне, недостаточно понимаемой Западом». Книга Р. Миттер «Забывтый союзник: Вторая мировая война Китая, 1937–1945» была высоко оценена бывшим госсекретарем США и одним из стратегов американской внешней политики Генри Киссинджером. В интервью китайским журналистам он заявил: «Более широкое признание роли Китая во Второй мировой войне очень важно для того, чтобы напомнить странам Запада, в том числе США и европейцам, что Китай действительно сыграл огромную роль в том, что мировая история сложилась именно таким образом» [38]. Советский Союз в данной статье упоминается лишь однажды (!) — во фразе

Генри Киссинджера о том, что «Китай завершил войну в числе держав-союзников вместе с Советским Союзом, США и Британской империей».

Один из ведущих китайских исследователей, участвовавших в упоминавшейся выше международной конференции о роли СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне, заместитель директора Китайского института международных исследований МИД КНР Го Сянган в своей статье «Китай и СССР спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу во Второй мировой войне» пишет: «Когда человечество оказалось в смертельной опасности, союзные страны во главе с СССР, Китаем, США и Англией вступили в смертный бой с фашистской Германией и Японией... При этом наибольший вклад внесли народы СССР и Китая. В этой войне они выступили сообща, помогали друг другу, сражались на самом переднем крае Второй мировой войны... Героические китайский и советский народы внесли огромный вклад в разгром жесточайшего в истории врага человечества» [15, 127, 132, 133]. Высказывается тезис: «Хотя Китай не посылал солдат для прямого участия в боях с германскими фашистами, однако своими громадными национальными жертвами внес непреходящий вклад в мировую войну против фашизма и разгром Германии Советским Союзом». Далее уточняется, что Китай «создал условия, позволившие СССР избежать войны на два фронта» [Там же, 132]. Это еще один важный тезис китайской стороны. Редактор журнала «Международные исследования» Китайского института международных исследований МИД КНР Ван Цзэшэн также считает, что именно Китай своими действиями «разбил планы стран оси Берлин — Токио» [9, 153]. Здесь не только упускаются усилия СССР по заключению с Японией в 1941 г. пакта о нейтралитете, ставшего большим успехом советской дипломатии, но об этом важнейшем документе не упоминается вовсе.

Подчеркивается тот факт, что «СССР потратил на разгром фашистской Германии 4 года и на последнем этапе принял участие в разгроме Японии. А Китай вел войну в 3 раза дольше СССР. То была затяжная война, длившаяся 14 долгих лет» [15, 131]. Нельзя не заметить, что причины того, почему сопротивление японским захватчикам настолько затянулось, лежали в том числе и во внутривосточной ситуации в Китае, а именно — в непрекращавшемся, затяжном, принципиальном и жестоком противостоянии КПК и Гоминьдана (это, в частности, признает, например, известный китайский русист Ван Лицзю из Института России Китайской академии современных международных исследований, замечая, что «из-за ошибочной политики не защиты страны от внешней агрессии, а сосредоточения на внутренних проблемах китайская армия не смогла оказать сопротивления японской агрессии» [8, 155]), и вопрос о том, какую гордость может вызывать этот факт, стоит оставить для толкования китайскому обществу и китайской исторической науке.

Похожее сравнение, кстати, приводит редактор журнала «Исследования китайского сопротивления в войне против Японии» Института современной истории КНР Жун Вэйму: «В любом случае, по сравнению с любой западной страной — участницей мировой войны, война Китая длилась по времени намного дольше», хотя также признает: с 1931 по 1937 г. «Китай находился в серьезной ситуации

раздробленности, гражданская война и раздробленность еще были основными факторами, влияющими на китайский социум». Жун Вэйму также делает акцент на количестве жертв, понесенных Китаем, — большем, чем у других стран — участниц войны. Наконец, он заключает: «Китай во время войны был крупнейшим из четырех государств, ведущих борьбу с фашизмом» [18, 143–145].

То есть «важнейший вклад» Китая в Победу над нацизмом и японским милитаризмом обуславливается длительностью войны на территории Китая, количеством убитых, замученных и умерших от голода и болезней и спорным утверждением о том, что Китай был крупнейшим государством из всех, кто «вел борьбу с фашизмом».

В вышедшей в 2011 г. двухтомной истории КПК («Чжунго гунчаньдан лиши, ди и цзюань. Бэйцзин, 2011), которую перевел на русский язык Ю. М. Галенович, повествование о роли Китая во Второй мировой войне начинается так: «Народ Китая прежде всех на Востоке поднял знамя борьбы против фашизма и, в свою очередь, побудил к развитию борьбы против фашизма народов всего мира» [13, 61]. Далее авторы пишут: «Коммунистическая партия Китая... ратовала за то, чтобы во всем мире все миролюбивые и выступающие против фашистской агрессии нации и государства сплачивались и создавали единый международный антифашистский фронт... В войне за оказание отпора Японии [китайские коммунисты] прежде всего объединились с СССР, одновременно также стремились заполучить на свою сторону Великобританию, США, а также все нации и государства в мире» [Там же, 63].

У российского читателя, да и у образованных граждан западных стран — участниц антигитлеровской коалиции, такой взгляд на роль Китая, «сплачивающего и создающего международный антифашистский фронт», породит немало вопросов, поскольку в любом учебнике истории можно прочесть о том, как «международный антифашистский фронт» создавался и какую роль сыграл в этом Советский Союз; существует множество публикаций, основанных на документах, на переписке И. В. Сталина с мировыми лидерами. Но «История КПК» рассчитана на воспитание и просвещение полуторамиллиардного населения КНР, на то, что ее будут использовать на уроках истории в школах и в вузах. Ю. М. Галенович дал большой комментарий к такому подходу к истории, и он должен быть чрезвычайно интересен всем в нашей стране хотя бы потому, что важно знать, как понимают участие нашей страны и нашего народа в смертельной схватке с фашизмом наши соседи и партнеры по стратегическому взаимодействию.

В «Чжунго гунчаньдан лиши» также делается акцент на опосредованную роль Китая в войне на западном фронте: «Советский Союз, США, Великобритания нуждались в том, чтобы Китай со всей твердостью вел войну за оказание отпора (Японии), чтобы гарантировать окончательную победу в войне против фашизма» [Там же, 72]. О Великой Отечественной войне советского народа в этом большом труде, отражающем официальную точку зрения, государственный взгляд на ход событий, говорится очень скупно: «На европейском театре военных действий армия СССР в феврале 1943 г. завершила Сталинградскую битву и добилась великой победы, в результате которой армия Германии понесла потери в 1,5 млн человек» [Там же, 74].

В публикациях внутри КНР вообще мало говорится о материальной помощи Советского Союза Китаю как с начала вторжения Японии, так и в 1941–1945 гг. Роль СССР, который сначала вел на своей земле борьбу не на жизнь, а на смерть, а потом освобождал Европу и, наконец, перебросил войска на Восток, сведена к тому, что Советская армия лишь ускорила уничтожение японских оккупантов, и при этом ей помогала армия Кореи. «9 августа 1945 года армия СССР с трех направлений... вошла на Северо-Восток Китая, повела массированное наступление против Квантунской армии Японии. Войска корейского народа, дававшие отпор Японии, осуществлявшие борьбу на протяжении длительного времени... в Корее и на Северо-Востоке Китая, также перешли в наступление. Японская армия под мощными ударами в ходе всестороннего контрнаступления армии и народа освобожденных районов Китая и армии СССР быстро развалилась». На самом же деле корейские части под руководством Ким Ир Сена находились при нашей армии, а не действовали самостоятельно [13, 79–80].

Оценка роли нашей страны в обеспечении победы во Второй мировой войне, разгроме японских милитаристов и освобождении Китая от оккупации в рассматриваемом историческом труде дана следующая: «Участие СССР в военных действиях против Японии, конечно же, явилось помощью Китаю в его войне за оказание отпора Японии, однако статьи Соглашения в Ялте... отражали эгоистические стратегические интересы США, СССР и прочих, нанесли вред суверенитету и интересам Китая» [Там же, 77–78]. И здесь мы также вспомним уже рассматривавшуюся выше редакционную статью «Жэньминь жибао» за 9 мая 2013 г.: критика и нивелирование роли Ялтинской конференции китайской стороной при отнесении к основам складывавшейся тогда системы международных отношений лишь «Потсдамской декларации» и «Каирской декларации» [3] — это еще одна особенность подхода КНР к рассматриваемому вопросу.

Наконец, Китай старается использовать свою интерпретацию истории Второй мировой войны в контексте «возрождения китайской нации» и «исторического счета» к Западу. По мнению Ван Цзэшэна, «поднявшаяся китайская нация заслужила уважение народов всего мира, правительства многих стран мира в новых условиях изменили свою политику в отношении Китая» [9, 152]. Как доказывает директор Центра европейских исследований Шанхайского института международных исследований Е Цзян, именно «Вторая мировая война способствовала укреплению народного согласия в Китае и заложила прочную основу великого возрождения китайской нации... Сплочение китайского народа стимулировало отмену неравноправных договоров, навязанных Китаю силой западными державами... китайский народ внес огромный вклад в окончательную победу человечества в мировой войне против фашизма... Героическая борьба китайского народа значительно повысила статус и значение Китая в мировом сообществе... Доблестное сопротивление китайцев и, как итог, безоговорочная победа заложили прочную основу для обретения Китаем статуса великой державы в установившейся послевоенной международной системе» [17, 139–141].

Как известно, к «империалистическим державам», оказывавшим «давление» на Китай, в современной КНР, опять же по-своему интерпретируя историю,

но уже более раннюю, относят и Россию. Порой это выражается в весьма странных формах, а в приводимом ниже примере имеет прямое отношение к исторической памяти о Второй мировой и антияпонской войнах. Осенью 2010 г. Д. А. Медведев во время своего визита в КНР принял участие в открытии мемориального комплекса на русском кладбище в Люйшуне (бывший Порт-Артур), на котором только с 1945 по 1955 г. было похоронено более 2000 советских военнослужащих [26, 4]. Сейчас это величественный мемориальный комплекс, памятник русской, советской воинской славы и совместной борьбы двух народов против японских милитаристов, однако история его создания была сложной. Впервые о создании подобного мемориала заговорили в 2004 г., когда Китай посетила делегация российского Министерства иностранных дел, Минобороны, Росархива и Росвоенцентра. Однако переговоры затянулись на несколько лет из-за «негативного отношения китайской стороны к Царской России» [11, 10]. Власти КНР не давали разрешения на реставрацию кладбища до 2008 г., в итоге компромисс был достигнут только тогда, когда РФ приняла условие неучастия в этом проекте российских государственных структур [26, 5].

Возвращаясь к особенностям трактовки истории Второй мировой войны Китаем, отметим, что если о роли и помощи СССР в антияпонской войне упоминается редко, то в то же время часто пишется о «новых» китайско-американском и китайско-британском договорах, которые «аннулировали неравноправные условия [деятельности] США и Великобритании в Китае» [17, 140]. О «тесном сотрудничестве» Китая с США пишет Ван Лицзю [8, 156]. Роль «антифашистских союзов с США и Великобританией» выделяет и Жун Вэйму [18, 144], добавляя, что «китайский народ... получал помощь от стран-союзниц в борьбе против фашизма», и отчасти противоречит самому себе: «До начала войны в Европе... Китай уже вел самостоятельную борьбу против японского фашизма. И во время этой войны никто, кроме Советского Союза, не оказывал Китаю помощь в ведении военных действий, и Китай в основном опирался на собственные силы». Отдельное внимание уделяется помощи американских ВВС и после беглого упоминания о 800 погибших советских летчиках-добровольцах сообщается, что «некоторые американские летчики также погибли в войне. Китайский народ и по сей день благодарит союзные государства за их помощь в войне». Китайские историки приводят данные о военной помощи СССР и сведения о военных действиях Красной армии против японских военных, однако в то же время отдельно подсчитывается финансовая помощь иностранных государств: «Во время всей антияпонской войны Китай получил от Советского Союза 250 млн долл., от США — 620 млн долл., также некоторую помощь Китаю оказала Великобритания». Далее, однако, скрупулезно высчитано, что «за всю Вторую мировую войну США финансово помогли всем остальным странам-участницам в размере 460 млрд долл., и 600 млн, выделенных из них Китаю, — это малая часть, всего 1/7». Также заявляется, что «в большинстве случаев государства, оказывавшие помощь Китаю, руководствовались исключительно своими собственными интересами» [Там же, 144–149].

Жун Вэйму заключает: «Важно отметить, что японо-китайская война была выиграна Китаем самостоятельно, несмотря на некоторую помощь

государств-союзников» [18, 145]. Ван Лицзю и вовсе поддерживает выдвинутую китайской наукой еще в 1985 г. на XVI съезде Исторического общества КНР точку зрения о том, что японская армия на момент вступления СССР в войну была уже «как израненный зверь», поскольку, «подвергаясь в течение 8 лет атакам китайских вооруженных сил, понесла большой урон». «В кругах советских и американских историков главной причиной японской капитуляции считались атомные бомбардировки и наступление Красной армии в Дунбэе, что является ошибочным мнением, так как не учитывались 8 лет антияпонской войны» [8, 157]. Мы можем только отметить, что за все 8 лет Китаю не удалось победить агрессора, и вспомнить о том, с каким ужасающим рвением японские милитаристы продолжали боевые действия против СССР и США: мало что могло вселить страх в подавляющее большинство зараженной отчаянными милитаристскими идеями японской военщины.

В Китае высказываются и самые разнообразные мнения о собственной помощи Советскому Союзу. Например, в 1938 и 1939 гг., по мнению китайских историков, «Китай оказал [СССР] помощь в вооруженных конфликтах на о. Хасан и р. Халхин-Гол» [Там же]. А в 1941 г. КПК «посылала разведывательные сообщения о планах Германии, но Сталин, как известно, сомневался в них» [Там же, 159]. Информация о «связывании» агрессии Японии сопротивлением Китая порой подается таким образом, что у читателя должно создаться впечатление, что Советский Союз как раз и был одним из тех государств, которые «руководствовались исключительно своими собственными интересами», иначе говоря, как будто бы «пользовались» Китаем и ситуацией в нем [Там же, 158].

Нам представляется важным отдельно проследить развитие Китаем в мировом информационном пространстве особенностей своей исторической линии в понимании хода Второй мировой войны и победы над фашизмом. Помимо уже упоминавшихся материалов приведем любопытную подборку публикаций «Жэньминь жибао» за период празднования в России и странах СНГ Дня Победы в 2013 г. [2, 6, 7, 16, 29, 32]. В материалах газеты о праздновании Дня Победы в Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Украине и соответственно в подаче материала газетой прослеживается следующая тенденция: КНР «делит» общую победу советского народа на части, принадлежащие отдельным этносам, выделяет их роль в Великой Отечественной и соответственно во Второй мировой войне, опуская и всячески затушевывая тот факт, что вся огромная страна в 1941 г. встала на защиту жизни, и все нации и республики являлись частью могучего многонационального народа, который благодаря своему единству, дружбе, взаимопомощи, мужеству и сплоченности победил в схватке с фашизмом. «Жэньминь жибао» — центральная китайская газета, доступная в Интернете на многих языках. Ее влияние в мире и в отдельных его регионах, как и влияние и присутствие других китайских СМИ, постоянно нарастает. Можно отметить, что подчеркивание подобной разобщенности постсоветского пространства и подобные «оценки» истории отнюдь не могут способствовать сохранению роли общего прошлого в сплочении, дружбе и совместном стратегическом сотрудничестве стран СНГ и формирующегося Евразийского союза на фоне конкуренции КНР с Россией за влияние в регионе.

Отчасти подобная позиция напоминает подход современного западного, и прежде всего американского, политического сообщества, выступающего за пересмотр роли стран-союзниц в победе во Второй мировой войне. В этом случае, кстати, порой дело доходит до абсурда. Так, например, посол США в Сербии осенью 2014 г. потребовал, чтобы на праздновании 70-летия освобождения Белграда присутствовали представители Украины только потому, что якобы в боях за освобождение столицы Югославии активно участвовала «Третья украинская армия». Посол был высмеян сербскими учеными и политиками, поскольку «армией» он назвал Третий украинский фронт, в историческом названии которого подразумевается «не этнический состав воинов, а географическое положение» [27].

Подведем итог. Интерпретация КНР истории Второй мировой войны и подход к оценке Великой Отечественной войны советского народа, а также роли СССР в разгроме японского милитаризма имеют ряд сложившихся и несколько тревожных особенностей, причем версии, представляемые Китаем, с одной стороны, политическому и научному сообществу своего стратегического партнера — РФ, а с другой стороны, своим гражданам и мировому сообществу, различаются. Само наличие такой двоякой трактовки истории Второй мировой войны в КНР требует внимания и изучения, а «экспорт» китайской версии истории в мировое информационное пространство, в том числе в страны бывшего СССР, на наш взгляд, может нести определенную угрозу интересам России. Оставив вопрос об исторической правде на суд историков, отметим: частое затушевывание или нивелирование роли и помощи Советского Союза Китаю в годы Второй мировой войны — наиболее опасная тенденция в данном контексте, особенно в социальном плане. Еще раз подчеркнем: на современном этапе, когда два государства строят свое стратегическое партнерство в многополярном мире и могли бы работать в направлении налаживания взаимовыгодного сотрудничества с крепкой социальной базой, общими историческими свершениями, подобные настроения в китайском обществе и научных, экспертных кругах вызывают определенную тревогу.

Тем более тревожно, что, официально выступая против фальсификации истории, китайское общество заговаривает о фактическом ее переписывании. «Необходимо составить единую историю Второй мировой войны силами международного сообщества историков... Необходимо давать справедливые оценки истории Второй мировой войны... Историки должны объективно оценивать роль Китая» [8, 159]. Кого в Китае хотели бы видеть в «международном сообществе историков»? И кто будет определять критерии «справедливости»?

Все, кто занимается Китаем, хорошо знают, как много пишут в этой стране о нашей истории, о распаде СССР, КПСС, как исследуются различные стороны жизни в России, психология и национальный характер. Представляется, что то же самое и в тех же масштабах должны делать и в России. По крайней мере, нужно доносить до нашего народа то, что о нем пишут и говорят в Китае по самым важным поводам. Но у нас практически отсутствует такого рода информация, мало переводов важнейшей научно-политической литературы и комментариев к ней. А если книги и выходят, то, из-за нехватки средств, — небольшими тиражами.

Хотелось бы, чтобы наше государство, для которого Китай является важнейшим стратегическим партнером, было заинтересовано в выявлении современных тенденций в исторической науке и россиеведении КНР не меньше, чем КНР, выделяющая гранты нашей синологической науке. Нужна именно государственная поддержка исследований и подготовки китаеведов.

Вопрос же о характере оценок величайших событий в истории XX в. и истории нашей страны, Второй мировой, Великой Отечественной войн, вновь становится актуальным и в преддверии памятной даты — 70-летия Победы над нацизмом, фашизмом и милитаризмом и учитывая кардинальные изменения в мировом порядке и нарастающую нестабильность в геополитическом окружении и отношениях России с некоторыми странами. Изучение этих оценок принципиально важно, поскольку необходимо иметь как можно более полное понимание отношения той или иной страны к ходу исторического процесса и важнейшим пластам истории нашей страны, исторической памяти ее народа, наконец, к справедливости и правде как историческим и нравственным категориям.

1. 65 лет Великой Победы: российско-китайский аспект // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение. 2010. № 2. С. 4.

2. В Азербайджане отметили День Победы над фашизмом // Жэньминь жибао. 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8239101.html> (дата обращения: 19.09.2014).

3. В День Победы по-прежнему раздается сигнал тревоги // Жэньминь жибао. 09.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8238312.html> (дата обращения: 19.09.2014).

4. В Москве состоялся торжественный прием для ветеранов Красной армии Советского Союза, воевавших в Китае в годы антияпонской войны // Жэньминь жибао. 04.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0904/c31519-8778583.html> (дата обращения: 19.09.2014).

5. В Пекине прошел круглый стол по случаю 68-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне // Жэньминь жибао. 09.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8238228.html> (дата обращения: 19.09.2014).

6. В преддверии Дня Победы президент Беларуси А. Лукашенко поздравил соотечественников и зарубежных лидеров // Жэньминь жибао. 09.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8238324.html> (дата обращения: 19.09.2014).

7. В Тбилиси отметили 68-ю годовщину Победы над фашизмом // Жэньминь жибао. 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8239293.html> (дата обращения: 19.09.2014).

8. Ван Лицзю. О правильном понимании антифашистского союза Китая и СССР и его исторического значения // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне : сб. материалов науч. конф. Ин-та Дальнего Востока РАН и Китайского ин-та международ. исслед. МИД КНР. М., 2012. С. 155–160.

9. Ван Цзэшиэн. О некоторых вопросах китайско-советских отношений дружбы и сотрудничества в годы Второй мировой войны // Роль СССР и Китая в достижении Победы во Второй мировой войне. С. 151–154.

10. Владимирова П. П. Особый район Китая, 1942–1945. М., 1973.

11. Возрождение. Восстановление русского кладбища в Люйшуне // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение. 2011. № 4. С. 10–11.

12. Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече с российскими ветеранами 9 мая 2010 г. (полный текст) : официальный сайт Генерального консульства КНР в Хабаровске. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwtd/t693510.htm> (дата обращения: 20.09.2014).
13. Галенович Ю. М. «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории коммунистической партии Китая». М., 2012.
14. Галенович Ю. М. Китайские интерпретации. М., 2011.
15. То Сянган. Китай и СССР спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу во Второй мировой войне // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 126–133.
16. День Победы в Казахстане // Жэньминь жибао. 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8239591.html> (дата обращения: 19.09.2014).
17. Е Цзян. Внутреннее положение в Китае в период Второй мировой войны // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 134–142.
18. Жун Вэйми. Роль и место китайского фронта в мировой антифашистской борьбе // Там же. С. 143–150.
19. Китайские ветераны собрались в Пекине поздравить Россию с 70-летием победы в Сталинградской битве // Жэньминь жибао. 26.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/8142983.html> (дата обращения: 08.10.2013).
20. Китайский и российский музеи совместно организуют выставку, посвященные 68-летию победы в антифашистской войне // Жэньминь жибао. 20.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian1.people.com.cn/31516/8291684.html> (дата обращения: 08.10.2013).
21. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М., 1999.
22. Ледовский А. М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946–1949. М., 2005.
23. Ли Кэцян. Мир превратился в Глобальную деревню // Российская газета. 2012. 2 мая.
24. Обращение Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в России Ли Хуэя к участникам научной конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне». 16 ноября 2010 г. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне.
25. Переписывать историю Второй мировой войны крайне опасно — ветеран войны Ю. Яснев // Жэньминь жибао. 09.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8237528.html> (дата обращения: 19.09.2014).
26. Порт-Артур. Визит Дмитрия Медведева в Люйшунь // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение. 2011. № 4. С. 4 – 9.
27. Посол США вызвал скандал в Белграде // Вести. 20.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1983871> (дата обращения: 20.09.2014).
28. Почему Япония бессильна перед давлением России? // Жэньминь жибао. 24.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8608402.html> (дата обращения: 19.09.2014).
29. Президент Кыргызстана принял ветеранов Великой Отечественной войны // Жэньминь жибао. 09.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8237603.html> (дата обращения: 19.09.2014).
30. Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М., 2012.
31. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны : официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757133.htm> (дата обращения: 23.12.2012).
32. Украина отмечает 68-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне // Жэньминь жибао. 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8238973.html> (дата обращения: 19.09.2014).

33. Усилия Японии сдержать Китай путем сотрудничества с Россией являются напрасными // Жэньминь жибао. 04.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8445710.html> (дата обращения: 10.08.2014).

34. Ян Чуан, Гао Фэй, Фэн Юйцзюнь. Бай нянь чжун э гуаньси: (Сто лет отношений Китая и России). Бэйцзин, 2006.

35. Ян Цзечи. Помнить историю, дорожить миром // Российская газета. 2010. 24 сент.

36. China marks 65th anniversary of victory against Japanese invasion // Global Times. 2010. Sept. 4th [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/570123.shtml> (accessed: 21.02.2013).

37. China's grand anti-Japanese war commemoration alarms world of right-tilting Tokyo // Global Times. 2014. Sept. 3rd [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879752.shtml> (accessed: 05.10.2014).

38. China's role in WWII victory against Japan forgotten by West: British scholar // Global Times. 2014. Sept. 2nd [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879514.shtml> (accessed: 05.10.2014).

39. China to mark day of victory // Global Times. 2014. Sept. 3rd [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879683.shtml> (accessed: 05.10.2014).

40. Chinese leaders mark anti-Japanese war victory day // Global Times. 2014. Sept. 3rd [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879732.shtml> (accessed: 05.10.2014).

41. Chinese nationals in Austria mark anniversary of V-day of anti-Japanese war // Global Times. 2010. Sept. 4th [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/570194.shtml> (accessed: 21.02.2013).

42. PLA newspaper pledges stronger army on victory anniversary // Global Times. 2014. Sept. 3rd [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879767.shtml> (accessed: 05.10.2014).

43. Time to take up unfinished business of 1945 // Global Times. 2014. Aug. 31st [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/879155.shtml> (accessed: 05.10.2014).

44. War against Time // Global Times. 2014. Sept. 4th [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/880039.shtml> (accessed: 05.10.2014).

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2014 г.

УДК 316.774:351.746(5) + 327.2:004.77(7)

Г. Н. Валиахметова

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИИ

Статья посвящена анализу проблем, связанных с обеспечением информационной и кибербезопасности в странах Азии. В цифровую эпоху геополитическое пространство Азии становится полем масштабного информационного противостояния и кибервойн между США и новыми азиатскими центрами глобального влияния. Ведущие державы Азии активно включаются в процесс формирования международного режима информационной защищенности. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода. Автор провел сравнительный анализ позиций российских и зарубежных экспертных сообществ в области востоковедения, информационных технологий, международных отношений и безопасности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Азия, Китай, Ближний Восток, США, информационная безопасность, кибербезопасность, угрозы, информационная война, управление Интернетом.

Стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ) создает множество проблем в сфере международной и национальной безопасности. Информационное противостояние становится важной компонентой мировой политики. В процесс трансформации системы международных отношений и формирования новой безопасной среды обитания все более активно включаются азиатские государства и, несмотря на издержки «догоняющего» развития, образуют новые глобальные центры силы, способные бросить вызов США, в том числе в области глобального информационного превосходства. Соответственно геополитическое пространство Азии, сохраняя статус одного из главных мировых очагов международных и этноконфессиональных конфликтов, становится полем масштабных информационных столкновений.

Проблемы информационной безопасности появились в международно-политической и академической повестке дня после окончания холодной войны в результате изменения геополитической ситуации и информационной революции. Первоначально термин «информационная безопасность» использовался для обозначения проблем, порождаемых компьютерными сетями. Впоследствии он приобрел более широкий смысл, выходящий за рамки исключительно технологической сферы. На сегодняшний день единый понятийный аппарат в области международной информационной безопасности пока не выработан в связи с расхождениями в подходах государств к определению угроз в сфере ИКТ, подлежащих урегулированию на международном уровне.

Западный (США и страны ЕС) подход фактически сводит вопросы информационной безопасности к техническим проблемам контроля и соблюдения законности и правопорядка в телекоммуникационной сфере (защита от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, компьютерных вирусов и вредоносных программ и т. п.). Однако преимущественное использование приставки «кибер» выносит за скобки, например, проблемы призыва к терроризму и экстремизму в содержании контента. Исследователи

и дипломаты России и стран Азии придерживаются расширительного подхода, разделяя информационную безопасность в соответствии с видами угроз на информационно-техническую (кибербезопасность) и информационно-социальную. Например, противодействие распространению идеологии терроризма через Интернет не входит в угрозы технического характера, но включено в понятие информационно-социальной безопасности, которая предполагает защиту психологического состояния общества и государства от негативного информационного воздействия. Российский подход к рассмотрению проблем международной информационной безопасности в контексте так называемой триады угроз (террористической, военной и криминальной) во многом перекликается с позицией экспертов ООН, которые выделяют три вида угроз: киберпреступность, кибертерроризм и использование информационного пространства в военно-политических целях [4; 6, 218; 9, 196–201].

В мировом экспертном сообществе нет единства и в вопросе об определении термина «информационная война», под которой в целом понимается стратегическое межгосударственное противоборство в информационном пространстве в форме борьбы с системами управления противника, а также в форме информационно-разведывательной, электронной, хакерской, кибернетической, экономической и психологической войны [5, 41–43; 17].

Американские эксперты выделяют два типа стратегических информационных войн — первого и второго поколения. Война первого поколения (по сути кибервойна) понимается как комплексное информационное воздействие на систему государственного и военного управления противника с одновременным обеспечением надежной защитой собственной национальной информационной инфраструктуры. Инструментом ведения такой войны является кибероружие — совокупность новейших ИКТ и средств, которые позволяют получить несанкционированный доступ к информации и целенаправленно ее видоизменять (искажать, блокировать, копировать, уничтожать), преодолевать системы защиты, ограничивать допуск законных пользователей, осуществлять дезинформацию, нарушать функционирование носителей информации, технических средств, компьютерных систем и информационно-коммуникационных сетей. Как и ядерное, информационное оружие может служить и для политического давления, и для сдерживания, обеспечивая политическое и военно-стратегическое преимущество над государствами, у которых его нет. На 2005 г. разработками в области информационного оружия занимались более 120 стран [5, 41–43; 6, 218–219; 17].

По мнению Вашингтона, наибольшую опасность для национального информационного пространства и информационной инфраструктуры США представляет Китай, который, по оценкам большинства экспертов мира, с внушительным отрывом лидирует в списке стран, осуществляющих хакерские атаки, кибершпионаж и распространение вредоносных программ [7, 169; 12]. Так, беспрецедентное по масштабам каскадное отключение электроэнергии на северо-западе США в 2003 г., в результате которого пострадали около 50 млн человек в штатах Огайо, Нью-Йорк, Мичиган, а также в некоторых штатах Канады, было вызвано хакерской атакой. Спецслужбы США уверены, что за этой акцией стоял Пекин,

испытывавший возможности своих киберподразделений, специализирующихся на кибервойнах и способных при необходимости вывести из строя большинство объектов информационной инфраструктуры США. Другим примером может служить крупный скандал 2009 г., разгоревшийся после взлома китайскими хакерами учетных записей сотен пользователей, в том числе высокопоставленных американских чиновников, почтового сервиса Gmail компании Google [7, 169, 176; 13].

Объектами кибершпионажа и хакерских атак с территории КНР становятся не только оппоненты Пекина на Западе, но и страны-конкуренты по восточно-азиатскому региону, причем зачастую инициатива исходит от негосударственных акторов. Именно они сыграли ключевую роль в организации первой кибервойны против Индонезии в 1997–1998 гг. Поводом послужили антикитайские погромы, вспыхнувшие в связи с тем, что после азиатского финансово-экономического кризиса проживающие в Индонезии выходцы из Китая (хуацяо) практически полностью взяли под свой контроль распределение продовольствия на большей части страны. Джакарта обвинила власти КНР в организации кибератак на индонезийские правительственные сайты, их пик пришелся на национальный праздник Индонезии — День независимости (17 августа) [7, 177]. Примечательно, что сама Индонезия прочно занимает второе после Китая место в мире по числу проведенных с ее территории кибератак. В первой десятке подобных стран также фигурируют такие азиатские государства, как Турция, Индия и Тайвань [12].

Следует отметить, что сам Китай весьма скромно оценивает собственные достижения в киберпространстве, подчеркивая, что кибербезопасность страны значительно уступает информационной защищенности ведущих мировых держав. Действительно, в мировом Индексе кибермогущества 2010–2011 гг. Китай занял лишь 13-е место, а в рейтинге стран с наиболее развитым сектором ИКТ — лишь 36-е [7, 169]. Слабым звеном киберстратегии КНР является неспособность самостоятельно создавать новые технологии, а традиционная для Китая практика копирования и доработки иностранных технологий, по сути, удерживает страну в рамках «догоняющей» модели развития. Поэтому в последнее десятилетие приоритетным направлением инновационного развития КНР стала реализация собственных проектов в области ИКТ, а собственные китайские разработки благодаря своей относительной дешевизне уверенно завоевывают мировой рынок, что позволяет экспертам говорить о высоком потенциале Китая в сфере проведения операций в киберпространстве [7, 169–170; 13]. Именно по этой причине Вашингтон считает постоянный рост импорта китайских микросхем в США серьезной угрозой национальной безопасности и стремится ужесточить контроль над поставками высокотехнологичной продукции из-за рубежа, в первую очередь из Китая [5, 53; 13].

Кибервойны стали актуальны и для Ближнего Востока. Летом 2010 г. был обнаружен компьютерный вирус Stuxnet, который вывел из строя около 1 тыс. центрифуг на заводе по обогащению урана в Натанзе (Иран). К концу 2010 г. в мире насчитывалось уже порядка 100 тыс. компьютеров, зараженных этим вирусом, причем в основном в странах Азии — Иране (58,3%), Индонезии (17,8%) и Индии (10%), а также в Пакистане и на Филиппинах [11, 234]. Stuxnet — это

кибероружие, имеющее колоссальную разрушительную мощь, теоретически сравнимую с оружием массового уничтожения. Некоторые эксперты сравнивают произведенный Stuxnet эффект с атакой на Перл-Харбор и первыми ядерными взрывами в Хиросиме и Нагасаки. Вместе с тем на сегодняшний день вопрос о том, кем и для каких целей он был создан, так и остается открытым. Теоретически мотивы и возможности для создания подобного вируса имели не только государственные акторы (в числе потенциальных заказчиков упоминаются США, Израиль и даже Китай), но и частные компании (в первую очередь конкуренты Siemens в сфере поставок программного оборудования для систем управления на АЭС и крупных добывающих производств в Азии), а также неправительственные организации (в частности, экологическая «Гринпис»). Иными словами, в мировом экспертном сообществе нет единого мнения по вопросу о том, была ли кибератака Stuxnet частью кибервойны, кибертерроризма, киберпреступности или кибервандализма. Вместе с тем обнаружение вируса Stuxnet вызвало серьезную озабоченность мирового сообщества возможностью повторения подобных инцидентов на других ядерных и крупных промышленных объектах мира и поставило в международную повестку дня вопрос их киберзащиты [10; 11, 233–239].

В мае 2012 г. Иран снова стал объектом кибератаки, предположительно со стороны разведывательных структур США и Израиля, которым эксперты приписывают авторство в создании сложной вредоносной программы Flame. Предполагается, что вирус был нацелен на похищение промышленной информации с правительственных компьютеров в Иране и ряде других ближневосточных стран [1].

Информационная война второго поколения — это манипулирование общественным сознанием и дестабилизация отношений между политическими движениями в целях провокации конфликтов на социальной, политической, национальной и религиозной почве; инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций социально-экономического протеста для формирования политической напряженности и хаоса; дискредитация органов государственного управления в глазах населения; подрыв международного авторитета государства-оппонента и его сотрудничества с другими странами; нанесение ущерба его жизненно важным интересам в различных сферах. Основным инструментарием ведения подобных операций являются национальные и транснациональные средства массовой информации, а также глобальные информационно-коммуникационные сети, посредством которых можно влиять на мировоззрение, политические взгляды, правосознание, менталитет и ценностные установки отдельной личности и общества в целом. Одна из форм ведения информационных войн второго поколения — «культурная экспансия» под лозунгом распространения «западных демократических ценностей», направленная на подрыв гражданского духа, размывание национального суверенитета, культурной и цивилизационной идентичности государств-оппонентов [5, 41–50; 17].

В 2010–2011 гг. Вашингтон озвучил основные направления цифровой дипломатии и стратегии США в глобальном информационном пространстве. В числе обозначенных Белым домом задач значатся дискредитация идеологических

противников США, а также противодействие информационной и внешней культурной политике Китая и Ирана, осуществляемой через Интернет и социальные сети. Приоритетному финансированию подлежат проекты, нацеленные на создание и распространение новых технологий, которые позволят обходить цензуру в сети, а также поддерживать местную оппозицию путем развертывания на территории третьих стран систем теневого Интернета и независимой мобильной связи [6, 214–215; 14, 15, 18, 19].

Посредством информационных ресурсов Западу неоднократно удавалось сформировать образ КНР как автократии, где права человека жестко ограничиваются (события на площади Тяньаньмэнь 1989 г., в Тибете 2008 г., в Синьцзян-Уйгурском автономном районе 2009 г.). Также показательным стал инцидент с Google, когда весной 2010 г. интернет-поисковик в нарушение своих обязательств перед Пекином отказался фильтровать в сети запросы китайских пользователей, как это предусмотрено законодательством КНР в целях недопущения распространения информации, способной дискредитировать власть. В поддержку Google выступил Белый дом, обвинив Китай в отсутствии демократии и нарушении свободы слова, что осложнило и без того непростые отношения между двумя державами. Политическая подоплека скандала позволила США обрести мощные инструменты сдерживания китайского экспорта (в первую очередь ИКТ) на мировые рынки, а корпорация Google приобрела внушительный административный ресурс в Вашингтоне [7, 175]. Со своей стороны Китай также широко использует возможности ИКТ для формирования позитивного имиджа страны на международной арене [3; 7, 178–180].

Полем масштабного информационного противостояния стал арабский мир в период «арабской весны» 2010–2012 гг. В американских и подконтрольных местной оппозиции СМИ там была развернута скоординированная пропагандистская кампания с беспрецедентной критикой «обанкротившихся режимов», зачастую нацеленная на их «обезглавливание» путем моральной и политической дискредитации лидера в глазах местного населения и мирового сообщества (наиболее показательны примеры М. Каддафи в Ливии и Б. Асада в Сирии). Одновременно местному населению настойчиво внушалась мысль о «неизбежности перемен» и готовности Вашингтона оказать финансовую и моральную поддержку «идушим по пути демократии» оппозиционным силам. Особую роль сыграли мировые «независимые» (по сути, подконтрольные США) спутниковые и радиовещательные каналы. Их монополия на освещение событий в регионе в сочетании с информационной блокадой противника обеспечила протестному движению абсолютное информационное превосходство [5, 49–50]. По иронии судьбы в этой информационной войне на стороне США выступил арабский телеканал «Аль-Джазира», который Белый дом традиционно обвинял в разжигании антиамериканских настроений на Ближнем Востоке и тенденциозной подаче материалов по Афганистану, Ираку и Палестине. Ряд экспертов полагает, что позиция «Аль-Джазиря» в период «арабской весны» была обусловлена некой политической подоплекой, в частности непомерно возросшими региональными амбициями Катара [8].

«Арабское пробуждение» на Ближнем Востоке и в Северной Африке также актуализировало вопрос об эффективности использования потенциала социальных сетей в современных информационных войнах. Для описания и анализа событий «арабской весны» первоначально использовались такие термины, как «твиттер-революции» и «движение “фэйсбукской” молодежи». Многие обозреватели интерпретировали происходившие события в духе конспирологических версий, как происки Запада, поддерживающего антиправительственные выступления с целью закрепиться в геополитически важном регионе мира. Вместе с тем взгляд на социальные сетевые сервисы как на основную движущую силу арабских революций и версии о наличии в «арабской весне» элемента управления и координации ее событий из Вашингтона не выдержали серьезной критики со стороны ведущих специалистов мирового востоковедческого и айтишного сообщества, в том числе американского. По сути, речь идет о значимом, но не первостепенном или определяющем влиянии социальных медиа на организацию массовых протестов на Арабском Востоке. Вместе с тем эксперты признают, что кибертехнологии могут оказывать деструктивное влияние на международную безопасность в случае их ориентации на подрыв режимов в авторитарных странах, шпионаж и разведку в рамках соответствующего политического курса заинтересованных региональных и внерегиональных игроков [2, 67–74, 83; 6, 216–217]. Глобальная сеть, кроме того, может не только выступать в качестве эффективного инструмента демократизации, но и способствовать усилению авторитарных тенденций, ограничивающих свободу граждан, поскольку сервисы Web 2.0 предоставляют новые возможности не только прозападно ориентированным группам, но и радикально-экстремистским организациям, о чем свидетельствует, в частности, появление в Интернете многочисленных сайтов исламистских радикальных организаций, призывающих к участию в так называемом всемирном джихаде.

Наглядным примером информационных войн второго поколения также могут служить иракский кризис 2003 г., ливийская кампания 2011 г., кризис вокруг ядерных программ Ирана и КНДР, текущий сирийский кризис, многолетнее информационное противостояние по линии Запад — исламский мир и т. д.

Вашингтон отводит Интернету роль мощного стратегического оружия и в вопросах контроля над ним своими главными соперниками считает Китай и Россию. По мнению американских экспертов, эти две страны могут пойти по пути фрагментации глобального информационного пространства, что очевидно противоречит интересам США в области национальной безопасности [9, 186–200; 16]. Неприятие Китаем существующего международного режима управления Интернетом обусловлено тем, что основные функции по присвоению имен и адресов закреплены за подотчетной США Корпорацией по распределению имен и адресов (ICANN). Китайская критика в отношении ICANN особенно усилилась после выдачи домена .tw Тайваню, который рассматривается Пекином как составная часть КНР. Пекин призывает распустить действующую, по его мнению, в американских интересах корпорацию и сформировать под эгидой ООН подлинно международную организацию для управления Интернетом. В отсутствие таковой Китай предлагает создать альтернативные системы доменных имен — DNS-расширения

для автономного Интернета, функционирующего в рамках одной страны, что позволит усилить контроль государств над местными сегментами глобальной сети и механизмами глобального управления Интернетом. Международными площадками, где КНР и Россия ставят на обсуждение подобные проблемы, являются Генеральная Ассамблея ООН и саммиты ШОС [3; 7, 177–178; 16].

Горячие дискуссии на данную тему в новом ключе поставили вопрос о соблюдении принципа суверенитета государства в эпоху ИКТ. С одной стороны, международное право признает недопустимым вмешательство во внутренние дела любой страны. Поэтому никто не оспаривает легитимность действий государств, которые из опасений вмешательства в свои внутренние дела со стороны определенных стран или международных организаций, в том числе под предлогами гуманитарного характера, накладывают определенные ограничения на доступ в Интернет и распространение информации в Сети в пределах своей территории. Примечательно, что регулярные попытки заблокировать доступ к сервисам Facebook, YouTube, Blogspot имеют место не только в странах преимущественно авторитарного типа (Китай, Вьетнам, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Пакистан, Мьянма, Северная Корея), но и в таких демократических государствах, как Сингапур [6, 220–221; 9, 204; 16]. Оставаясь в рамках действующего международно-правового поля, крупные интернет-корпорации (Google, Yahoo! и др.) сотрудничают с авторитарными режимами, предоставляя местным властям конфиденциальную информацию о своих пользователях и блокируя определенные типы поисковых запросов [3; 6, 219]. Примером масштабного целенаправленного отключения Интернета на территории суверенного государства стал Египет, где весной 2011 г. по настоятельной просьбе правительства компании отключили доступ к глобальной сети с мобильных устройств [9, 203–205].

С другой стороны, в подобной ситуации возникает опасность распада глобального информационного пространства на несколько самостоятельных систем. Вопрос об обоснованности подобных опасений остается открытым, поскольку, например, Пекину удастся контролировать содержание масштабного китайского сегмента глобальной сети (цензура контента, фильтрация трафика, блокирование иностранных социальных веб-сервисов Facebook, Twitter, Livejournal и т. д.), придерживаясь при этом открытой модели развития. На сегодняшний день Китай стабильно удерживает первое место в мире по общему числу и темпам роста интернет-пользователей [3; 7, 178–180].

Очевидно, что в условиях глобализации и динамичного развития ИКТ ни одно государство не может в одиночку обеспечить безопасность национального информационного пространства, однако механизмы предотвращения и парирования подобных угроз пока находятся на начальной стадии формирования. Государства Азии активно включаются в процесс строительства здания международного режима информационной безопасности. Их разногласия с Западом в этой сфере обусловлены разными доктринальными и правовыми подходами, а также логикой развития современного мирового политического процесса, характерной чертой которого является соперничество за глобальное и региональное лидерство, неизбежное в условиях незавершенности трансформации системы международных

отношений. Сегодня оппоненты уже готовы сотрудничать в таких сферах, как противодействие терроризму и преступной деятельности в Интернете, а также в решении проблем, связанных с мошенничеством с кредитными картами, детской порнографией, пропагандой насилия и нездорового образа жизни и т. д. Вместе с тем следует признать, что информационное противостояние на геополитическом пространстве Азии усиливает асимметричную составляющую современных конфликтов и способствует росту международной напряженности.

1. Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000–2014 гг. // РИА Новости. 14.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (дата обращения: 06.09.2014).
2. Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 65–86.
3. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/009.htm> (дата обращения: 25.08.2014).
4. Карасев П. А. Обеспечение международной информационной безопасности // Политические и военно-экономические аспекты обеспечения международной и региональной безопасности. М., 2012. С. 56–61.
5. Корсаков Г. Информационное оружие супердержавы // Пути к миру и безопасности. Вып. 1 (42). М., 2012. С. 34–59.
6. Зиновьева Е. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 213–229.
7. Ибрагимова Г. Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Там же. С. 169–184.
8. Лажми Н. «Аль-Джазира», или Протестная журналистика // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012. С. 108–116.
9. Международная информационная безопасность и глобальное управление Интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов: материалы круглого стола // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 185–206.
10. Пискунова Н. Кибербезопасность и атомная энергетика: все еще предстоит // Там же. 2014. № 1 (108). С. 213–218.
11. Симоненко М. Stuxnet и ядерное обогащение режима международной информационной безопасности // Там же. 2013. № 1 (104). С. 233–248.
12. Страны, из которых чаще всего совершаются хакерские атаки // Rate I. 17.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rate1.com.ua/ehkonomika/tehnologii/2708/> (дата обращения: 06.09.2014).
13. Юрченко Г. Киберборьба по взглядам руководства Китая // Военно-политическое обозрение. 18.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belpo.com/ru/13593.html> (дата обращения: 25.08.2014).
14. Informational Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. Washington, Washington D.C.: The White House, May 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/International_Strategy_Cyberspace_Factsheet.pdf (дата обращения: 06.09.2014).
15. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. U. S. Department of State. 2010, Sept. 1 [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (дата обращения: 06.09.2014).
16. Knake R. Internet Governance in an Age of Cyber Insecurity. N. Y.: Council on Foreign Relations, 2010.

17. *Libicki M.* Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica (Calif.): RAND, 2009 [Electronic resource]. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG877.pdf (дата обращения: 6.09.2014).

18. Public Diplomacy: Strengthening U. S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.carlisle.army.mil/DIME/documents/Public%20Diplomacy%20US%20World%20Engagement.pdf> (дата обращения: 6.09.2014).

19. *Rid Th., Hecker M.* War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age. Westport (Calif.): Praeger, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.

УДК 341 + 316.4.063:339.742(7/8=134)

Ю. С. Безбородов
О. В. Сухова

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В работе анализируются международно-правовые аспекты интеграционных процессов, причем акцент делается на двух различных сторонах интеграции — глобализации и регионализации. Интеграция рассматривается авторами с двух точек зрения — как процесс и как результат. При этом результат интеграции выражается как определенное пространство, территория, на которой протекают интеграционные процессы, и как институциональная система, созданная для управления интеграционными процессами. Авторы указывают на объективный характер тенденции к валютной интеграции государств на примере снижения количества валют в мире. В работе анализируются процессы валютной интеграции Латиноамериканского региона.

Ключевые слова: интеграция, Латинская Америка, международное право, валютная интеграция.

Южная Америка является интересным регионом для изучения международно-правовых аспектов региональных интеграционных процессов. Именно в Южной Америке отчетливо проявляются как интеграционные, так и дезинтеграционные начала (или — на несколько иных уровнях — глобализм и регионализм) в отношениях между государствами этого региона. К способствующим интеграционным процессам характеристикам региона можно отнести относительную изолированность государств от других центров; культурную, историческую, экономическую и правовую общность государств; схожие географические характеристики — такие как наличие выхода к морю, и т. п. К дезинтегрирующим качествам региона можно отнести различия в политическом строе государств региона; орографическую неоднородность региона, заключающуюся в резко различающихся характеристиках рельефа (горы и равнины, например), отказ южноамериканских стран поддерживать НАФТА (хотя этот факт одновременно является интегрирующим фактором, но на региональном уровне) и др.

Действительно, глобализация и регионализация ведут всю систему к новому облику и требуют все новых и новых средств международно-правового регулирования [1, 161]. При этом международно-правовое регулирование валютных отношений наиболее часто производится посредством неправовых норм, в том числе мягкого права, а также методов транснационального и наднационального регулирования.

Региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира. Ее общая цель — создание максимально успешной страты, т. е. укрепление позиций объединения в сферах, наиболее важных для данного этапа глобализации. Задача каждой отдельно взятой страны — обеспечить себе максимально благоприятное и последовательное эволюционное развитие. Интеграция позволяет максимально использовать преимущества глобализации, одновременно ограничивая ее негативное воздействие [2, 18]. Таким образом, государства, выбирая путь региональной интеграции в валютной сфере, стремятся найти наиболее эффективное решение проблем со статусом национальной и иностранных валют, обменом одной валюты на другую, правилами функционирования национальных региональных и глобального валютных рынков. В связи с этим С. Ю. Кашкин отмечает, что сегодня международная интеграция может рассматриваться не только как объективный и, в известной мере, спонтанный процесс объединения стран и народов благодаря расширению международных связей, все большей интернационализации общественной жизни — международная интеграция в широком смысле, но и как сознательная целенаправленная совместная деятельность государств, которая служит преодолению их взаимной обособленности, — международная интеграция в узком смысле [3, 29].

Латинская Америка является примером региона, в котором тенденции интеграции в узком смысле этого понятия очень сильны. Сочетание двух начал — интеграционных и дезинтеграционных, глобализма и регионализма — в процессе сотрудничества государств в южноамериканском регионе привели в конечном итоге к созданию двух крупных межгосударственных интеграционных образований: МЕРКОСУР и Андское сообщество. Однако в международно-правовом аспекте интеграционные процессы в Южной Америке и Латинскоамериканском регионе имеют непростую судьбу и довольно сложную организационную структуру.

Идеи единства Латинской Америки были выдвинуты еще в начале XIX в. Симоном Боливаром, который считал, что именно единство народов региона есть путь к истинной независимости. Идеи Боливара популярны в данном регионе и сегодня. На современном этапе развития оптимальным является единство государств на региональном уровне, стремление к которому выразилось в создании нескольких региональных объединений.

В XX в. начинается процесс институционализации латиноамериканского региона как единого поля интересов входящих в него стран. В практике международных отношений можно выделить следующие виды интеграции: социальную, экономическую и политическую. Процессы объединения и сотрудничества в данных сферах теоретически должны осуществляться одновременно, но

в действительности ключ к развитию политической и социальной интеграции лежит в экономической сфере [4, 127]. И хотя на данный момент ни одно из объединений стран Латинской Америки не дошло по пути интеграции до стадии валютного союза и введения единой для всех валюты по аналогии с Европейским союзом, определенные шаги в указанном направлении предпринимаются постоянно.

Объединение денежных систем стран Латинской Америки началось с момента создания *Центральноамериканского общего рынка* (ЦАОР) на основе договора, подписанного Гватемалой, Гондурасом, Коста-Рикой, Никарагуа и Сальвадором в 1960 г. в г. Манагуа и вступившего в силу в 1961 г. Цель ЦАОР — ускорение экономического развития стран региона путем объединения их материальных и финансовых ресурсов, координации экономической политики, индустриализации, устранения торговых, таможенных и валютных ограничений и создания общего рынка.

Руководящие органы ЦАОР: Центральноамериканский экономический совет в составе министров экономики стран-участниц (разрабатывает общую интеграционную политику), Исполнительный комитет, состоящий из президентов стран-членов (выполняет административные функции) и Постоянный секретариат, осуществляющий текущую работу. Для финансирования интеграции в 1960 г. создан Центральноамериканский банк экономической интеграции, в 1961 г. — Центральноамериканская расчетная (клиринговая) палата (через нее проходит 70 % зонального импорта), в 1965 г. — Центральноамериканский фонд валютной стабилизации.

В конце 60-х гг. ЦАОР вступил в полосу кризиса. Наличие правоавторитарных режимов, резко усилившееся иностранное проникновение, архаичная система землевладения и другие проблемы не позволили объединению достичь целей, намеченных на первое десятилетие. Л. В. Шкваря указывает, что провал интеграционных проектов конца 60-х гг. XX в. в Латинской Америке объясняется преобладанием формальной интеграции над реальной. Ставились амбициозные задачи, а механизмы интеграции были недостаточно гибкими, что нередко вело к провалу планов, разочарованиям и пессимизму участников интеграционных проектов [5, 145].

Победа революции в Никарагуа в 1979 г. еще больше осложнила интеграционные процессы. Объективная потребность экономического сотрудничества привела к возобновлению с 1980 г. интеграционных переговоров. С 1985 г. проводились переговоры о продолжении сотрудничества в целях создания общего рынка, о возобновлении деятельности Центральноамериканского экономического совета и Исполнительного комитета ЦАОР, о преодолении кризиса платежеспособности; было подписано соглашение о сотрудничестве с Латиноамериканской ассоциацией интеграции (ЛААИ). В 1986 г. принято решение о создании Центральноамериканского парламента и введена единая расчетная единица — дика [6].

Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛААИ) была преобразована из Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ) на основании «Договора Монтевидео» (1980). Членами ЛААИ являются Аргентина, Боливия,

Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили и Эквадор, наблюдателями — Португалия (с 1984 г.) и Куба (с 1986 г.). В рамках ассоциации действуют две субрегиональные группировки — Ла-Платская и Андская. Высшим органом ЛААИ является ежегодная встреча на высшем уровне, исполнительный орган — Постоянный исполнительный комитет. Политические органы ЛААИ — Совет министров иностранных дел, Конференция по оценке состояния региональной интеграции и унификации субрегиональных процессов, идущих под эгидой Ассоциации, и Комитет представителей.

Цель ассоциации — содействие процессам субрегиональной экономической интеграции в Латинской Америке через выработку ее общих правовых принципов и норм.

После обретения независимости рядом стран Латинской Америки сближение в валютной сфере продолжилось. Одиннадцатью странами Латинской Америки был сформирован Механизм компенсации сальдо и взаимного кредитования Латиноамериканской ассоциации интеграции. В рамках работы данного института стало возможным сокращение на 80 % объемов использования конвертируемой валюты при осуществлении платежей во взаимных расчетах между странами. По мнению ученых-экономистов, созданная на завершающем этапе интеграции единая валюта теоретически сможет претендовать на роль резервной в рамках данного региона [7, 89]. Однако ЛААИ в целом сегодня все больше рассматривается в регионе как исключительно консультативный механизм, функции которого сводятся к отслеживанию выполнения двусторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений, выработке рекомендаций по урегулированию связанных с ними проблем, учету и обобщению статистических данных.

Андская группа (Андское сообщество) появилась в соответствии с Картахенским соглашением от 26 мая 1969 г. и является одним из старейших в Латинской Америке интеграционным объединением. В него вошли Боливия, Венесуэла (1973 по 2006 г.), Колумбия, Перу, Чили и Эквадор.

Страны, заключившие Андский пакт, создали Андский резервный фонд (АРФ) и ввели единую расчетную единицу — андский песо. Фонд служит в качестве расчетного института для центральных банков стран — участниц соглашения, однако его основной задачей является обеспечение и поддержание внешней ликвидности своих учредителей. В рамках данной миссии АРФ предоставляет собственные займы и является гарантом внешних займов стран-участниц на финансирование кредита их платежных балансов. Андский резервный фонд — единственный межгосударственный орган развивающихся государств, который централизованно осуществляет эмиссию коллективной расчетной единицы — андского песо. Обеспечением эмиссии данной расчетной единицы являются финансовые обязательства стран — членов Андского пакта, депонированные в фонде. Такой механизм обеспечения применяется и в ЕЭС. Андский резервный фонд обязан поддерживать свободную обращаемость андского песо в доллары и наоборот. Его выпуск полностью обеспечивается долларами США, что гарантирует стабильность курса данной счетной единицы по отношению к валюте США, однако делает эту единицу более неустойчивой по отношению к другим валютам.

Так как система жесткой привязки песо к доллару США характеризуется рядом недостатков, экономистами этой группировки был разработан оригинальный вариант расчета курса данной счетной единицы. Ее курс будет определяться на основе корзины, в которую будут входить индексы мировых цен на бананы, кофе, нефть, олово и медь.

Не менее интересен опыт развития южноамериканского общего рынка — *МЕРКОСУР*. Устойчивые экономические связи между двумя соседними государствами — Аргентиной и Бразилией — способствовали разработке Программы интеграции и экономического сотрудничества (РІСЕ) в 1986 г. по предоставлению преференциальных торговых режимов и развитию промышленного сотрудничества. Инструментом ее реализации стали двусторонние отраслевые соглашения, определившие рамки переговоров по улучшению доступа на рынок товаров, представлявших взаимный интерес. За первые три года стороны подписали 24 соглашения по активизации взаимной торговли и инвестиций, по ядерной энергетике, биотехнологии и транспорту. В 1988 г. подписан Договор об интеграции, сотрудничестве и развитии (Tratado de Integracion, Cooperacion y Desarrollo), поставивший цель ликвидировать все барьеры в торговле товарами и услугами в течение 10 лет. Также страны договорились ввести общую расчетную денежную единицу — гаучо. Но договор не имел детально разработанной программы и фактически остался политической декларацией. В 1990 г. Аргентина и Бразилия подписала Буэнос-Айресский договор, в котором был сокращен срок торговой либерализации до 5 лет; поставлена цель формирования общего рынка; разработан принцип постепенного сокращения пошлин на автоматической и линейной основах (до этого использовался потоварный принцип). Зафиксированные обязательства позднее приняли Парагвай и Уругвай, что стало основой подписанного в марте 1991 г. Асунсьонского договора о создании Общего рынка стран Южного конуса, или МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur — Mercosur). Таким образом, группировка объединила четыре страны — Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай [8, 10].

В рамках перспективных задач данной группы стран можно выделить политическую — создание единого парламента и экономическую — введение единой валюты. По мнению экспертов южноамериканского блока, общая денежная единица способна снизить степень финансовых рисков. В качестве первого шага на пути к единой валюте в МЕРКОСУР было принято решение об образовании Института валюты [9, 83].

Союз южно-американских наций *УНАСУР* (исп. Union de Naciones Suramericanas, UNASUR), созданный в 2004 г. странами Андского сообщества и МЕРКОСУР, декларирует создание зоны единой валюты к 2020 г. Оптимистичность прогнозов строится на успехе системы международных расчетов в местных валютах (исп. Sistema de Pagos en Moneda Local, SML), которая с 2008 г. функционирует между Бразилией и Аргентиной, а в 2010 г. к ней присоединился Уругвай. Импортер совершает платеж в национальной валюте через коммерческий банк. Тот проводит транзакцию с центральным банком. Последний кредитует у себя лоро-счет Центрального банка другой страны, который, в свою очередь, через свою

банковскую систему кредитует счет экспортера, но уже в национальной валюте. Для проведения SML-транзакций ежедневно Центральный банк Бразилии рассчитывает SML-курс реал/песо, а Аргентинский — песо/реал. Таким образом, эта система фактически зафиксировала курсы бразильского реала и аргентинского песо.

В Центральной Америке на базе *Боливарианского альянса для народов нашей Америки* (АЛБА) с 2010 г. создан валютный союз и обращается в виде виртуальной наднациональной валюты — сукре, фиксированная к американскому доллару (1 сукре = 1,25 долл.). Инициативу в 2008 г. поддержали все страны АЛБА, но реальный переход на расчеты в сукре начинают только Венесуэла, Куба и Боливия. Гондурас вышел из состава АЛБА в 2010 г. Страны Карибского бассейна, кроме АЛБА, входят также в другой валютный союз и используют в расчетах восточно-карибский доллар. Эквадор в 1999 г. перешел во внутреннем обращении на американские доллары. Никарагуа и Гаити уже много лет занимают последние места в списке самых бедных стран и не готовы к экономическим экспериментам.

Сукре особо привлекательна для нефтедобывающей Венесуэлы, лидер которой являлся одним из главных идеологов исключения доллара из нефтяной торговли, а также нефтеэкспортирующего Эквадора и богатой углеводородами Боливии. В случае позитивного развития событий, вероятно, к сукре присоединятся и страны Центральноамериканского общего рынка. Но, с другой стороны, обращение сукре мотивировано не столько экономическими причинами (нехватка ликвидных средств для международных расчетов), сколько политическими соображениями. Идея сукре держится на антиамериканском энтузиазме венесуэльского лидера и его кубинских соратников, являясь прежде всего попыткой что-то противопоставить США и уйти от доллара [10, 74].

Подводя итог, следует отметить, что именно в Латиноамериканском регионе тенденции к валютной интеграции необычайно сильны. Тем не менее заметно влияние дезинтеграционных факторов, диалектически дополняющих стремления государств к интеграции. В 80-е кризисные годы впервые прозвучала идея создания Латиноамериканского валютного фонда по типу МВФ, который осуществлял бы кредитование наиболее важных для региона проектов. Однако вследствие внешних и внутренних препятствий эта инициатива не обрела материального воплощения. К ней вернулись на рубеже столетий, особенно в трудном 2002 г. Но прежние препоны — разногласия государств по вопросам внешнего долга, давление извне и отсутствие собственных средств при наличии огромного долгового бремени — вновь отодвинули на будущее реализацию этого важного замысла [7, 92]. Латиноамериканские государства дорожат своим суверенитетом, поэтому не желают отказываться от права самостоятельно формировать свою внутреннюю и внешнюю политику. Предпочтительный для них путь развития международного сотрудничества — заключение соглашений с другими странами по отдельным вопросам, представляющим в конкретный момент взаимный интерес. Соответственно по остальным вопросам каждое государство сохраняет полную независимость в управлении общественной жизнью на своей территории, исходя из национальных интересов и приоритетов [3, 24].

Также препятствием на пути создания валютного союза Латинской Америки является многоскоростной характер интеграционных процессов, когда государства интегрируются между собой в разной степени. При этом одно и то же государство может являться членом сразу нескольких интеграционных союзов, обеспечивающих разную степень единства [3, 32]. Так, государства–члены ЛААИ, территории которых находятся в Южной Америке, развивают более тесную интеграцию в рамках двух самостоятельных организаций. С одной стороны, это МЕРКОСУР, в состав которого входят крупнейшие страны южноамериканского континента, с другой стороны — Андское сообщество, включающее в основном страны северо-западной части Южной Америки.

Интеграционные процессы в Южной Америке (малые, субрегиональные и в какой-то степени хаотичные) под влиянием внешних и внутренних факторов помогли реализовать особенный метаинтеграционный сценарий на этом континенте [11, 25]. Сценарий, чем-то напоминающий европейский, но в то же время отличающийся от него. Есть ли будущее у южноамериканской метаинтеграции? Можно с уверенностью ответить, что у этого процесса нет альтернативы. Ведь только полная интеграция с сохранением национальных особенностей (по европейскому сценарию) позволит южноамериканским государствам усилить свои внутренние позиции и позиции на международной арене и стать единым и сильным актором международных отношений в экономическом, политическом, правовом и культурном плане.

-
1. Шумилов В. М. и др. Международное финансовое право. М., 2005.
 2. Европейская интеграция : учеб. / под ред. О. В. Буториной. М., 2011.
 3. Основы интеграционного права : учеб. пособие / под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2014.
 4. Евдокимов Л. В. Особенности латиноамериканской интеграции // Политэкс. 2011. Т. 7, № 4.
 5. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве : учеб. пособие / под ред. Л. В. Шкваря. М., 2013.
 6. Латинская Америка : справ. / под общ. ред. В. В. Вольского ; сост. С. Н. Табунов. М., 1990 [Электронный ресурс]. URL: http://www.indiansworld.org/Latin/latin_america_1990_handbook20.html#.U7P6JkAXjUI (дата обращения: 10.02.2015).
 7. Романова Э. Латинская Америка: региональная интеграция на новом витке развития // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10.
 8. Костюнина Г. М. Интеграция в Латинской Америке // Международная экономическая интеграция : учеб. пособие / под ред. Н. Н. Ливенцева. М., 2006.
 9. Лузгина А. Н. Новые резервные валюты основа будущей мировой валютной системы? // Новые свойства посткризисной экономики. Место Беларуси в посткризисном мире: материалы международ. конф. Минск, 2009.
 10. Люкевич И. Н. Мировая денежная система как совокупность валютных регионов // Международная экономика. 2011. № 10.
 11. Безбородов Ю. С. О региональном метаинтеграционном процессе в Южной Америке // Взаимодействие правовых систем: современные международно-правовые дискурсы : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2014. Вып. 6 (10). С. 24–29.

Рукопись поступила в редакцию 25 августа 2014 г.

УДК 159.964.26:613.885

О. А. Пырьянова

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ: ОТ З. ФРЕЙДА К М. ФУКО

В статье рассматриваются методологические основания исследования феномена сексуальности З. Фрейдом и М. Фуко. Философско-антропологическое понимание сексуальности Фрейдом фокусируется на ее витальности и уникальности, удерживаемой нормативностью. Фуко, принимая сексуальность в качестве неотделимой от субъекта сущности, встраивает ее в общий дискурсивный порядок, подчиняющий уникальное системе власти и знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс, маскулинность, методология, сексуальность, феминность, З. Фрейд, М. Фуко.

Концептуализация теоретико-методологических оснований становится актуальной для современной философской антропологии, проблематизирующей предметность такого феномена человеческого бытия, как сексуальность. Рассмотрение существующих подходов, направленных на изучение сексуальности, осуществляется в соответствии с логикой формирования концептуального смысла феномена сексуальности и отталкивается от двух основных парадигм.

Традиция исследования сексуальности была заложена психоанализом З. Фрейда. Данный подход впервые начинает описывать функционирование той стороны человеческой жизни, которая связана прежде всего с желанием, страстью, близостью и телесностью индивида.

З. Фрейд выделяет сексуальность в качестве витального феномена, выражение которого напрямую связано с антропологически понятой природой человека. С одной стороны, сексуальность выражает связь индивида со всем человеческим родом. С другой стороны, она уникальна, связана с индивидуальным восприятием сексуального: «сексуальность нельзя поставить в один ряд с другими функциями индивида, так как тенденции ее идут дальше существования отдельного индивида — они имеют своим содержанием появление новых индивидов, то есть сохранение рода. Она показывает нам далее, что в одинаковой мере верно и правильно

двойное понимание взаимоотношений между “Я” и сексуальностью: согласно одному взгляду главным является индивид, сексуальность представляет из себя только проявление его деятельности, а сексуальное удовлетворение — одну из потребностей его; согласно другому — индивид представляет из себя только временный и проходящий придаток к будто бы бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему родом» [4, 133].

Абсолютизирование роли сексуальности в человеческой жизни для З. Фрейда имеет особое значение, поскольку сексуальность позволяет индивиду взаимодействовать с изначально чуждой по отношению к нему реальностью. Ощутить связь с внешним миром, с другими людьми человеку удастся именно благодаря телесности и чувственной природе каждого существа. Тело на индивидуальном уровне, по мнению психоаналитиков, познается через раскрытие сексуальной природы. «Фрейд утверждает, что сексуальность — сущность человека, а именно нашего бытия. Но он также говорит, что то, что он подразумевает под сексуальностью, радикально отличается от общепринятого понимания. Его цель, таким образом, не просто показать, что сексуальность в нашей жизни занимает гораздо большее место, чем мы предполагали, но изменить наше понимание сексуальности. Он желает достичь изменения парадигмы, концептуального пересмотра» [18, 55]. Новая парадигма сексуальности, детерминированная возникновением психоаналитического дискурса, меняет восприятие сексуальности: сексуальность — объект изучения, который благодаря нововременной эпистеме может быть подвержен концептуальному анализу в своем явленном бытии, но при этом она приобретает характеристики пластичного феномена в соответствии с природой человека, подверженной изменению и развитию. «Важно обратить внимание на риторiku Фрейда. С одной стороны, это не просто новое прочтение научной теории, даже значительное. Это аргумент за новое прочтение “определенных идей” общественного мнения. Это идеи о том, что мы из себя представляем, а также пере-осмысление природы сексуальности, мы должны пере-осмыслить себя. С другой стороны, Фрейд говорит об определенных расхожих идеях, в том же самом смысле, в котором Аристотель говорит о мнении “большинства”... Короче говоря, Фрейд взывает к нашему интеллектуальному нарциссизму, чтобы подтолкнуть нас к изменению нашей Я-концепции.

Изменению много более примечательному, чем тривиальный вывод, вроде “наша сексуальность носит более извращенный характер, чем мы осознаем” или “мы скрываем свою сексуальность от себя”» [Там же, 70]. Признание сексуальности в качестве неотъемлемой части человеческого существования меняет антропологический статус индивида. Изменение понимания сущности человека и характерных для него феноменов гуманитарными дисциплинами касается не только знания научного, но и проецируется на жизнь отдельного индивидуума, переопределяя отношение к жизни в целом, к другим людям и себе самому, в частности.

Антропологический статус индивида не может рассматриваться как фиксированная и ограниченная определенными пределами категория, он открыт миру, имманентно трансцендируем, трансгредиентен создаваемым самим человеком внетелесным феноменам — воображению, памяти и т. д. «Точка зрения Фрейда

такова: в случае человеческой сексуальности связь между сексуальной активностью и заявленной целью утрачена, так что мы больше не можем думать о цели как о подходящем критерии для сексуальной активности. Без сомнения, существуют эволюционные связи: человеческая сексуальность прошла отбор, чтобы обеспечивать репродукцию... Человеческая сексуальность по своей природе открыта для вариации. Более того, в ходе отбора и сложилось переплетение сексуальности и воображения. В отличие от животных человеческая сексуальность сущностно связана с воображением» [18, 73]. Сексуальность свободна в своем определении и проявлении от прагматических интересов человечества.

З. Фрейд подчеркивает возможность существования различных путей развития сексуальности, что уже демонстрирует поливариантность сексуальности и соответственно отделяет продолжение человеческого рода от целей биологического детерминизма. З. Фрейд открывает конфликт между сексуальностью и нашим отношением к ней; будь сексуальность лишь рефлексом, которым природа наделила человека для сохранения вида, такой конфликт был бы невозможен, поскольку неизменность базовых рефлексов непреодолима для человеческого разума.

Классический психоанализ выстраивает четкую систему функционирования человеческого организма, которая является объектом интерпретации аналитика. Интерпретация символических проявлений индивида не носит строго заданного характера, как правило, ее интенция сосредоточена на категориях либидо, нормы, травмы и патологии. Данные понятия позволяют исследовать не только сексуальность, но и все многообразие проявлений человеческой жизни.

Ощутить свое присутствие в мире человеку помогает либидо: когда индивид направляет свою сексуальную энергию на Другого, он обретает собственную экзистенцию, поскольку обнажается его субъективированная сущность (без открытия своей сущности подлинное взаимодействие с Другим в пространстве близости неосуществимо). Человек, проникая в чужой внутренний мир, делает его своим, получает возможность открыть себя. Либидо определяет уровень жизненной энергии, жизнелюбия человека, все сексуальные проявления индивида. В начале любой сексуальности находится влечение или желание. В основе сексуального желания лежит диктат собственной воли, и от кого бы он ни исходил, он всегда будет проявлять свой мужской характер, пытаясь подчинить все остальные потребности организма. «Либидо всегда — и закономерно по природе своей — мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины, и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина» [5, 183].

Объективно женская сексуальность остается вне проблемного поля исследований З. Фрейда, хотя он и предлагает некоторую ее интерпретацию. «Значение момента сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого только и доступна исследованию, между тем как любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму» [Там же, 134]. Сама сексуальность, как мужчин, так и женщин, в итоге наделяется характеристиками, маскулинными по своей сути. Психоанализ трактует все

сексуальные стремления, исходя из мужского начала. Вся сексуальность, несмотря на пол ее обладателя, фрейдизмом мыслится в терминах маскулинности.

Маскулинность, как основа для интерпретации сексуальности, классическим психоанализом понимается как детерминантная, ригидная и фактически неизменная структура. Современное понимание маскулинности стремится к преодолению такого подхода. «Маскулинность (как и феминность) представляет собой не какое-то неизменное свойство, а набор характерных гендерных моделей поведения, которые со временем меняются, адаптируясь к изменениям материальной реальности (коснувшихся, в частности, места мужчин в обществе и связанных с этим отношений). Маскулинность — изменчивая категория, а не жесткая структура, и она в той же степени сконструирована обществом, сколь и предопределена биологически» [1, 312]. Сложность категорий маскулинного и феминного может быть соотнесена с природой сексуальности, они определяются не только биологической предрасположенностью, но и социальным конструированием. З. Фрейд, понимая сложность феномена сексуальности, разделяет традиционные представления о маскулинном начале как доминирующем.

В этом выражается некоторая неполнота психоаналитического учения З. Фрейда, поскольку женщина и ее сексуальность определяются в жесткой взаимосвязи с мужчиной и его сексуальностью. Женщина как объект психоаналитического изучения неизменно включена в патриархальную вертикаль понимания мира в целом и природы человека в частности. Несмотря на то что женская сексуальность может выступать в качестве объекта исследования, она не обладает в теории З. Фрейда аутентичным основанием.

Социальная нормативность, управляющая сексуальностью и упорядочивающая ее, имеет в качестве источника не только потребность в продолжении рода, но и невозможность достижения антропологически нормальной сексуальности (как мужчинами, так и женщинами).

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд определяет нормальное как невредное [5, 193], но такое объяснение не является достаточным. Согласно концепции З. Фрейда сексуальность любого человека глубоко патологична, и эта патология носит приобретенный характер. Весь процесс развития сексуальности — это приобретение патологии. Развитие, приходящее в итоге к норме, невозможно, хотя, парадоксально, именно такое развитие для З. Фрейда играет роль эталона.

Понятия нормы и патологии элиминируют свободное развитие сексуальности, поскольку как бы она ни развивалась, конечной точкой является тотальная патология и исчезновение сексуальности в антропологическом понимании. Норма, согласно З. Фрейду, определяет границу сексуальности. Все, что выходит за ее пределы, является девиантным либо патологичным. Проблема заключается в том, что, определяя норму как отсутствие искажений, З. Фрейд приходит к выводу о невозможности ее достижения: «Фрейд доказывает, что нормальная сексуальность не отделена от ее аномальных форм. Различное сексуальное поведение — нормальное или аномальное — обусловлено сексуальными предпочтениями или широкими наклонностями к различным сексуальным целям и объектам» [11, 91]. Сексуальность сама по себе не отягощена единой логикой развития, привязка

к объекту, как единственно возможному, отсутствует. Просчитать направление развития сексуальности на любом этапе ее развития можно с очень невысокой долей вероятности, поскольку человек постоянно уклоняется от тотального предопределения своей жизни.

Природа человеческой сексуальности поливариативна, но при этом ни один из путей развития не ведет индивида к норме, симптомы невротического поведения можно найти у каждого, а, как известно, корни любого невроза напрямую связаны с сексуальным поведением. Если признать сексуальность в качестве основной детерминанты человеческого существования, то вывод о ее связи с любыми отклонениями неизбежен.

Понятие нормы поддерживает основы существования мужской сексуальности, так как маскулинное общество — общество кары и наказания. Оно постоянно ищет какой-то объект, жертву. По мнению современных ученых, «модель инверсии до сих пор популярна, но ей не хватает научной поддержки» [19, 334]. Маскулинность, породившая понятие нормы, совершенно не предполагает развития и изменчивости, которые возможны только тогда, когда норме придается сугубо теоретический характер.

Таким образом, вариативность сексуальности присуща индивиду только в контексте отклонения от нормы, при этом его сексуальность лишена целостности.

В отличие от теоретиков психоанализа М. Фуко при объяснении сексуальности в большей степени отталкивается от внешних по отношению к индивиду условий и обстоятельств, нежели от внутренних склонностей, формирующих идентичность человека.

Феномен сексуальности, согласно М. Фуко, явлен благодаря тому, что существуют «три оси, которые эту сексуальность конституируют: во-первых, образование относящихся к ней знаний, во-вторых, системы власти, которые регулируют ее практику, и, в-третьих, формы, в которых индивиды могут и должны признавать себя в качестве субъектов этой сексуальности» [7, 273]. Субъект оказывается в ситуации, когда всякое проявление сексуальности становится поводом для формирования некоторого знания. Знания, которое не является автономной и самоценной научной истиной, но встраивается в структуру повседневной жизни человека. Пересечение такого знания и порядка, установленного и поддерживаемого властью, создают дискурс сексуальности.

Дискурсивность сексуальности выражается в том, что говорение о сексуальности — процесс непрекращающегося конструирования идентичности, уклониться от которого невозможно. «Сексуальность — результат комплекса взаимодействий истины и власти... Власть не является нисходящей или исключительно формой репрессии, но возникает из микровзаимосвязей, и это действительно производит, конституирует наши подлинные идентичности» [21, 158]. Конституирование идентичности становится оправданием любых воздействий власти на микро- и макроуровнях.

Запутанные переплетения власти, знания и сексуальности остаются неразличимыми для индивида, фокусируя его внимание на собственном теле, на том, что, по мнению субъекта, остается сугубо личностным, не подверженным внешнему

вторжению. «Люди до сих пор полагают, и их побуждают к этому, что сексуальное желание может обнаружить их глубинную идентичность. Сексуальность уже не тайна, но все еще симптом, манифестация тайны нашей индивидуальности» [9]. Сексуальность, выполняя роль референта по отношению к некоторой индивидуальной сущности, которая должна быть приоткрыта, сама подвержена влиянию изменяющегося субъекта. Она производит и производится, вплетая себя в единую сеть со знанием и властью.

Строго говоря, М. Фуко в «Истории сексуальности» говорит о практиках секса, но не о сексуальности, поскольку для него она не обладает самостоятельным эпистемологическим статусом. Она лишь результат некоторого воздействия на тела. Так, М. Фуко пишет: «Если верно, что “сексуальность” — это совокупность эффектов, производимых в телах, в поведении, в социальных отношениях действием некоторого диспозитива, находящегося в ведении сложной политической технологии, то нужно признать, что этот диспозитив не действует симметричным образом здесь и там, что он, стало быть, не производит во всем этом одних и тех же эффектов» [6, 233]. Признание в качестве предпосылки идеи о том, что «сексуальность — это совокупность эффектов...», выглядит недостаточно обоснованно, поскольку возникает противоречие: одно и то же действие приводит к различным результатам, и это противоречие М. Фуко оставляет без внимания.

Согласно М. Фуко изначально индивиды не обладают каким бы то ни было равенством, кроме как подверженностью влиянию властных механизмов. Каждый с необходимостью наделен уникальностью, которая позволяет человеку оставаться автором своей собственной жизни, создавая себя в качестве действующего субъекта. Данная уникальность закреплена на уровне телесности, поскольку именно тело становится точкой отсчета человеческого существования. На уровне сексуальности как телесной практики также будет закреплена бытийственная неповторимость. Соответственно сексуальность обладает субстанциальной составляющей. К. Купман, анализируя Фуко, подчеркивает, что «практически каждый уникален в своей сексуальности. Поэтому секс должен быть настолько важным для нас, настолько определяющим то, кем мы являемся, и настолько конституирующим то, что мы делаем. Считается, что проявления сексуальности подобны огромной совокупности проблем, вокруг которой мы производим нашу сущность, вокруг которой мы наращиваем так много маленьких мелочей, которые и составляют нашу индивидуальность. Фуко понимал сексуальность как проблему, которая глубоко укоренена в нас, но при этом проявляется и трепещет на поверхности наших перегруженных тел» [17, 3]. Во многом именно сексуальность соотносима с самостью человека. Она стремится к своему выражению, преодолевая существование возможных пределов, которые регулируются властью.

Через сексуальность все индивиды связаны с властью — обретая свободу лишь через подчинение, становясь субъектами только через отклик на властные маркеры. Говоря о взаимосвязи власти и сексуальности, М. Фуко подчеркивает: «Власть ее и выделяет, и вызывает, и пользуется ею как размножающимся смыслом, который снова и снова необходимо брать под свой контроль, дабы он не ускользнул вовсе; сексуальность — это эффект с ценностью смысла... Сексуальность

в современном обществе есть не нечто подавляемое, но, напротив — постоянно вызываемое» [6, 254]. Сексуальность становится поводом для обращения к субъекту, поводом, который инициируется властью, но актуализируется самим субъектом. Так, по мнению М. Фуко, рождается иллюзия субстанциальности сексуальности: конструкт позиционируется как субстанциальное свойство идентичности.

Заключая в себе определенную двойственность, сексуальность коррелирует с внутренней жизнью человека, с его особым переживанием мира и собственной телесности, но при этом она вызывается вовне властью, не прекращающей попытки сделать сексуальность прозрачной через принудительную репрезентацию, признание и познание.

«По Фуко, технологии сексуальности не являются естественными, даже если они раскрывают идею того, что является и не является естественным в сексуальных характеристиках человека» [10, 557]. Регулирующие механизмы имплантируются властью в тела индивидов, стирая границы. Играя с конструктами искусственного и естественного, власть создает определенный порядок конституирования субъекта.

Неразличимость данных конструктов для М. Фуко, вероятнее всего, является не теоретическим упущением, но пробуждением от антропологического сна. Сам вопрос о сущности человека, о том, что для него является природным, теряет всякий смысл, так как имеет значение не какое-то абстрактное первоначало, но пути субъективации индивида. «Утверждение Фуко о смерти Человека, возможно, было несколько поспешным, но никоим образом не ложным и поверхностным. Это не столько эпохальное заявление, сколько методологический принцип: идея имеет значение. А именно: это привлекает наше внимание к производству человека в его различных проблемных ситуациях принуждения и к формам освобождения. От конституирования целостного человеческого субъекта мы обращаемся к способам, с помощью которых человек конституирован» [20, 138]. Более того, такое исследование позволяет сохранить дискурсивную устойчивость в множасьихся практиках осмысления человека. Сеть значений, обволакивающая индивида, производит новые смыслы властной риторики. Порожденный дискурс стихийно расширяет сферу своего влияния, оказывая воздействие не только на свою цель, но и на свой источник. Изменения прежде всего влияют на индивида, формируя у него иное представление о себе, при этом сама власть оказывается в ловушке необходимости создавать и применять новые технологии, соответствующие измененному субъекту.

Конструирование человеческой субъективности становится фатальным в акте указания на предел и его преодоление. Фактически сексуальность индивида становится своеобразным маркером-указателем такого предела. В акте конституирования собственной сексуальности субъективность обнаруживает свою конечность. Но в индугенции индивиду отказано, поскольку контроль власти направлен на продуктивное использование его сил, запрещающее любое непродуктивное их использование.

С целью примирить субъекта с вновь обретенной сущностью власть вынуждена подчинить своей прагматике концепты естественного, искусственного, живого как

источника существования. Жизнь человека, витальность культивируются властью, технологизирующей все живое. «Хотя категории “дискурс” и “идентичность” не относятся к миру природы, они тем не менее конституируют “естественность” для людей» [12, 329]. Так ставится под вопрос естественность не только сексуальности, но и самого человека. Природное становится не более чем конструктом, который удовлетворяет потребность человека в существовании некоторой безусловности, выступающей в качестве убежища для противостояния репрессивной функции власти.

Тем не менее сексуальность, определенная в системе значений власти, воспринимается субъектом как путь к себе. Она становится ядром, вокруг которого объединены и другие значимые характеристики человеческого существования. «Сексуальность — это не отдельный или автономный феномен или набор феноменов. Сексуальность продолжает существовать во взаимосвязи с другими социальными феноменами, социальным опытом и социальными различиями — относительно гендера, класса, этнической и расовой принадлежности, конструктов и множественных пересечений» [15, 37]. Последователи М. Фуко отмечают сцепленность сексуальности с различными социальными общностями (гендер, класс и т. д.), тем самым подтверждая его мысль о том, что сексуальность — это некоторый конструкт.

При такой интерпретации сексуальность более не антропологическая данность, автономная сущность, присущая исключительно человеку, воспринимаемая и осмысляемая им в попытке придать смысл своей жизни. «Мы осмысляем “сексуальность”, чтобы обратиться к позитивным, особым и конститутивным чертам человеческой личности, к характерологическому набору сексуальных действий, желаний и наслаждений в структурах индивидуума — определяющему источнику, из которого проистекает всякое сексуальное выражение. “Сексуальность” в этом смысле не чисто описательный термин, нейтральная репрезентация некоторого объективного состояния любовных отношений или простое признание интимных фактов о нас; скорее, это особый способ конструирования, организации и интерпретации этих “фактов”» [14, 259]. Вопрос о субъекте, использующем данный способ, — проблема дискуссии. Является ли им человек или власть — вопрос открытый. Возможно, здесь происходит диффундирование индивида и власти, поскольку автором интерпретации интимных фактов о себе, безусловно, является сам индивидуум, но одновременно эта интерпретация будет детерминирована тем социальным контекстом, в котором исторически, культурно существует индивид.

Для М. Фуко сексуальность есть форма социальной рефлексии, качество субъекта, объективируемое и определяемое манипуляциями власти. Обращение к сексуальности как к предмету изучения неизменно связано с формами ее регулирования, контроля и производства. Спонтанный порыв чувственности преодолевает границы индивидуального бытия, вовлекая себя в заданную властью риторику дискурса о сексуальном и эротическом. Как только индивид начинает говорить о сексуальности, он немедленно включается в существующий дисциплинарный порядок.

Личное становится публичным через механизмы управления и подчинения. «Тело является материальным фокусом в борьбе за власть. Тело стало полем битвы» [13, 105]. Опираясь на самое интимное и неотчуждаемое в человеке, власть пытается проникнуть как можно глубже в субъектный мир индивида, сохранив иллюзию самореференциальности его переживаний, высказываний.

Субъект провоцируется на производство и раскрытие некоторой тайны о самом себе. Перед соблазном, таящемся в возможности одновременно узнать и высказать о себе некоторую истину, субъект не в силах устоять. «Причинность, действующая внутри субъекта, бессознательное субъекта, истина о субъекте у другого, который знает, знание у субъекта о том, чего он не знает сам, — все это нашло возможность развернуться в дискурсе о сексе. Вовсе, однако, не в силу какого-то природного свойства, присущего сексу самому по себе, но благодаря тем тактикам власти, которые имманентны этому дискурсу» [6, 171]. Сексуальность — элементарная модель управления, но, кроме того, это повод для власти управлять индивидом, поскольку выраженная в форме сексуальности власть освоена каждым человеком, она есть часть субъективности. Власти остается лишь контролировать сексуальность, чтобы субъективность не отклонялась от сложившегося порядка управления (коннотируемого порядком дискурса), создавать пространства надзора. Тело индивида этим порядком вписано в социальное тело.

Бесконечный порядок тел порожден эффектами власти, производит эффекты сексуальности, предопределяя индивида, уникальность которого стерта. Будучи объектом постоянного воздействия, субъект может потерять способность сопротивления, поскольку рассеянность такого воздействия создает иллюзию неразличимости субъекта и объекта. Исходящая отовсюду и охватывающая каждого власть сама есть следствие существования тел, определенных знанием.

Понятие тела во многом определяет логику раскрытия концептов М. Фуко. Описывая новый объект управления, философ разделяет механическое и природное тело: «Это скорее тело упражнения, чем умозрительной физики. Скорее тело, которым манипулирует власть, нежели тело, наделенное животным сознанием. Тело полезной муштры, а не рациональной механики, но тело, в котором как раз благодаря этому факту напоминают о себе некоторые естественные требования и функциональные ограничения» [8, 226]. Первичное знание, полученное об управляемом теле, требует расширения, чтобы оставаться достаточным. Усложнение описательной структуры, в которую включено тело, коррелирует с процедурами организации дискурсивного порядка социальности. При этом цель познания тел остается неизменной — самовоспроизводство общества, меняются лишь организующие его методы и соответственно типы обществ. Вмешательство экологического типа по большей части остается проектом, а человек — всего лишь телом в ряду других тел.

Все отношения выстраиваются среди обезличенных тел и абстрагированных индивидов, человеческое лишено индивидуального. Парадоксально, что даже сексуальность, несмотря на свою неоднородность, направлена на создание общих понятий и категорий, а не на обращение к неповторимому в человеческой природе. Данная «логика тел» выводит сексуальность на поверхность, оставляя внутреннее

только как основание для формирования внешней реакции. Сексуальность вне близости — следствие абсолютизации тел (механических или природных).

Элизия уникального, исключительно человеческого, порождает представление о том, что желание, возникшее в теле, уклоняется от тотального контроля, но структурируется благодаря различным формам его презентации и репрезентации. Повлиять на само желание невозможно, поскольку, как таковое, оно неотделимо от тела и по этой причине становится потребностью, за которой следует индивид. Несмотря на стремление М. Фуко выделить в качестве приоритетного ракурса исследования сексуальности практики ее освоения и осмысления, в данном аспекте он сближается с З. Фрейдом, так как оба автора рассматривают сексуальное желание в качестве природного основания, которое отчасти предопределяет существование социального. Презумпция естественности порожденных телом желаний, однако, не связана с признанием их в социальном контексте.

Одно из расхождений во взглядах З. Фрейда и М. Фуко связано с формами социальной объективации желания. Если для З. Фрейда основное влияние власти заключается в формировании SuperEgo человека, сдерживающего и подавляющего сексуальное желание, то для М. Фуко власть инициирует обращение к сексуальности, управляя ее проявлениями, выполняя роль символического управителя сущностью субъекта.

В интерпретации М. Фуко власть поддерживает индивида в качестве живого существа, определяя границы его природности и витальности. Через актуализацию его желаний и страстей, обладая избыточным знанием о спровоцированных аффектах, она встраивает его в матрицу управления, которая благодаря сексуальности одновременно объединяет и разделяет, встраивая единичное в общее. Обращаясь к сексуальности, власть выделяет индивидуальное и родовое в каждом человеке. «Секс — это доступ одновременно и к жизни тела и к жизни рода. Им пользуются и в качестве матрицы дисциплин тела и в качестве принципа регуляции народонаселения» [6, 251].

Дисциплинарные механизмы власти направлены не на исключение или подавление нелегитимированных сексуальностей, но на включение их в дискурсивное пространство. «Власть выступает как раз отнюдь не в форме закона или в качестве последствия действия какого-то определенного запрета. Напротив, она осуществляет свое действие через умножение отдельных форм сексуальности. Она не фиксирует границу для сексуальности, но она распространяет различные формы сексуальности, следуя за ними по линиям бесконечного внедрения. Власть не исключает сексуальность, но включает ее в тело как способ спецификации индивидов. Она производит и фиксирует сексуальную разнородность» [Там же, 147]. Описывая буржуазное общество, М. Фуко выделяет сексуальность в качестве одного из основополагающих механизмов управления субъектом и структурирования социального устройства. Умножение различных форм сексуальности позволяет охватить властным взором каждого; чем детальнее будет сексуальная «спецификация», тем выше вероятность, что никто не сможет уклониться от данной классификации.

Полиморфность власти направлена на постоянное самовоспроизводство. Благодаря своей рассеянности в диспозитивах, дискурсах, телах (социальных и индивидуальных) власть остается не до конца явленной, усиливая свое влияние, упорядочивая время и пространство. Индивид поставлен в ситуацию, когда нарушение границ допустимого влечет за собой их расширение, но не разрушение. Преодолеть дискурсивный порядок, оказаться вне его — невозможно.

Всякое действие вне зависимости от своего направления или цели связано с производством некоторого знания, через которое индивид будет включен в систему управления, оставлен в центре или перемещен на периферию. «Фуко пытается создать модели, границы которых конституированы сопротивлением этому механизму. В данном контексте концепт удовольствия как искусства жизни, как эстетики существования становится более определенным. Отправная точка исследования Фуко — преимущественно настоящее, потому что здесь концентрируется требование “де-сексуализации” удовольствия ради освобождения его из тисков говорения истины о себе. Удовольствие в таком случае будет пониматься как нечто порождающее многообразие, преумножающее, обостряющее и усиливающее отношение с самим собой. Удовольствие становится стержнем, который позволяет перенаправить все дискурсы на тело и на дух в рамках унифицированного измерения практики» [16, 1010–1011]. По мнению О. Иррера, стремление сохранить контроль над собственной жизнью влечет за собой не переход к другому типу власти (от внешних форм к внутренним), но попытку лишиться прагматики собственного существования, перейти от содержания к форме. Разрыв зависимости между сексуальностью и удовольствием означает, что человек обречен скользить по поверхности собственного наслаждения. Освободившись от необходимости говорения истины о себе, он может более не найти путь к себе.

Предельная ценность удовольствия как основополагающего жизненного принципа поработает индивида. Оставляя позади необходимость производства социально полезных благ, субъект подчиняется требованиям собственного тела — беспрестанно обновлять свои ощущения, чтобы продолжать чувствовать себя живым. Десекуализация наслаждения разобщает тело и дух, поскольку интенции удовольствия в подавляющем большинстве направлены не на телесность, но на тело или на дух.

Дисциплинарные механизмы, структурирующие проявления телесности, проникают в жизнь человека, создавая новую модель управления индивидами. Власть скрывает свою репрессивную функцию, порождая дискурсы о сексуальности, она пронизывает их. Граница между внутренним (сексуальностью) и внешним (властью) оказывается стертой. Симбиоз власти и сексуальности порождает новую реальность, которая воспринимается как естественная и единственно возможная. «Власть достойна любви. Если бы она была только репрессивной, то следовало бы принять либо внутреннее усвоение запрета, либо мазохизм субъекта (что в конечном счете одно и то же). Тут-то субъект и прилепляется к власти» [2, 190]. Индивид попадает в ловушки власти, воспринимая контроль и управление как естественное продолжение своей сексуальности.

Вся сексуальность пропитана властью. «По своей природе сексуальность отнюдь не чужда власти, более того, она обладает в этом отношении “максимальной инструментальностью”, через нее проходит густая сеть властных отношений между мужчинами и женщинами, старшими и младшими, администрацией и населением. Именно из-за ее дисперсности в обществе, делающей ее проявления максимально эффективными и незаметными “невооруженным глазом” одновременно, сексуальность ускользает от любой единой матрицы понимания» [3, 197–206]. Рассеивание сексуальности способствует производству сущностей, не связанных единым основанием, но объединенных вокруг сексуального. Игра данными сущностями позволяет власти манипулировать социальным, выводя на поверхность необходимые коннотации.

Так, согласно идеям М. Фуко сексуальность — фундаментальное противоречие человеческой природы, подверженное практикам управления и контроля, но, парадоксально, постоянно от них уклоняющееся. Получая импульс на уровне тела индивида, она неизменно выходит на поверхность, чтобы получить определение и изменить существующее знание о ней.

Важно отметить, что как для теоретиков психоанализа, так и для М. Фуко сексуальность обнаруживает себя благодаря неотделимому от индивида желанию. В сексуальности проявляются родовое и индивидуальное начала человека, соединяющие его со всем человечеством и позволяющие при этом сохранить свою уникальность.

Однако если З. Фрейда и его последователей в большей степени интересует вопрос о ненарушенном развитии сексуальности, о ее природных границах и связи с общим состоянием человеческого организма, то для М. Фуко более важными являются способы осознания субъектом своей сексуальности, соотнесение с ними своих действий, а также властные механизмы ее регуляции. В сложную систему М. Фуко включает предписания, запреты и разрешения, практики и знания, это, на его взгляд, ключ к пониманию сексуальности.

1. *МакНейр Б.* Стриптиз-культура: секс, медиа и демократизация желания. Екатеринбург ; М., 2008.

2. Мишель Фуко. Ответы философа // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.

3. *Рыклин М.* Сексуальность и власть: Антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 5.

4. *Фрейд З.* Влечения и их судьба // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе: Очерк истории психоанализа : сб. СПб., 1998.

5. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

6. *Фуко М.* Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

7. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. Введение // Там же.

8. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

9. *Фуко М.* Я минималиста // Фуко М. Политика, философия, культура: интервью и другие работы Мишеля Фуко, 1977–1984. Лондон ; Нью-Йорк, 1988.

10. *Alberts P.* Foucault, Nature, and the Environment // *A Companion to Foucault*. Chichester, 2013.
11. *Fayek A.* Freud's Other Theory of Psychoanalysis: The Replacement for the Indelible Theory of Catharsis. Lanham, 2012.
12. *Green A. I.* Remembering Foucault: Queer Theory and Disciplinary Power // *Sexualities*. 2010. 13 (3).
13. *Grimwood S.M.H.* Some Foucauldian Perspectives on Issues in Human Sexuality // *Theology and Sexuality*. 2002. 8.
14. *Halperin D. M.* Is There a History of Sexuality? // *History and Theory*. 1989. 28 (3).
15. *Hearn J.* Sexualities Future, Present, Past... Towards Transsectionalities // *Sexualities*. 2008. 11.
16. *Irrera O.* Pleasure and transcendence of the self: Notes on 'a dialogue too soon interrupted' between Michel Foucault and Pierre Hadot // *Philosophy and Social Criticism*. 2010. 36 (10).
17. *Koopman C.* Genealogy as Critique: Foucault and the Problems of Modernity. Bloomington, Indianapolis, 2013.
18. *Lear J.* Freud. N. Y. ; L., 2005.
19. *Peplau L. A., Garnets L. D.* A New paradigm for understanding women's sexuality and sexual orientation // *Journal of Social Issues*. 2000. 56 (2).
20. *Pyyhtinen O., Tamminen S.* We have never been only human: Foucault and Latour on the question of the anthropos // *Anthropological Theory*. 2011. 11 (2).
21. *Richard A.* Lynch Reading The History of Sexuality. Vol. 1 // *A Companion to Foucault*. Chichester, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 10 ноября 2014 г.

УДК 159.947.2:37.011.31-051

Э. Э. Сыманюк

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье рассмотрен феномен ответственности, обоснованы факторы ее развития в процессе онтогенеза. Выделены психологические компоненты ответственности: регуляторно-динамический и мотивационно-смысловой. В работе представлены результаты опытно-поискового исследования психологических компонентов ответственности у руководителей образовательных учреждений Екатеринбурга. Также дана характеристика психологических компонентов ответственности в зависимости от стажа управленческой деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ответственность, психологические компоненты ответственности, регуляторно-динамический компонент, мотивационно-смысловой компонент, эргичность-аэргичность, стеничность-астеничность, интернальность-экстернальность, социоцентричность-эгоцентричность, осмысленность-осведомленность, предметность-субъектность.

Происходящие в российском образовании инновационные преобразования предъявляют высокие требования к личности руководителей образовательных учреждений. Переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты, изменения в системе оплаты труда педагогов, появление автономных

образовательных учреждений, внедрение инновационных образовательных технологий — все это потребовало от них осознания ответственности за принимаемые решения.

Более того, выполнение управленческих функций — административной, целеполагающей, дисциплинарной, экспертно-консультативной, коммуникативно-регулирующей, воспитательной — делает ответственность профессионально важным качеством руководителя, обеспечивающим продуктивность деятельности.

Проблемы ответственности как качества личности рассматриваются в философии (например, К. Муздыбаев (1983), А. Ф. Плахотный (1983), В. И. Сперанский (1989) и др.); психологии (Л. И. Божович (1968), Ж. Пиаже (1932), В. П. Прядеин (1998), В. Э. Чудновский (1981) и др.) и педагогике (А. С. Макаренко (1934)). Вместе с тем, несмотря на большой интерес к феномену ответственности, эмпирических данных о ее проявлениях и компонентах в процессе выполнения профессиональной деятельности явно недостаточно. В психолого-педагогической литературе наблюдается незначительное количество работ, освещающих связь ответственности с продолжительностью осуществления профессиональной педагогической и управленческой деятельности. Ответственность представителей профессиональных групп изучали Е. М. Борисова (1976), Т. Г. Гаева (1984), Н. Н. Семенов (1998), А. Г. Перлин (2000).

В исследованиях Е. И. Алферовой (2010) ответственность рассматривается как качество личности, сознательно формирующееся и развивающееся в деятельности, регулирующее соотношение индивидуальных потребностей с социальной необходимостью [2]. Субъектом (носителем) ответственности может выступать как отдельная личность, так и социальная группа (трудовой коллектив, семья и т. д.). Объектом ответственности (за что несет ответственность) выступает совокупность требований, обусловленных подотчетностью субъекта ответственности. Инстанцией (перед кем несет ответственность) могут выступать разные сообщества (социальные, профессиональные) и сама личность. Организация системы общественных отношений между субъектом и инстанцией ответственности влияет на развитие ответственности личности, проявляясь в выборе системы контроля (или самоконтроля) в принятии на себя ответственности.

К. А. Абульханова-Славская, рассматривая ответственность как личностный механизм реализации необходимости, говорит о присвоении личностью внешней необходимости и превращении ее во внутреннюю, именно поэтому внутренняя необходимость — высшая стадия ответственности. В ряду выполняемых субъектом действий — от бессознательных и произвольных до произвольных и сознательных — ответственные действия занимают место среди действий произвольных, имеющих социальный характер и социальную значимость [1].

К числу факторов, влияющих на развитие ответственности, исследователи относят опыт, возраст, занимаемый пост [7], развитие профессионального мастерства [3] и собственную активность личности. В профессиональной деятельности на развитие ответственности специалиста оказывают влияние мотивация труда, стремление к поддержанию профессионального авторитета и осознание

личностью общественной значимости своего труда, интерес к процессу труда и его результатам [3]. В работах К. Муздыбаева отмечается, что осознание ответственности у субъектов трудовой деятельности выше, если у них имеется самостоятельный участок работы и от их усилий зависит конечный результат труда [5]. Таким образом, профессиональная деятельность является важным фактором развития ответственности личности и условием ее проявления.

В большинстве исследований, рассматривающих психологические компоненты ответственности, выделяются когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент ответственности рассматривается как правильное осознание человеком социальных норм (правовых, нравственных), социально ответственного поведения, предвидение последствий своей деятельности [6, 25]. В профессиональной деятельности это проявляется в знании сущности профессиональной ответственности, социальных, служебных, нравственных норм поведения, в формировании убеждений.

Эмоционально-волевой компонент ответственности в профессиональной деятельности включает в себя чувство долга, переживание в ходе профессиональной деятельности, проявление волевых усилий при достижении целей, эмоциональную стабильность и настойчивость в реализации профессиональных решений [4, 603]. При этом эмоционально-волевой компонент рассматривается как фактор возникновения и развития ответственности.

Мотивационный компонент ответственности характеризуется как осознание общественных целей и ценностей, значимых при осуществлении деятельности, и выполняет функции ее контроля и регуляции. Одно из основных отличий ответственного действия от всех других — это наличие контроля и оценки сделанного не только со стороны коллектива, но и со стороны отдельных лиц, групп и общества в целом. Не случайно, прежде чем приступить к выполнению ответственного действия, субъект прогнозирует возможную реакцию на свои поступки со стороны окружающих.

Т. Н. Сидорова рассматривает поведенческий компонент ответственности как выбор определенной линии поведения: систематическое выполнение своих обязанностей, доведение порученного дела до конца и отчет за результаты и последствия своей деятельности [8].

В нашем исследовании мы изучали интегративные психологические компоненты ответственности, выделенные в работах В. П. Прядеина: регуляторно-динамический и мотивационно-смысловой [6]. В регуляторно-динамический (операциональный) компонент включены отдельные компоненты ответственности — динамический (раскрывается с помощью полярных параметров: эргичность-аэргичность), эмоциональный (стеничность-астеничность) и регуляторный (интернальность-экстернальность), а в мотивационно-смысловой (содержательный) — мотивационный (социоцентричность-эгоцентричность), когнитивный (осмысленность-осведомленность) и результативный (предметность-субъектность). Данные психологические компоненты позволяют проанализировать полноту развития ответственности, ее направленность, частоту проявления в поведении личности и саморегуляцию в обеспечении ответственности.

С целью выявления психологических компонентов ответственности руководителей образовательных учреждений мы использовали методику многомерно-функциональной диагностики ответственности В. П. Прядеина. При этом нами учитывалось, что ответственность, как качество, имеет сложный интегративный характер и рассматривается с позиции единства операциональной (природно-заданной) и содержательной (прижизненно-приобретенной) сфер. При этом общим моментом ответственности является то, что проявление составляющих компонентов ответственности (динамического и регуляторного) способствует контролю жизнедеятельности и контролю профессиональной деятельности руководителей образовательных учреждений. Именно ответственность является для данной профессиональной группы важным личностным качеством, связанным с успешностью профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 124 человека (97 женщин и 27 мужчин), руководители общеобразовательных учреждений разного уровня Екатеринбурга в возрасте от 25 до 65 лет, стаж работы составляет от 4 до 46 лет, стаж работы в руководящей должности от 1 года до 35 лет. Уровень образования — высший.

Для обработки полученных нами результатов была использована статистическая программа IBM SPSS Statistics 22.

Исследование ответственности выявило у 77 % руководителей образовательных учреждений высокий уровень выраженности динамической эргичности, что свидетельствует о самостоятельном выполнении профессиональных обязанностей без дополнительного контроля, основанном на опыте работы, тщательном выполнении трудных и ответственных заданий. Наличие высоких значений по данной шкале обуславливает развитие гиперответственности, порождает высокий уровень психической утомляемости и раздражительности (см. таблицу).

Уровни выраженности различных компонентов ответственности у руководителей образовательных учреждений

Компонент	Уровень выраженности, %		
	низкий	средний	высокий
Динамическая эргичность	1,9	21,1	77
Динамическая аэргичность	59,4	36,8	3,8
Социоцентрическая мотивация	0	46,2	53,8
Эгоцентрическая мотивация	57,7	36,6	5,7
Когнитивная осмысленность	0	42,4	57,6
Когнитивная осведомленность	48	38,6	13,4
Предметная результативность	1,9	40,3	57,8
Субъектная результативность	1,9	44,3	53,8
Эмоциональность стеническая	3,8	38,7	57,5
Эмоциональность астеническая	40,3	46,3	13,4
Регуляторная интернальность	1,9	25	73,1
Регуляторная экстернальность	57,6	38,6	3,8
Трудности	32,7	59,7	7,6
Искренность	32,6	48,3	19,1

Динамическая эргичность коррелирует с возрастом (0,314) и стажем (0,289) работы, что свидетельствует о ее развитии в процессе выполнения управленческих функций.

У руководителей образовательных учреждений не выражен низкий уровень социоцентрической мотивации как основы ответственности (у 46,2 % — средний уровень, 53,8 % — высокий). Такие показатели обусловлены доминированием социально значимой мотивации, желанием быть включенным в деятельность педагогического коллектива, преобладанием чувства долга и доминированием общественных интересов над личными. Вместе с тем средний уровень эгоцентрической мотивации отмечен у трети руководителей (36,6 %), что отражает их стремление выполнять ответственные дела из-за желания быть в центре внимания педагогического коллектива и быть замеченными руководителями вышестоящего уровня, желание выступить в роли благодетеля.

Высокий уровень когнитивной осмысленности у 57,6 % руководителей образовательных учреждений отражает понимание сути ответственности и целостное представление о данном профессионально важном качестве. Вместе с тем у некоторых из них наблюдается низкий уровень (48 %) когнитивной осведомленности; такие руководители опускают частные, несущественные признаки ответственности, что приводит к появлению ошибок в принятии управленческих решений.

Результаты по шкале «предметная результативность» отражают высокий уровень выраженности у 57,8 % руководителей образовательных учреждений, что свидетельствует о их самоотверженности и добросовестности при выполнении коллективных дел. Такие руководители прикладывают огромные усилия к развитию своего образовательного учреждения, формированию благоприятного имиджа во внешней среде. При этом предметная результативность обуславливает выбор привычных способов управленческой деятельности, обеспечивающих высокие результаты.

Вместе с тем руководители образовательных учреждений также демонстрируют и высокий уровень выраженности субъектной результативности (53,8 %), что связано с их личностным развитием, ответственным отношением к собственному благополучию и самореализации.

Эмоциональная стеничность у 57,5 % руководителей образовательных учреждений имеет высокий уровень выраженности, в результате этого положительные эмоции или их появление сопровождается выполнением ответственных дел. Также для руководителей образовательных учреждений характерно отсутствие отрицательных эмоций (злость, страх, обида, раздражение) в ситуациях ответственной зависимости (40,3 %). При этом только у 3,8 % респондентов в ходе реализации ответственных поручений и при неуспехе в ответственном деле наблюдается появление отрицательных эмоций.

Высокий уровень регуляторной интернальности у 73 % руководителей показывает их независимость от внешних обстоятельств при выполнении ответственных дел, т. е. ориентацию только на свое мнение, отстаивание своей точки зрения и взятие ответственности на себя (подтверждается низким уровнем регуляторной экстернальности у 57,6 %).

Рассмотрение компонента «трудности» показывает, что только для 7,6 % руководителей трудности, возникающие в процессе выполнения ответственных дел, являются существенным препятствием для их осуществления, взятие ответственности на себя является для них тяжким бременем и обуславливает проявление косвенной агрессии, раздражительности и обиды в адрес педагогического коллектива.

Сравнение качественных особенностей психологических компонентов ответственности руководителей образовательных учреждений, отличающихся стажем работы, проводилось на основе корреляционного анализа. Все респонденты были разделены на пять групп в зависимости от стажа управленческой деятельности: первая группа — до 5 лет (22 человека), вторая группа — до 10 лет (26 человек), третья группа — до 15 лет (28 человек), четвертая группа — до 20 лет (25 человек), пятая группа — свыше 20 лет (23 человека). Равномерное распределение выборочной совокупности руководителей на пять групп по стажу работы с интервалом в пять лет было обусловлено тем, что периодичность оценки эффективности деятельности всех работников системы образования связана с процедурой аттестации, проводимой не реже одного раза в 5 лет.

В группе руководителей образовательных учреждений со стажем работы до пяти лет выявлена положительная связь эргичности с регуляторной интернальностью ($r = 0,55, p < 0,05$), что свидетельствует о повышении уровня принятия ответственности при возрастании активности в реализации ответственного поведения. В мотивационно-смысловом компоненте обнаружены взаимные положительные корреляционные связи между всеми переменными. Так, социоцентричность связана с осмысленностью ($r = 0,69, p < 0,001$) и предметной результативностью ($r = 0,71, p < 0,001$), а осмысленность — с социально-значимым результатом. Чем сильнее у молодых руководителей выражены альтруистическая мотивация и понимание сущности ответственности, тем выше показатель общественно-значимой деятельности. В свою очередь, стеничность положительно связана с осмысленностью ($r = 0,68, p < 0,001$), предметной результативностью ($r = 0,61, p < 0,01$), что обуславливает положительное эмоциональное отношение молодых руководителей образовательных учреждений к выполняемой деятельности. При этом связь интернальности с предметной результативностью ($r = 0,70, p < 0,001$), социоцентричностью ($r = 0,49, p < 0,05$) и осмысленностью ($r = 0,54, p < 0,01$) показывает, что руководители, имеющие стаж управленческой деятельности до пяти лет, уже готовы принимать ответственность за свои профессиональные обязанности и мероприятия, результат которых будет иметь значения для всего педагогического коллектива. Это позволяет сделать вывод о том, что большинство молодых руководителей образовательных учреждений принимают на себя ответственность за организацию и готовы нести ответственность за принятые управленческие решения.

Среди агармонических показателей выявлена связь эгоцентрической направленности с субъектной результативностью ($r = 0,51, p < 0,05$), что свидетельствует о возникновении положительных эмоций при выполнении начинающими руководителями ответственных заданий, которые позволяют им проявить себя, продемонстрировать свой профессиональный статус.

В группе руководителей образовательных учреждений со стажем 6–10 лет выявлены положительные корреляционные связи эргичности с регуляторной интернальностью ($r = 0,42, p < 0,05$), отражающие взаимосвязь устойчивости способов реализации ответственности и волевой регуляции субъектов в процессе выполнения управленческой деятельности.

В мотивационно-смысловом компоненте ответственности руководителей образовательных учреждений данной группы выявлена положительная связь между осмысленностью и предметной результативностью ($r = 0,47, p < 0,05$), но наличие связи эгоцентрической мотивации с осведомленностью ($r = 0,41, p < 0,05$) свидетельствует о развитии эгоцентрической направленности ответственности. Руководители со стажем рассматривают демонстрацию ответственности в качестве необходимого атрибута своей профессиональной деятельности, иногда маскируя этим истинные мотивы принятия управленческих решений.

В этой группе респондентов обнаружена положительная связь между гармоническими и агармоническими переменными мотивационно-смыслового и регуляторно-динамического компонентов. Стеничность взаимосвязана с предметной ($r = 0,44, p < 0,05$) и субъектной ($r = 0,51, p < 0,01$) результативностью и осмысленностью ($r = 0,52, p < 0,01$), эргичность — с предметной результативностью ($r = 0,48, p < 0,05$), а регуляторная активность — с социоцентрической мотивацией ($r = 0,41, p < 0,05$). Эти результаты свидетельствуют о повышении уровня ответственности при повышении уровня субъективной значимости выполняемой руководителями образовательных учреждений деятельности, о стремлении выполнять профессиональные функции самостоятельно и без «давления» сверху.

Между психологическими компонентами ответственности в группе руководителей образовательных учреждений со стажем 11–15 лет нами выявлено большое количество связей между гармоническими переменными: социоцентричность связана с предметной результативностью ($r = 0,61, p < 0,01$), осмысленностью ($r = 0,51, p < 0,001$), стеничностью ($r = 0,61, p < 0,01$). При таких результатах можно констатировать, что повышение показателей осмысленности ответственности сопровождается ростом положительных эмоций в процессе выполнения управленческих функций и возрастанием ориентации на социально значимый результат деятельности.

Особенностью ответственности у данной группы руководителей образовательных учреждений является повышение ответственности в ситуациях, когда результат деятельности повышает качество образования и является лично значимым. Достижение личной ответственности становится для них важной целью, которую они активно реализуют в управленческой деятельности.

Вместе с тем у части руководителей начинает проявляться тенденция относиться к ответственности как к лишним переживаниям и заботам, а выполнение ответственных поручений порождает негативные эмоции (эгоцентрическая мотивация связана с экстернальностью ($r = 0,58, p < 0,01$), эмоциональной астеничностью ($r = 0,71, p < 0,001$), регуляторной пассивностью ($r = 0,58, p < 0,05$). Возможно, это связано с ростом усталости на фоне огромного количества требований, предъявляемых к современным руководителям и большим количеством преобразований в сфере образования.

У руководителей образовательных учреждений со стажем работы 16–20 лет уменьшается число корреляционных связей между гармоническими показателями и увеличивается число таких связей между агармоническими переменными. Среди гармонических переменных выявлены связи предметной результативности с регуляторной интернальностью ($r = 0,71, p < 0,001$) и субъектной результативностью ($r = 0,54, p < 0,05$), которые отражают возрастание значимости личного участия в деятельности педагогического коллектива, а личная ответственность воспринимается как взаимосвязанная с групповой. Регуляторная интернальность положительно связана со стеничностью ($r = 0,51, p < 0,05$) и отрицательно — с эргичностью ($r = -0,54, p < 0,05$) и эгоцентрической мотивацией ($r = -0,52, p < 0,05$): принятие ответственности на себя у руководителей происходит тогда, когда результат их деятельности является показателем их личного результата. При этом возникающее положительное отношение к ответственным ситуациям снижает поведенческую пассивность и эгоцентрическую мотивацию.

Анализ корреляционных связей у данной группы респондентов выявил связь регуляторной пассивности с осведомленностью ($r = 0,67, p < 0,01$), астеничностью ($r = 0,51, p < 0,05$), субъектной результативностью ($r = 0,48, p < 0,05$). Руководители образовательных учреждений, имеющие большой стаж управленческой деятельности, осведомлены об уровне профессиональной ответственности, и это обуславливает рост эмоциональных переживаний о том, что в случае низких результатов работы может быть нанесен ущерб их личной репутации. Как следствие, на фоне высоких требований к результату профессиональной деятельности нарастает психологическое истощение и развивается синдром эмоционального выгорания.

В группе руководителей образовательных учреждений со стажем свыше 20 лет изменяется характер связей психологических компонентов ответственности: наблюдается интеграция регуляторно-динамического и мотивационно-смыслового компонентов, определяющих активность и направленность ответственности. Большой стаж управленческой деятельности в сфере образования обуславливает возрастание социоцентрических и эгоцентрических мотивов ответственности (мотивы долга, соблюдения общепринятых правил и норм, избегания неприятных ситуаций осуждения), что обеспечивает ответственное выполнение деятельности при любых условиях и при любом личностном отношении.

Выявленная связь между динамической эргичностью и предметной результативностью ($r = 0,65, p < 0,01$), субъектной результативностью ($r = 0,58, p < 0,01$), эмоциональной стеничностью ($r = 0,61, p < 0,01$) отражает повышение тщательного выполнения ответственных заданий при направленности на общественно и лично значимый результат, что, в свою очередь, сопровождается положительными эмоциями. В результате ответственность у руководителей образовательных учреждений со стажем свыше 20 лет становится системным, интегрированным, профессионально важным качеством, обеспечивающим достижение высоких профессиональных результатов.

Однако, наряду с данной положительной тенденцией в развитии психологических компонентов ответственности, нарастают тревога, ощущение трудностей в самоорганизации своей деятельности, которые усиливаются при повышении

осведомленности о предмете ответственности и увеличивают чувство неуверенности в собственных силах. Все это делает необходимой разработку программ психологического сопровождения руководителей образовательных учреждений, имеющих большой стаж работы. Ведь сегодня руководители образовательных учреждений призваны решать сложные задачи, принимать важные решения, и цена их ошибки очень велика.

Таким образом, проведенное исследование психологических компонентов ответственности руководителей образовательных учреждений выявило специфику их взаимосвязей в зависимости от стажа управленческой деятельности, а также повышение уровня ответственности до уровня гиперответственности. Профессионально и социально ответственный руководитель образовательного учреждения осознает себя в качестве субъекта деятельности, проявляет социальную активность, инициативность, контролирует свою профессиональную деятельность и обеспечивает развитие образовательного учреждения в условиях нарастающей конкуренции.

-
1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
 2. Алферова Е. И. Ответственность как метапрофессиональное качество личности учителя : дис. ... канд. психол. наук, Екатеринбург, 2010.
 3. Борисова Е. М. О роли профессиональной деятельности в формировании личности // Психология формирования и развития личности : сб. ст. М., 1981. С. 159–177.
 4. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М. ; Воронеж, 2004.
 5. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983.
 6. Прядеин В. П. Половозрастные особенности ответственности личности. Екатеринбург, 1998.
 7. Сафин В. Ф. Самоопределение личности: теоретические и эмпирические аспекты исследования. Уфа, 2004.
 8. Сидорова Т. Н. Психологические условия воспитания социальной ответственности в раннем юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.

Рукопись поступила в редакцию 8 августа 2014 г.

УДК 159.99:1(09) + 117 + 130.3

М. Б. Благовестный

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье раскрывается связь между онтопсихологической философской концепцией и такими классиками античной философии, как Парменид и Аристотель. Демонстрируется наличие преемственности онтопсихологической теории по отношению к философским концепциям Парменида и Аристотеля. Связь онтопсихологического учения с парменидовской философией обнаруживается через понятия «единое», «бытие» и «небытие». Связи с аристотелевской метафизикой обнаруживаются главным образом через понятия «сущность», «материя», «форма», «акциденция» и др. Через рассмотрение ключевых понятий и концепций античных мыслителей указывается на существование определенной преемственности концепции Менегетти по отношению к античной философии.

Статья представляет собой набросок к историко-философскому исследованию философских истоков онтопсихологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: онтопсихология, онтопсихологическая философия, метафизика, античная философия, бытие, сущее, материя, форма, онто Ин-се.

К онтопсихологической теории сегодня проявляют значительный интерес не только психологи, — эта теория приобрела немалую популярность в бизнес-среде. Психологические и психолого-управленческие аспекты онтопсихологии изучаются активно, выходят целые сборники статей по этой теме. В то же время практически отсутствуют какие-либо исследования, посвященные историко-философским и философско-антропологическим основаниям онтопсихологии. Именно эти основания онтопсихологии вызывают интерес.

Рассуждая о началах любой философской теории или пытаясь полно изложить ее суть, мы с неизбежностью обращаемся к ее историко-философским корням. Глубже погружаясь в истоки философской теории, мы, как правило, доходим до ее античных корней, представляющихся предтечей интересующего нас образа мышления.

Так происходит не только и не столько в силу сложившейся традиции, но и по вполне понятной всем, кто занимается философией, причине: любая современная

западная философская концепция, теория, система суть продукт эволюции человеческой мысли, берущей начало в Античности.

Тем более целесообразно таким образом подходить к исследуемой теории, когда ее автор сам объявляет о своей связи с определенным философским концептом. В нашем случае именно так и происходит: создатель онтопсихологической теории Антонио Менегетти не только устанавливает прямую связь с философами, чьи идеи легли в основу его собственной концепции, но и определенно полагает основой своей теории метафизику.

На формирование онтопсихологической теории оказали влияние многие философские направления и научные идеи. Из близких по времени к самому Менегетти это психоаналитическая теория Фрейда и Юнга, феноменология Гуссерля, экзистенциализм и так называемая «третья сила» в психологии, которую представляет в первую очередь Абрахам Маслоу. Среди мыслителей более ранних периодов наибольшее влияние оказали Спиноза, Гегель и Маркс.

Тот факт, что Менегетти получил классическое католическое образование сначала в школе Францисканского ордена, в котором он состоял продолжительное время, и затем продолжил карьеру ученого в Университете Святого Фомы Аквинского, говорит об огромном влиянии на него католического мировоззрения и христианской философии, особенно схоластики.

О степени влияния на Менегетти каждого из перечисленных течений и мыслителей можно спорить. Однако целью данной статьи является рассмотрение философских основ — «начал» онтопсихологии в их связи с «началами» западной философской мысли, выявление явных и скрытых параллелей с такими ключевыми для античной и вообще западной философской традиции фигурами, как Парменид и Аристотель.

Прежде чем приступать к проведению параллелей между онтопсихологической философией и древнегреческой, следует сделать несколько предварительных замечаний, касающихся особенностей онтопсихологической концепции.

В основе онтопсихологической теории Антонио Менегетти полагает некое «элементарное знание» или «элементарную философию». Эта «элементарная философия», называемая им также «вечной философией», представляет собой «призрачный код, лежащий в основе всех элементарно-понятийных, познавательных кодов, всех моделей проявления ума, кроме всего прочего являющихся первой феноменологией самодвижения онто Ин-се» [6, 6]. Началом «элементарной философии» является метафизика. Метафизика у Менегетти совпадает с «чистой онтологией» и понимается им как «элементарная рациональность, относящаяся к бытию» [Там же, 11].

Стоит отметить, что, находя точку опоры своей философской позиции в метафизике, Менегетти соответствует духу времени. Достаточно вспомнить Хайдеггера, «вернувшего» метафизику в философский дискурс XX в.: «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие» [8].

Современник Менегетти, один из основных представителей «третьей силы» в психологии Абрахам Маслоу, в конце 60-х гг. XX в. в предисловии к первому изданию книги «На подступах к психологии бытия» пишет: «...психология бытия

явно отличается от психологии становления и психологии неполноценности, что мы увидим ниже. Я убежден, что психологи должны пойти в направлении примирения психологии бытия и становления с психологией неполноценности, то есть совершенного с несовершенным, идеального с реальным, эупсихического с реальным, вечного с бренным, психологии цели с психологией средств» [3, 6]. Онтопсихология стремится реализовать призыв Маслоу в отношении установления этой связи между «психологией бытия» и «психологией неполноценности», понимая эту связь как связь бытия (онтологии) с «погруженным» в него, переживающим и мыслящим его человеком (психологии). Отсюда вполне понятно, почему проблематика бытия, т. е. онтологическая проблематика, является основополагающей для онтопсихологической теории.

Что представляет собой онтология в понимании Менегетти? Первый тезис, им утверждаемый, — «бытие есть, небытия нет», в точности перенятый от Парменида. Это фундаментальное положение определяет специфику философских оснований онтопсихологической теории: приняв это положение «элементарной» философии, Менегетти обозначает первую точку отсчета. «Бытием», которое «есть» и которое «естина = истина», обуславливается любой акт, в том числе акт мышления, утверждающий с помощью этого «бытие есть» себя через собственное основание. В противном случае, помещая мышление вне бытия, мы превращаем его в ничто.

Вслед за первым следует второй парменидовский тезис — утверждение о тождестве бытия и мышления: «...мыслить — то же, что быть...» [7, 49]. Этот, второй тезис не менее важен для онтопсихологической философии, чем первый, так как он определяет построение онтопсихологической концепции, связывая онтологию и психологию и образуя собственно специфику онтопсихологического мировоззрения. Менегетти полагает, что развившееся в философии и затем в науке на протяжении двух тысяч лет отделение мысли, идеи от сущего приводит в конечном итоге к «отрешению человека от бытия на психологическом уровне» и необходимости совершить процесс возвращения к собственному истоку, концептуализированному онтопсихологией в понятии «онто Ин-се».

По мнению Менегетти, уже Сократ, а вслед за ним Платон и Аристотель начали «отходить от бытия», выделяя сознание и усиливая его онтологический статус.

Напомним, что, когда речь идет о соотношении бытия и мышления, Аристотель говорит вполне четко, что «быть мыслью и быть постигаемым мыслью не одно и то же» [1, 399]. Однако он указывает на одно исключение из этого правила: когда «постигаемое мыслью и ум не отличны друг от друга у того, что не имеет материи», следовательно, «они будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемой мыслью» [Там же]. Такое исключение возможно только в случае с божественным мышлением, направленным на самое себя и не «отягощенным» материей. «Единосущность между мышлением и бытием», находящая у Парменида, формирует своеобразную «точку опоры» метафизики или онтологии (а также антропологии) Менегетти: «человек в своем мышлении уже постигает реальность, потому что если мы выведем мышление за пределы реальности, всякое посредничество, направленное на постижение истины, будет абсурдным» [5, 8].

Далее бытию у Менегетти приписываются такие атрибуты, как единое, истинное и благое. Важно, что эти атрибуты и само бытие, само сущее в то же время являются взаимобратимыми понятиями. «Взаимобратимые понятия» суть тождественные друг другу понятия, если следовать логике Менегетти: «“Бытие”, “единое”, “доброе” и “истинное” обращаются друг в друга: если нечто есть, оно так же истинное, благое и единое» [4, 59]. Зачем вводить термин «взаимобратимость», когда постулируется элементарная тождественность вещей, не совсем понятно. Можно предположить, что под взаимобратимостью понимается не совсем тождественность, а скорее необходимое следование одного из другого и обратно, но подробного разъяснения у самого Менегетти на сей счет нет.

Парменид приписывал бытию свойства нерожденности и неподверженности гибели. Менегетти ограничился вышперечисленными атрибутами. Выбор именно этих атрибутов бытия скорее всего обусловлен влиянием христианско-католического мировоззрения, которое Менегетти впитал в юные годы. Однако здесь мы не будем углубляться в этот вопрос.

Менегетти использует понятия «бытие» и «сущее» как синонимичные. На этапе построения онтологии он, правда, делает некоторый акцент на трансцендентном характере понятия «бытие». Бытие трансцендентно существующему миру вещей и выступает как «субстрат, делающий возможным всякое познание и, следовательно, трансцендентный всякому познанию» [6, 8].

Понятие «сущее» в большей степени акцентирует внимание на имманентном миру вещей и явлений аспекту бытия. В построении собственной концепции он чаще употребляет термин «онтический» — относящийся к существованию. Сам Менегетти не останавливается на вопросе соотношения этих двух терминов, но чаще употребляет понятие «бытие», когда речь идет о его трансцендентных свойствах, и употребляет термин «сущее», когда говорит об имманентной «стороне» бытия.

Постулировав «естиность» бытия как основополагающий принцип философии вместе с принципом тождественности бытия мышлению, Менегетти неизбежно переходит к вопросу типологии бытия. Этот вопрос сопряжен с выработкой основополагающего категориального аппарата, завершающего процесс оформления онтологии Менегетти.

Система категорий во многом заимствована у Аристотеля. Покажем это заимствование на конкретных примерах. «Сущность», по Менегетти, — «то, согласно чему есть» нечто. Сущность «устанавливает модус, форму, типологию бытия» [Там же, 15]. Этот термин у Менегетти соотносится с бытием, описывая его свойства принимать различные формы. Этого для автора онтопсихологической теории вполне достаточно, чтобы двигаться дальше.

Аристотель, как известно, при описании действительности избегал употребления термина «бытие», вырабатывая свой терминологический аппарат. Он выстраивал более сложную и более подробную схему описания сущего. Находим у Аристотеля в трактате «О душе»: «...под сущностью мы разумеем один из родов сущего»; к сущности относятся материя, «форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто», и «то, что состоит из материи и формы»

[2, 99]. Аристотель последовательно придерживался принципа «связывания» каждого понятия в своей системе как с более общим близким понятием (сущность — сущее), так и с менее общими понятиями (сущность — форма — материя).

Далее Менегетти утверждает, что бытие может проявлять себя как субстанция или как акциденция. Эти термины, введенные в философский лексикон опять же благодаря Аристотелю, никакого отличного от классического смыслового оттенка в онтопсихологии не приобретают. Аристотель: «Сущим называется, с одной стороны, то, что существует как привходящее, с другой — то, что существует само по себе» [1, 242]. Таким образом, субстанция, или «подлежащее», — это, в понимании Менегетти, то, согласно чему вещь именно такова, какова она есть, без чего она не может быть собой. Например Ин-се человека — это субстанция; все остальные качества человека — это акциденции, привходящие свойства, делающие человека именно таким, какой он есть, но не делающие его собственно человеком.

Далее, по Менегетти, следует, что бытие может находиться на уровне актуального или потенциального. Вот тут мы встречаем важное отличие от позиции Аристотеля, на которое ранее уже было указано: Менегетти использует понятия «бытие» и «сущее» практически как синонимы, в то время как Аристотель, а за ним и все последующие европейские философы (по крайней мере «классики» европейской философии), разделяют эти понятия: «бытие и сущее означают... что одно есть в возможности, другое в действительности» [Там же, 243].

Также, не углубляясь в подробности, Менегетти говорит о бытии, что оно «может быть в положении причины или в положении следствия» [6, 15]. То же самое утверждал и Аристотель: «о некоторых вещах говорят, что они нечто предшествующее и последующее...» [1, 247], но давал довольно подробные комментарии о разных вариациях того, как реализуются отношения причинности и следования.

Следующий пример вновь демонстрирует схожесть основных тезисов Менегетти и положений метафизики Аристотеля, но одновременно служит прекрасной иллюстрацией ключевого отличия этих онтологических построений. В свойственной Менегетти манере высказываться тезисно, опуская развернутое толкование собственных изречений, одним предложением формулируется структура соотношения основных онтологических категорий: «После того как бытие случается как сущность в существовании и становлении, оно приобретает акциденции, атрибуты, вторичные модусы» [6, 16]. Так устанавливается связь между трансцендентным бытием и существующей действительностью.

У Аристотеля мы находим: «Бытие же само по себе приписывается всему тому, что обозначается через формы категориального высказывания, ибо сколькими способами делаются эти высказывания, в стольких же смыслах обозначается бытие. А так как одни высказывания обозначают суть вещи, другие — качество, иные — количество, иные — отношение, иные — действие или претерпевание, иные — “где”, иные — “когда”, то сообразно с каждым из них те же значения имеет и бытие» [1, 243]. Вот тут-то и обнаруживается основное отличие аристотелевской онтологии от взглядов Менегетти. Если первый занимается построением логики (свода рациональных правил) высказываний о мире, отделяя тем самым мышление (высказывание) о реальности от самой реальности, то второй, опираясь

на принцип тождества бытия и мышления, стремится описать логику реальности максимально соответствующими ей словоформами. У Аристотеля форма может быть отделена от содержания, но для Менегетти в этом разделении отсутствует всякий смысл.

Познания истины, по Менегетти, заключается в познании «последних причин» или «первоначал» [4, 44], а в Первой книге «Метафизики» Аристотеля находим: «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем о каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая причина» [1, 160].

Аристотель в процессе поиска первоначал приходит к идее перводвигателя: «нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность» [Там же, 393], который у него тождествен Богу. Атрибуты аристотелевского первоначала в основном совпадают с упомянутыми выше атрибутами бытия, приписываемыми ему Менегетти [Там же, 394]. Синтезируя собственную онтологию, Менегетти формулирует понятие Первопричины, которая «суть Бытие, через себя самостоятельно существующее» и производящее «множественные следствия», «бытие или другие причины» [6, 79], добавив к описанию аристотелевского «перводвигателя» только схоластическую по духу формулировку: «через себя самостоятельно существующее».

Даже в процессе изложения главных для философии Менегетти философско-антропологических вопросов, таких как вопросы о природе и сущности человека, им нередко используются аристотелевские онтологические построения. Так, сущность человека, по Менегетти, имеет составной характер: состоит из материи-тела и души, которая здесь не называется «формой», а называется «началом», но логически совершенно безошибочно может быть идентифицирована как «форма». Ведь к сущности, по Аристотелю, относятся материя, форма и «то, что состоит из материи и формы», а «душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью» [2, 99]. Таким образом, несмотря на то, что в общем и целом антропология Менегетти, конечно, отлична от аристотелевской, но в некоторых своих основаниях, или «началах», она перенята у великого классика.

Добавим также явное заимствование Менегетти у Аристотеля основополагающих принципов гносеологии. Достаточные доказательства этого — принятие им принципа непротиворечия в его классической форме: «одна и та же вещь не может одновременно быть такой и другой, не может быть и не быть: либо она есть, либо ее нет» [6, 142]; признание этого принципа «первой логикой» и «первым инструментом критики», даже «самым мощным аргументом, которым обладает человеческая рациональность как силовым приемом в доказательстве» [Там же].

Мы не будем в данной статье разбирать этические аспекты онтопсихологического учения и его связи с античной философией, но отметим, что и в изложении собственной этики Менегетти периодически ссылается на Аристотеля, например при типологизации основных человеческих пороков [Там же, 168].

Итак, в процессе построения онтологического «фундамента» для онтопсихологической теории Менегетти регулярно апеллирует к некоей «вечной философии»,

универсальному коду, несущему основные знания о мире и человеке (онтология или метафизика) и основные принципы, законы познания (теория познания или логика). Эти основные знания и принципы иначе можно назвать «началами» всякого последующего знания. В части онтологии Менегетти отталкивается от Парменида и далее выстраивает метафизическую концепцию, по форме и по содержанию базирующуюся на метафизике Аристотеля. В части гносеологии Менегетти принимает базовые принципы аристотелевской логики. В этике, хотя и в значительно меньшей степени, чем в онтологии и логике, им также используются некоторые аристотелевские классификации.

Другими словами, высказываясь о бытии или сущем, Менегетти не столько занимается высказыванием о бытии или сущем, как это делали, начиная с Сократа, большинство философов до него, сколько самим бытием или сущим, и обязательно человеческим.

В качестве выводов о преемственности онтопсихологической философии по отношению к античной, во всяком случае по отношению к двум конкретным обсуждаемым фигурам, можно утверждать, что оно имеет место быть. Философские основания онтопсихологии берут начало главным образом от Парменида и классической метафизики Аристотеля.

В процессе анализа связей менегеттиевской теории с античными мыслителями обнаруживаются некоторые особенности стиля изложения мыслей, характерного для Менегетти.

Первое — это неразъясненность многих тезисов, простое бездоказательное их утверждение. Это объясняется отчасти тем, что Менегетти преследует цель не построения теоретической системы, надежно защищенной доказательствами, а скорее практической философии, ориентированной на реализацию целей онтопсихологической практики.

Второе — это «радикальная антропологичность» теории Менегетти. В онтопсихологии все подчинено человеку как главной ценности и конечной цели философии и науки. Доказательства тезисов, носящих чисто теоретический, отвлеченный характер, но прямо не затрагивающих антропологическую проблематику, отходят на второй или даже на третий план. Менегетти интересует не бытие само по себе, но бытие человека в мире и с другими людьми: «Бытие обнаруживает себя в антропоцентрическом понимании» [5, 9]. Такую «радикально-антропологическую» позицию можно сравнить с Сильным антропным принципом в современной теоретической физике, но это тема отдельного исследования.

Тесно связана с «радикальной антропологичностью» и третья особенность философского стиля Менегетти: все теоретические системы, в том числе платоновская и аристотелевская, какое бы значение для онтопсихологической теории они ни имели, носят вспомогательный характер, подчиненный практическим целям онтопсихологии. Потому они могут быть использованы произвольно, т. е. могут не быть синтезированными вместе с онтопсихологическим учением в единую, логически стройную систему.

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч. Калининград, 2002. С. 544.
2. *Аристотель*. О душе // Там же.
3. *Маслоу А.* На подступах к психологии бытия. М. ; Киев, 1997. С. 157.
4. *Менегетти А.* Интеллект и Личность. М., 2006. С. 224.
5. *Менегетти А.* Онтопсихологическая философия М., 2007. С. 310.
6. *Менегетти А.* Основы философии. М., 2007. С. 268.
7. *Парменид*. О природе // Антология античной философии. М., 2001. С. 415.
8. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? [Электронный ресурс]. URL: <http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm> (дата обращения: 20.11.2014).

Рукопись поступила в редакцию 27 ноября 2014 г.

УДК 27-75 + 27-732-3

Б. В. Емельянов

СВЕЧА ПАМЯТИ АВВЫ МАРКА К 150-летию М. А. Новоселова

Статья посвящена жизни и творчеству известного русского религиозного просветителя М. А. Новоселова, создателя одной из первых толстовских земледельческих коммун, издателя «Религиозной философской библиотеки», руководителя кружка ищущих христианского просвещения, деятеля «катакомбной» церкви.

К л ю ч е в ы е с л о в а: толстовство, христианское просвещение, православие, церковь, Синод, имяславие, «письма к друзьям».

Рубеж XIX–XX вв., удачно названный Серебряным веком русской культуры, богат выдающимися личностями, многие из которых определили векторы ее развития каждый в своей области. Когда будет издана «Энциклопедия культуры Серебряного века», достойное место в ней займет духовный писатель, публицист и издатель Михаил Александрович Новоселов, которому 13 июля 2014 г. исполнилось 150 лет со дня рождения. Жизнь и труды Новоселова всецело были отданы «ищущим христианского просвещения», а драматические повороты судьбы связаны с защитой истин христианской веры. Жизнь к тому же подарила ему знакомство и общение с выдающимися мыслителями его времени.

Первым из них был Лев Николаевич Толстой. Не без влияния отца, лично знавшего Толстого и почитавшего его, Новоселов с детских лет был знаком с писателем, в студенческие годы увлекся его идеями и после окончания историко-филологического факультета Московского университета в 1887 г. решил получить медицинское образование и стать сельским врачом, считая, что на этом поприще он принесет наибольшую пользу. Отец воспротивился такому намерению, и тогда Новоселов решил уехать в деревню, подготовиться к поступлению в учительскую семинарию, чтобы преподавать в одной из сельских школ. О своих планах на будущую жизнь он написал 9 октября 1886 г. первое письмо Л. Н. Толстому. В нем он сообщал: «В деревне я занимаюсь так. Готовлюсь к своей будущей педагогической

деятельности, прочитывая и обдумывая то, что придется внедрять в молодые умы мне, как учителю русского языка и истории... Мне хотелось бы, чтобы прошлая жизнь человечества дала юношам понятие о людях и их поступках со стороны их приближения или удаления от учения Христова. Может быть, мысль эта покажется и Вам странной и наивной, но я серьезно остановился на ней и пока не вижу ничего, чем бы мог заменить ее» [9, 383]. Отвечая Новоселову, Толстой писал: «Деятельность, избранная вами, и та, которая должна выйти из быта вашей веры и других сил, действующих на нее, деятельность хорошая, т. е. такая, как и всякая не прямо злая, в которой можно служить Богу, т. е. истине» [12, 391]. Сохранились и другие письма Новоселова к Толстому, 17 из них опубликованы [7, 382–423]. В одном из первых его писем из деревни Новоселов бросает упрек «учителю жизни» в том, что многие советы писателя расходятся с жизнью. Толстой соглашается с ним, а фразу из письма «не могу молчать, не хочу молчать и не должен молчать» использует в качестве заголовка своей знаменитой статьи против смертной казни.

Из писем Новоселова мы узнаем также, что он помогает Толстому — переписывает и проверяет готовящееся к печати «Соединение и перевод четырех Евангелий», издает на гектографе запрещенную цензурой брошюру писателя «Николай Палкин». За нее-то 27 декабря 1887 г. жандармы арестовали Новоселова и посадили в тюрьму. Только личное вмешательство Толстого облегчило его участь: в начале февраля 1888 г. Новоселова освободили, запретив жить в столицах.

После смерти отца у него появилась небольшая сума денег, на которую он покупает землю в селе Дугино Тверской губернии, где с товарищами организует одну из первых толстовских земледельческих общин. Существование ее было недолгим, поскольку буквально следовать идее Толстого жить на земле лишь трудами своих рук было непосильно трудно, а помощь крестьянам наталкивалась на их непонимание. К тому же на деятельность общины подозрительно стало смотреть местное начальство, особенно после анонимной статьи в «Петербургском листке» (1891. № 243) под названием «Новая секта “Порховцы”». И хотя Толстой в своих письмах и при личной встрече поддерживал Новоселова и его товарищей, община прекратила свое существование. Постепенно и сам Толстой приходит к мысли о бесперспективности подобных земледельческих общин, написав в одном из писем: «Собираться в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей я считаю не только невозможным (недостаточно еще привыкли к самоотвержению люди, чтобы ужиться в таком тесном единении, как это показал опыт), но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир» [13, 133].

Последним общим делом толстовских общин была помощь под руководством Толстого голодающим в Рязанской губернии в 1891–1892 гг. К этому времени наметилось неприятие Новоселовым многих идей своего учителя и критика их. Он не соглашался с толстовским отрицанием божественной сущности Христа и его критикой церкви. Признав и высоко оценив заслуги Толстого перед религиозной мыслью, он написал в первом выпуске «Религиозно-философской библиотеки»: «Как ни однобоко почти все, что вещал нам Толстой, но оно, это однобокое, было нужно, так как мы — православные — забыли эту, подчеркнутую им, сторону

Христову учения или по крайней мере лениво к ней относились. Призыв Толстого к целомудрию (тоже, правда, однобокому), воздержанию, простоте жизни, служению простому народу и к “жизни в вере” вообще был весьма своевременным и действительным.

И мы должны, отвергнув все неправое в его писаниях, принять к сведению и, главное, к исполнению то доброе, что он выдвигал в Евангелии в укор нам, а вместе с тем должны показать, что истинное разумение, а тем более достижение нравственного идеала Евангелия возможно только при условии правой веры, т. е. в Церкви» [8, 59]. Особенно резко Новоселов выступил против Толстого, критикуя многие положения его ответа Синоду на отлучение его от церкви, обнаруженную в нем подмену Живого Бога Церкви «неведомым, безличным началом, столь чуждым душе человеческой». Свою критику он опубликовал в «Открытом письме графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода» (Вышний Волочек, 1902). Пути Толстого и Новоселова на этом разошлись, но доброжелательное отношение друг к другу осталось. Известно, например, что выпуски новоселовской «Религиозно-философской библиотеки» интересовали Толстого, они были последними книгами, которые он читал за несколько дней до смерти.

В 900-е гг. Новоселов сближается с Иоанном Кронштадтским, оптинскими старцами и Алексием — старцем Зосимовой пустыни. Крепнет его дружба с Вл. Соловьевым, который незадолго до смерти дарит ему книгу «Откровенные рассказы странника духовному отцу». В своей книге «Забывтый путь опытного Богопознания» Новоселов приводит последний разговор с философом: «На мой вопрос: Что самое важное и нужное для человека? — он отвечал: Быть *возможно чаще* с Господом!; если можно *всегда* быть с Ним, — прибавил он, помолчав несколько секунд» [Там же, 34].

Новоселов становится непрременным участником «Московского религиозно-философского общества Владимира Соловьева» (1905–1917) и петербургских «Религиозно-философских собраний» (1901–1903), неизменно выступая в защиту церкви. В протоколах собраний, например, зафиксированы несколько его выступлений и один доклад о христианском браке, в котором он с точки зрения христианской апологетики сравнивал брак и безбрачие: «Церковь говорит: брак хорош, безбрачие лучше. Но какой брак хорош? Брак, в который вступают люди для удобнейшего служения Богу. Но какое безбрачие лучше? Которое поставляет целью теснейшее соединение с Господом. В безбрачии последнее достигается с большим успехом, но не всеми. Для других брачная жизнь является более спасительной — по разным причинам: по большей страстности, по меньшей ревности духовной, по крестоношению, которое брак налагает на избегающих креста и проч. Во всяком положении цель одна — приближение к Богу» [6, 274]. Не всем нравилась такая позиция Новоселова. Д. С. Мережковский, например, на этот доклад бросил реплику: «Мы сейчас слушали проповедь, обращенную к неверующим, от человека, который убежден в том, что он обладает истиной... Скучно слушать проповеди» [Там же, 278–279].

С 1902 г. начинается издательская деятельность Новоселова. Первой в Вышнем Волочке он выпустил свою книгу «Забывтый путь опытного Богопознания

(в связи с вопросом о характере православия)», в которой поясняет: «Идя навстречу пробуждающемуся в нашем обществе интересу к вопросам религиозно-философского характера, группа лиц, связанных между собою христианским единомыслием, приступила к изданию под общим названием “Религиозно-философской библиотеки” ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы» [8, 69]. Всего в Вышнем Волочке, Москве и Сергиевом Посаде было выпущено 39 книг, четыре из которых принадлежали перу самого Новоселова. Это помимо первой книги «Забывтый путь опытного Богопознания» (1902), книг «Из разговоров о войне» (1904), «Психологическое оправдание христианства» и «Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения» (обе 1912). Кроме книг самой «Библиотеки» Новоселов под ее грифом издавал другие издания (их было около 20) и две серии «Листков Религиозно-философской библиотеки»: «Семена Царства Божия» и «Русская религиозная мысль» (их было более 80). Русская общественность, особенно церковная, в выступлениях, письмах, воспоминаниях издательскую деятельность Новоселова-просветителя оценивает неизменно высоко.

Большой популярностью пользовался «Кружок ищущих христианского просвещения», чьи заседания начались в 1905 г. Его учредителями помимо самого Новоселова были Ф. Д. Самарин, В. А. Кожевников, Н. Н. Мамонов, П. Б. Мансуров. На его занятиях помимо православных богословов и священников присутствовали известные религиозные философы П. А. Флоренский, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков и др. Заседания проходили в квартире Новоселова, а когда число присутствующих было большим (иногда до 60 человек), кружковцы собирались в доме доктора А. А. Кириллова.

Свои заседания в Москве одновременно проводило Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева. Это было своеобразное противостояние разных подходов к решению религиозных проблем. Кружок Новоселова в своей деятельности тяготел к православному традиционализму, его члены были «внутри церковных стен». С. Н. Булгаков в своих автобиографических заметках так описывал мировоззренческую позицию («задание») кружка: «Культурный консерватизм, почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию, — таково было это задание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено. Впрочем, про себя лично скажу, что хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом (как он ни слаб был в России), исповедовал почвенность, однако в глубине души никогда не мог бы слиться с этим слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Д. Ф. Самариним, И. В. Мансуровым, М. А. Новоселовым, В. А. Кожевниковым и др. я дружил и лично). Меня разделяло общее ощущение мира и истории, какой-то внутренний апокалипсис, однажды и навсегда воспринятый душой, как самое интимное обетование и мечта. Русские почвенники были культурные консерваторы, хранители и чтители священного предания, они были живым отрицанием *нигилизма*, но они не были его преодолением, не были потому, что сами они были, в сущности, духовно сыты и никуда не порывались

души их, никуда не стремились. Они жили прошлым, если только не в прошлом. Их истина была в том, что прошлое *есть* настоящее, но настоящее-то не есть только будущее, которое есть выявление прошлого через настоящее в будущем, т. е. *только* прошлое, а будущее, как новое рождение» [4, 334].

А Н. С. Арсеньев, сравнивая духовную направленность заседаний общества и кружка, писал: «Там, в соловьевском обществе, была еще некая мешанина и некая периферичность, иногда даже хаотичность и соблазнительность духовных исканий, некая, может быть, подготовительная работа, подготовительная фаза, во всяком случае, несомненное разрыхление духовной почвы (при всех сомнительных и отрицательных сторонах). Здесь, в корниловском кружке, была крепкая укорененность в жизни церкви, при всей широте научного кругозора и подхода, и просветленная трезвость, проникавшая всю работу. Это была духовная лаборатория, там — шумная арена» [1, 306–307]. Синод и Московская духовная академия высоко оценили деятельность кружка, избрав с 1912 г. М. А. Новоселова, Ф. Д. Самарина и В. А. Кожевникова почетными членами Московской духовной академии.

Это была как бы одна сторона медали, но была и другая сторона — своеобразная, не открытая оппозиция Синоду, его бюрократизму, отсутствию понимания непосредственных задач жизнедеятельности церкви. Наиболее сильно критика и даже противостояние Новоселова и его сторонников по отношению к синодальной власти до революции проявились дважды: в критике Распутина и в деле имяславия.

В своих выступлениях против возвышения и все более усиливающегося влияния Распутина на царскую семью Новоселов поддержал духовника императрицы епископа Феофана (Быстрова). Как вспоминал С. Н. Булгаков, еще в 1907 г. Новоселов выразил «сомнения в мистической доброкачественности этого совершенного особого человека... О Распутине заговорили несколько лет спустя, и тогда же М. А. Н[овоселов], со свойственной ему ревностью о вере, начал собирать материалы о нем и готовить печатное его обличение, однако задержанное полицией» [4, 339]. В марте 1910 г. Михаил Александрович публикует две статьи: «Духовный гастролер Григорий Распутин» (Московские ведомости. 1910. № 49) и «Еще нечто о Григории Распутине» (Московские ведомости. 1910. № 72), в которых впервые публично протестовал против «синодальных иерархов», намеревавшихся возвести Распутина в сан священника. Замечу, что он наверняка знал, что за решением Синода стоит сам царь.

Кроме Новоселова против Распутина и решения Синода выступили епископ Гермоген и иеромонах Илиодор, потребовавшие от Распутина удалиться от царской семьи. На эти выступления незамедлительно последовали санкции: в январе 1912 г. Гермоген был уволен от присутствия в Синоде, ему приказали удалиться в Жировицкий монастырь, а Илиодора сослали во Флорцеву пустынь. За них заступились Новоселов и его ближайшие друзья В. Кожевников, А. Корнилов, Д. Хомяков и др., поместившие в газете «Московские ведомости» 24 января 1912 г. статью «Св. Синод и епископ Гермоген. Голос мирян», в которой Синод обвинялся в попустительстве «к названному Григорию Распутину». Одновременно,

в этот же день, уже сам М. Новоселов в газете «Голос Москвы» напечатал «Голос православного мирянина (Письмо в редакцию)», в которой повторил обвинение в адрес Синода. За эту публикацию Московский генерал-губернатор приостановил печатание «Голоса Москвы» и газеты «Вечернее время», перепечатавшей это письмо, на семь дней. На следующий день в Государственной думе произошли дебаты вокруг «непогрешимости» Распутина и его недоступности для критики, а по поводу приостановки этих двух газет был сделан запрос в МВД. Сам же Новоселов собрал свои выступления против Распутина и опубликовал их в книге «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), печатание которой вначале приостановили, а затем тираж вообще конфисковали. Но и печатные, и машинописные копии книги в обществе имели широкое хождение. Синод вынужден был защищаться от «зарвавшихся москвичей» и опубликовал 25 февраля 1912 г. в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» (№ 8) письмо, в котором объяснялась «вина» Гермогена, а «москвичи», т. е. кружок Новоселова, критиковались за «суд над церковною властью».

В следующем, 1913 г. возник спор о почитании Имени Божия. Начало ему положила книга иеросхимонаха Илариона «На горах Кавказа», изданная в 1907 г. В ней он утверждает божественное присутствие в молитве и заявляет: «В Имени Божиим присутствует Сам Бог — всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами» [11, 16]. Подобное утверждение не «открытие» Илариона. Оно восходит к традициям афонских исихастов XII–XIX вв., возглавляемых иеромонахом Антонием (Булатовичем), который говорил: «Имя Бога и есть Бог». Вокруг этого утверждения разгорелся спор: сторонники Илариона называли себя «имяславцами», противники — «имяборцами». Те и другие считали, что они борются за чистоту православия. Синод же посчитал имяславцев еретиками; более 200 из них под именем «имябожников» были расселены под строгий надзор по отдаленным монастырям России.

Специального богословского обсуждения проблем имяславия, кроме выступлений архиепископа Антония (Храповецкого) и архиепископа Никона (Рождественского), не было. Несмотря на это, 18 мая 1913 г. было опубликовано синодальное послание, указывающее, что «Имя Божие есть только имя, а не Сам Бог и не свойство, название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо ни Богом... ни Божеством» [10, 27]. Новоселов называл это постановление «глубочайшим отступлением от православного мудрования». Члены кружка христианского просвещения посчитали необходимым оценить спор об имени Божиим не только как богословский, но и как философский. Сам М. А. Новоселов по проблемам имяславия публично не выступал, а был своеобразным координатором развернувшейся дискуссии, организовывая выступление своих сторонников по защите имяславия, подготавливая необходимые тексты, печатая произведения имяславцев. В изданиях «Религиозно-философской библиотеки» им были опубликованы несколько книг: «Материалы к спору о почитании Имени Божия» (М., 1913), «“Апология” о. Антония (Булатовича)» (М., 1913), «Разбор Послания Святейшего Синода об Имени Божиим» В. Ф. Эрн (М., 1917), последняя выдержала два издания. Идеи имяславия помимо Новоселова

поддерживали П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, А. Ф. Лосев, посвятившие ряд своих работ имяславию, проблеме имени, его энергичности.

После революции деятельность М. А. Новоселова как активного деятеля духовного просвещения не прекратилась. На его квартире в апреле — июне 1918 г. с благословения патриарха Тихона действовали Богословские курсы. Лекции на них читали члены кружка. Сам Новоселов провел несколько занятий и прочитал цикл лекций «Вера и Церковь». В ноябре 1919 г. он перебирается в Данилов монастырь.

О его жизни в монастыре осталось мало свидетельств. Из двух писем П. А. Флоренскому и большого письма П. Б. Мансурову, которое считается первым из дошедших до нас «писем к друзьям», известно, что его по-прежнему волнуют проблемы имяславия. Новоселов считает, что «имяборческая стихия отравила нашу богословскую школу, нашу иерархию, наше пастырство и, естественно, отравляет все церковное общество. Плоды отравления у всех на глазах. Чтобы не ходить далеко вглубь России, достаточно посмотреть, что делается в ее “сердце”, в Москве. Ведь только слепой или зрячий, у которого лежит покрывало на очах, не видит того растления, которое проникло в нашу церковную жизнь, и которое является плодом *давнишнего практического имяборчества*, в последнее время Святейшим и Патриаршим Синодами закрепленного *теоретически, в учении*» [2, 84].

В Даниловом монастыре Новоселов принимает под именем Марка монашеский постриг. Правда, документально это важное событие в его жизни подтверждения не имеет, однако имя Марка в последующем, как активного деятеля так называемой «катакомбной церкви», упоминается часто. Нет документальных свидетельств о его тайном посвящении в 1923 г. в сан епископа Сергиевского, которое, возможно совершили архиепископы Феодор (Поздеевский) и Арсений (Жадановский), епископ Серафим (Звездинский).

В первые годы советской власти М. А. Новоселов заявил себя активным сторонником противостояния большевикам в деле защиты православной церкви. Как член Временного совета Объединенных приходов Москвы, он вместе с другими членами совета подписал воззвание к верующим, требующее защитить имущество православных храмов от разграбления большевиками. Выступил Новоселов и против так называемых «обновленцев», приспособливающих церковь к требованиям новой власти. Эта непримиримая позиция Новоселова по отношению к деяниям большевиков не прошла мимо ГПУ. 11 июля 1922 г. его пытались арестовать в собственной квартире. Чекисты провели обыск, изъяли его бумаги и письма к нему, но самого Новоселова арестовать не смогли, так как он находился в отъезде. С этого момента он перешел на нелегальное положение, не прекращая, однако, работать на ниве духовного просвещения, о чем свидетельствуют его «Письма к друзьям», написанные между 1922 и 1927 гг. Прямых адресатов у них нет; они, судя по их содержанию, предназначались для распространения среди верующих. Письма эти переписывались, перепечатывались на пишущей машинке и имели широкое хождение. Впервые некоторые из них были напечатаны в Париже и России в 90-е гг., а полностью все 20 писем — в 1994 г.

Новоселовские «Письма к друзьям» — это заинтересованный разбор животрепещущих проблем православия и его церкви. Их тематика различна, но неизменным остается поиск решения этих проблем, связанных либо с «живой церковью» (письмо 1, 2), либо с догматикой церковной жизни — таинством молитвы (письма 3 и 4), сущностью православия (письмо 11), таинством крещения, покаяния, евхаристии (письмо 16). В некоторых письмах Новоселов критикует католическое учение о непререкаемом авторитете церкви (письма 11–14). Во многих письмах представлен углубленный разбор размышлений о вере и церкви различных мыслителей — Д. А. Хилкова (письмо 5), В. В. Розанова (письмо 7), Ю. А. Калетина (письмо 11), Ю. Самарина и А. С. Хомякова (письмо 12), И. Бренчанинова (письмо 19), Н. И. Щеголева (письмо 20). Во многих письмах М. А. Новоселов живописует жизнь и служение вере и церкви святых Григория Паламы (письмо 12), Феодора Студита (письмо 13), Максима Исповедника (письмо 14). А письмо 18 целиком посвящено деяниям Святых Отцов.

Наибольший религиозно-философский интерес, на мой взгляд, представляют письма, в которых Новоселов размышляет о конечных судьбах мира и церкви, особенно те, в которых он с болью говорит о тех бедах, которые испытывает православная церковь под гнетом советской власти: осквернение мощей, разрушение храмов, преследование священников (письма 6–10). Этой теме посвящено и последнее, 20-е письмо Новоселова — своеобразный гимн церкви и надежда, что бескорыстное служение ей сделает церковь непобедимой в борьбе со злом мира.

В конце 1928 г. М. А. Новоселова арестовали, и по известной статье 58-10 как одного из организаторов церковно-монархической организации «Истинное православие» 17 мая 1929 г. он был осужден на 3 года. Этот срок он отбывал в Ярославском политизоляторе. По этому же делу в 1930 г. был арестован и осужден А. Ф. Лосев. ОГПУ этого показалось мало: 12 сентября 1931 г. Новоселов был осужден и получил новый срок — 8 лет тюремного заключения, а затем за контрреволюционную деятельность к ним 7 февраля 1937 г. были добавлены еще 3 года. В том же 1937 г. Новоселова перевели в Вологодскую тюрьму, где 17 января 1938 г. приговорили к высшей мере наказания. Документ («Справка по делу заключенного М. А. Новоселова (Вологодская тюрьма)») в настоящее время опубликован: «Новоселов М. А. 1864 г. будучи враждебно настроен к Советской Власти и к ВКП(б) и Правительству и проводимым ими мероприятиям, систематически проводил контрреволюционную пропаганду среди окружающих, за что Особым Совещанием при коллегии б. ОГПУ 17 мая 1929 г. по ст. 58-10 ч. I У.К. РСФСР осужден на 3 года. 13 сентября 1931 г. Новоселов Коллегией ОГПУ за преступления, предусмотренные ст. 58-11 У.К., вторично осужден к лишению свободы на 8 лет. 7 февраля 1937 г. Новоселов Особым Совещанием при Коллегии НКВД СССР за контрреволюционную деятельность 3-й раз осужден к тюремному заключению на 3 года.

В Вологодскую тюрьму Новоселов прибыл 29.06.1937 г. Находясь в камере № 46, систематически среди сокамерников распространял клеветнические сведения по адресу рук. ВКП(б) и Советского Правительства с целью вызвать

недовольство и организованные действия против установленных тюремных правил и [продолжение] борьбы в условиях тюрьмы.

Заседание 3-ойки по делу Новоселова Михаила Александровича 17 января 1938 г. «Расстрелять» [2, 263]. Так закончился жизненный путь этого удивительного подвижника религиозного просвещения.

Современники М. А. Новоселова, не только те, кто работал с ним на ниве духовного просвещения, разделяя его усилия в борьбе с бюрократизацией Синода, но и те, кто порой не разделял некоторых его взглядов, неизменно подчеркивали духовную чистоту его помыслов, бескорыстное служение православию и его церкви. Вот лишь некоторые из их характеристик Новоселова:

— Н. А. Бердяев в книге «Самопознание»: «По-своему М. Новоселов был замечательный человек (не знаю, жив ли он еще). Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всегда хотел обращаться. Он производил впечатление монаха в тайном постриге» [3, 184];

— В. А. Кожевников в письме к В. В. Розанову 10 ноября 1915 г.: «прямолинеен и непоколебим, весь на пути святоотеческом, и смолисто-ароматных цветов любезной пустыни и фимиама “дыма кадильного” ни на какие пышные орхидеи, ни на какие пленительные благовония царства грез не променяет; а вне “царского”, святоотеческого пути для него все остальные сферы — царство грез, и их горизонт, глубина и прелесть — только “прелесть” (в аскетическом смысле)!» [5, 94].

Новоселов, как видим, был в полном смысле духовный просветитель на ниве религиозного просвещения. Таким он и вошел в историю русской религиозной мысли.

1. *Арсеньев Н. С.* О московских религиозно-философских литературных кружках и собраниях начала XX века // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993.

2. Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Томск, 1998.

3. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Л., 1991.

4. *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М., 1996.

5. Вестник РХД. 1984. № 143.

6. Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1902–1903). СПб., 1906.

7. Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1994.

8. *Новоселов М. А.* Забытый путь опытного богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии). Вышний Волочек, 1902.

9. Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому // Минувшее. Вып. 15.

10. Сборник документов, относящихся к афонской иконобожнической смуте. Пг., 1916.

11. *Схимонах Иларион.* На горах Кавказа. Изд. 3. Киев, 1912.

12. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1953. Т. 63.

13. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1953. Т. 68.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 117:111.12 + 111.11 + 118

Д. В. Пивоваров

КАТЕГОРИЯ МАТЕРИИ

Лекция

В лекции обсуждается одна из центральных философских проблем — онтология материи. Кратко рассмотрены современные естественно-научные представления о многообразии форм материи (о веществе, поле, виртуальном вакууме и пр.). Определена суть философского материализма. Изложена историческая последовательность появления дефиниций материи как всеобщего субстрата, субстанции и объективной реальности. Определено соотношение категорий материи, формы и содержания.

Ключевые слова: вещество, поле, всеобщий субстрат, энтелехия, форма, содержание, субстанция, материя как объективная реальность.

В понятии материи (от лат. *materia* — материал, вещество; греч. аналог — ὕλη (*hyle, хюле*) — лес, деревья, строительное сырье, ил, а также греч. *хора* — «почти небытие», по Платону) выделяют следующие альтернативные смыслы:

1) в субстанциальном аспекте — то беспредельное (или чистая возможность), из чего возникают и становятся любые определенности, вещи и качества; первичный бесформенный хаос; материнское начало мира;

2) в субстратном плане — это либо предельно пластичное и элементарное строительное сырье (условно сопоставимое с глиной, прахом, илом, водой, лесом, стихиями, кирпичами), либо относительно элементарная и протяженная часть того или иного уровня мироздания (элементарные частицы, атомы, молекулы, белковые тела и пр.);

3) в феноменальном смысле — совокупность оформленных и пространственно ограниченных объектов, твердость, упругость, непроницаемость и сопротивляемость которых внешним воздействиям обнаруживается органами чувств субъекта и запечатлевается в восприятиях; объективная реальность, независимая от человеческого сознания и данная человеку в его внешних ощущениях;

4) в восточно-мистическом смысле — майя, источник иллюзии, средство маскировки Абсолюта (Брахмана) от людей и иных существ.

Естествознание о многообразии форм материи

Нередко физики без достаточных оснований исключают из всеобщего понятия материи органические и социальные компоненты, отождествляя «материю» с неорганическим измерением мира — с суммой физических веществ и полей. «С этой упрощенной точки зрения, — писал С. И. Вавилов, — мир, вселенная, является бесконечным повторением в огромном количестве экземпляров одних и тех же явлений. <...> Едва ли можно представлять себе мир огромным складом одинаковых объектов. Такой мир в своем однообразии нетерпим...» [3, 111, 112]. Говоря о развитии космоса, ученые прежде всего обращают внимание на его расширение, изменение его температуры и плотности. По современным представлениям, расширение Вселенной началось примерно 15–20 млрд лет тому назад из точки сингулярности в результате Большого взрыва.

В. С. Степин следующим образом резюмирует эти представления. Вначале Вселенная была горячей и очень плотной, но по мере ее расширения она охлаждалась, и ее остывающее вещество конденсировалось в галактики. Затем галактики разбивались на звезды, собирались вместе, образуя большие скопления. В процессе рождения и умирания первых поколений звезд происходило синтезирование тяжелых элементов. После превращения звезд в красные гиганты они выбрасывали вещество, конденсирующееся в пылевых структурах. Из газовой-пылевой облаков образовывались новые звезды и возникало многообразие космических тел [11]. Считается, что каждая вещь в нашем мире образуется из фермионов (т. е. из шести кварков и шести лептонов), а также из четырех типов взаимодействий, которые происходят путем обмена частиц материи с бозонами. Электромагнитное поле — взаимодействие на основе фотонов; есть особые бозоны для сильного и слабого взаимодействия; за гравитационное взаимодействие, вероятно, отвечает бозон Хиггса.

Таким образом, говоря о материи в целом, современная наука имеет в виду следующие основные типы материальных систем и соответствующие им структурные уровни материи: элементарные частицы и поля, атомы, молекулы, микроскопические тела различных размеров, геологические системы, планеты, звезды, внутrigалактические системы, галактика, системы галактик; особые типы материальных систем — живая материя (совокупность организмов, способных к самовоспроизводству) и социально-организованная материя (общество). По нынешним представлениям, «фундамент материи», т. е. физическая форма материи, имеет следующие разновидности: вещество, поле, свет, виртуальный вакуум, «темная материя» и мировой эфир.

В физике и химии под *веществом* понимают совокупность химических атомов и «элементарных» частиц, составляющих атомы. Встречаются четыре состояния вещества: газы, жидкости, твердые тела, плазма. Вещество есть вид материи, которая, в отличие от физического поля, имеет массу покоя и складывается из

таких элементарных частиц, как электроны, протоны, нейтроны и др. Для вещества характерны огромная концентрация энергии и массы покоя, а также относительная непроницаемость. Основные физико-химические свойства вещества: плотность, температура плавления, температура кипения, термодинамические характеристики, параметры кристаллической структуры. В химии вещества подразделяются на неорганические и органические. Простые неорганические вещества: металлы, неметаллы, благородные газы и др. Сложные неорганические вещества: соли, кислоты, оксиды и др. Органические вещества: спирты, эфиры, углеводороды и др.

Понятие электрического и магнитного *поля* ввел в физику М. Фарадей (30-е гг. XIX в.), а математические законы электромагнетизма установил Дж. Максвелл (60-е гг. XIX в.). Концепция поля явилась возрождением теории Р. Декарта о близкодействии тел. Физическое поле — особая форма физической материи с бесконечным числом степеней свободы. Частица (например, электрон) создает вокруг себя сплошное поле (электромагнитные колебания), через которое она непосредственно взаимодействует с другими частицами. Согласно классической физике вещество всегда дискретно и радикально отличается от физического поля, которое является непрерывным. Напротив, квантовая физика, принимающая идею корпускулярно-волновой природы любого микрообъекта, не видит достаточного основания для жесткого противопоставления вещества и поля. Основные виды физических полей: электромагнитные, гравитационные, поле ядерных сил, а также волновые (квантованные) поля, сопряженные с теми частицами, которые создают поля (например, электрон-позитронное поле).

Свет есть поток фотонов, обладающих энергией и импульсом. Фотон — одна из самых распространенных элементарных частиц. В то же время фотон обладает свойствами волны с круговой правой или левой поляризацией. При столкновении и взаимодействии с частицами вещества фотоны рассеиваются либо поглощаются. В зависимости от своей частоты физический свет распространяется в веществе с разной скоростью. Фотон есть квант света (особого электромагнитного излучения), и его электрический заряд равен нулю. Эта нейтральная частица не имеет массы покоя, способна находиться в двух спиновых состояниях и без остановки двигаться в вакууме со скоростью около $3 \cdot 10^8$ м/с; в иных средах свет движется с меньшими скоростями. Фотоны не считаются веществом именно по той причине, что не обладают «покоящейся массой». Они участвуют в электромагнитном и гравитационном взаимодействии, а иногда (в виртуальном состоянии) — в сильных взаимодействиях.

Под «вакуумом» традиционно понимали нечто нематериальное, т. е. пустую среду, в которой нет ни частиц вещества, ни поля, ни дискретных фотонов. Однако современная физика ввела представление о *виртуальном вакууме* как особой форме материи, представляющей собой множество виртуальных частиц с мнимой (отрицательной) массой. Понятие виртуальной частицы, скорее всего, следует сопрягать с нерегистрируемым приборами системным эффектом взаимодействия частиц и полей. Виртуальный вакуум обладает собственным запасом энергии, способен порождать частицы вещества и взаимодействовать с разными полями.

П. Дирак, один из создателей квантовой механики, определил виртуальный вакуум как «море виртуальных частиц»; вакуум постоянно «кипит»: виртуальные частицы периодически на мгновение возникают, выныривают в реальность парами — частица вместе с античастицей — и тут же исчезают, сразу схлопываются.

Термин «темная материя» был введен в астрономию в 1932–1933 гг. (Я. Оорт, Ф. Цвикки) для обозначения загадочного агента Вселенной, не позволяющего галактикам разлетаться. Возможно, «темная материя» (если это не просто «математическая сказка») образована физическим вакуумом либо эфирным газом. Она обладает громадной темной энергией и равномерно заполняет собой всю Вселенную. Ее температура 2,75 К. Ныне полагают, что «темная материя» — это 95 % всей массы Вселенной. Она невидима для телескопов, поскольку не испускает электромагнитного излучения, не взаимодействует с ним, не излучает и не отражает свет. О ее существовании ученые судят косвенно по создаваемым ею гравитационным эффектам. Любопытна голографическая гипотеза (Д. Бом, К. Прибрам, М. Талбот и др.) о том, что мир, в котором мы живем, есть всего лишь сложная иллюзия: все, что в нем находится (от снежинок и листьев клена до электронов и комет), суть призрачные картинки-проекции, спроецированные из некоего уровня реальности, который находится далеко за пределами нашего обычного мира.

Идея *мирового эфира* в очень абстрактной форме выдвигалась еще античными философами, в особенности Аристотелем. Для объяснения феноменов перемещения, соединения и распада дискретных тел атомисты выдвинули метафизическое учение о «существующем небытии» — о непрерывной и бесконечно делимой пустоте. Коль скоро атомы разделены пустотой, прямо не соприкасаются, не проникают друг в друга, но тем не менее вступают во взаимосвязи, то возникло предположение, что тела скрепляются между собой невидимыми силами, действующими на расстоянии. В физике были конкретизированы представления о разных силах: о всемирном тяготении, электрических, магнитных и молекулярных силах, капиллярности и пр. Универсальным носителем любых силовых полей и света был объявлен эфир, без промежутков заполняющий мировое пространство.

Если непрерывный эфир уподобить веществу (жидкость, газ, твердое тело), оказывающему сопротивление движению атомов и их агрегатов, то тогда, например, пришлось бы допустить нерегулярности — из-за трения, замедления и торможения — в перемещении небесных тел, что противоречило бы астрономическим наблюдениям. Поэтому И. Ньютон в своей «Оптике» категорически отвергает идею материального эфира и мысленно целиком заполняет все мировое пространство непрерывным Божеством. «Для того чтобы дать дорогу правильным, длительным движениям планет и комет, — рассуждает Ньютон, — необходимо, чтобы небесное пространство было совершенно лишено материи. <...> Есть бестелесное Существо, живое, разумное, всемогущее, которое в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи вблизи, прозревает их насквозь и понимает их вполне, благодаря их непосредственной близости к нему» [10, 286, 288].

Известно, что в свое время Д. И. Менделеев, открыв периодический закон химических элементов, включил «мировой эфир» в виде нулевой группы в свою

знаменитую таблицу, т. е. считал эфир безусловно-исходным элементом. А. Эйнштейн посоветовал отказаться от идей пустого пространства и мирового эфира, а вместо них развил Лейбницеvu идею физического пространства как *отношения* между материальными телами. Многие ученые сегодня уверены, что физика ошиблась, когда отказалась от идеи мирового эфира. Эта идея снова возвращается в физику, несмотря на суровую критику веры в мировой эфир со стороны особой комиссии РАН по борьбе с лженаукой.

Противостояние философских учений о материи

Среди философов разных школ и направлений не достигнуто единогласия в трактовке понятия материи, вопрос о существовании материальной грани действительности всегда остается актуальным. Ни материалисты, ни идеалисты, ни дуалисты не могут объяснить, каким образом из вечного и неразрушимого духа может возникнуть временное и тленное материальное.

Материалисты возводят материю в Абсолют и обычно приписывают ей атрибуты несотворимости, неуничтожимости, вездесущности, неисчерпаемости, бесконечной протяженности и вечной длительности; материя определяется ими как единственная субстанция (первооснова) и всеобщий субстрат; спонтанным проявлением этого Абсолюта теоретически объясняются единство мира, закономерность и многообразие вещей и духовных состояний.

Марксистско-ленинский материализм воздерживается от видения материи как неизменной сущности, первоматерии, и разъясняет понятие материальной субстанции, во-первых, как основу духовных явлений, нетождественную субъективным состояниям человека, его сознанию; во-вторых, как общее в различных изменяющихся явлениях и процессах в мире, всеобщий субстрат взаимодействий; в-третьих, не сводит понятие материи как объективной реальности к конкретным естественно-научным представлениям о ее структуре, чтобы объять понятием «материальное единство мира» все известные и пока неизвестные науке формы объективного существования, могущие быть объектом внешнего человеческого восприятия.

В системах объективного идеализма материя понимается либо как физический мир, сотворенный нематериальной субстанцией — Богом, Абсолютным Духом, небесным миром идей — из ничего и извне, либо как уплотнение эманлирующего первоначала — овеществление бесплотной и имманентной миру субстанции в формах протяженного и воспринимаемого через внешние органы инобытия. Сквозь призму субъективного идеализма материя описывается как внешняя проекция (онтологизация) комплекса человеческих ощущений; материальное бытие сводится к свойству воспринимаемости и не признается объективной реальностью. Философский дуализм объясняет наличное бытие как продукт взаимопроникновения или взаимодополнения двух независимых субстанций — материи и непротяженного начала (дух, энергия, энтелехия, форма, сознание).

Философский материализм

Вычленение в Европе в Новое время материализма как разновидности философской веры, представленной группой особых мировоззренческих учений, стало возможным благодаря эволюции христианского монотеизма, строго разграничившего творящую природу Бога и земной мир с его собственными физическими законами. Сотворенная природа, согласно теизму, создана «из ничего», ее можно изучать саму по себе, отвлекаясь от ее божественного генезиса. Представление о том, что сотворенная Богом природа движется по собственным внутренним законам, стало в Европе важнейшей предпосылкой размежевания науки и религии и длящегося с XVI в. негласного союза материализма со значительной частью естествознания.

Важно четко различать четыре альтернативных смысла понятия «материализм» (от лат. *materialis* — материальный, вещественный):

1) в обыденном смысле это культ вещей и склонность к низменной чувственности; вера в вещественные причины всех явлений природы, общественных событий и влечений человека; отрицание духовных сил в природе;

2) в религиозном смысле — поклонение святой телесности;

3) одна из основных веровательных тенденций в философии, противоположная спиритуализму, дуализму и идеализму и заключающаяся в установлении фактическим и логическим путем причинной зависимости духовного и психического от плотского и физиологического;

4) самоназвание ряда философских систем («диалектический материализм», «научный материализм» и т. д.), сторонники которых принципиально отождествляют материю и природу, утверждая, что в мире нет ничего, кроме движущейся в пространстве и во времени материи, а также логически выводят явления психики и сознания из специфических материальных оснований (практики, состояний центральной нервной системы и т. п.) либо постулируют принцип психофизического тождества или объявляют психические явления эпифеноменами физико-химических процессов.

Те, кто признают зависимость психического от физического, вовсе не обязательно отождествляют их между собой, считают душу веществом или полем и отрицают наличие в природе духовного начала. Поэтому не следует ставить знак равенства между материалистической *тенденцией* философствования и принадлежностью к *лагерю* философского материализма, как это делали многие марксисты, относя к школам материалистов тех мыслителей, которые вовсе не проявляли намерения идти дальше признаваемого ими тезиса о материальной обусловленности человеческого сознания.

Обсудим теперь материализм как разновидность особой — философской — веры. Центральным понятием философского материализма является понятие материи. Далеко не каждый профессиональный философ, теоретически разделяющий кредо философского материализма, следует ему в личной жизни или отвечает обыденному смыслу слова «материалист»; на деле он, напротив, может отдавать предпочтение высоким духовным принципам и верить в приоритет идей,

а не вещей. В XVII в. словом «материализм» стали обозначать прежде всего сумму физических представлений о материи (Р. Бойль).

Позднее Г. В. Лейбниц придал ему обобщенный смысл и противопоставил материализм идеализму: «Представление, согласно которому мир является большой машиной, работающей — как часы без помощи часовщика — без содействия Бога, есть идея материализма и фатальности и направлена на то, чтобы под предлогом превращения Бога в надмировой разум фактически изгнать из мира провидение и божественное руководство» [7, 432]. Метафизический материализм подчас склонялся к допущениям о начале и конце движения материи (к теориям первотолчка, тепловой смерти Вселенной).

В советской литературе был распространен взгляд на философский материализм, который шел от Ф. Энгельса, подразделявшего философов на два больших лагеря на основании их ответов на вопрос об отношении мышления к бытию. «Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [12, 283]. Это расширительное определение философского материализма многими справедливо оспаривается:

1) кроме собственно материалистов под это определение можно подвести идеалистов пантеистической ориентации («Абсолют совечен своим проявлениям»), а также теистов, которые различают творящую и сотворенную природу и усматривают в человеке божественную природу;

2) понятие бытия имеет множество альтернативных трактовок; например, верующие в Бога как Полноту Бытия вполне предпочтут (якобы) материалистическое утверждение о первичности бытия и вторичности человеческого мышления;

3) далеко не все философские течения органично сопрягаются с дихотомией «материализм — идеализм»; в ее тесных рамках трудно помыслить себе многие разновидности трансцендентализма, имманентной философии, априоризма, агностицизма и др.

В связи с такого рода «неувязками» В. И. Ленин оценивал верования, не вмещающиеся в дихотомию «материализм — идеализм», то как «стыдливый материализм», то как «непоследовательный идеализм». Споры в советской философии 20–30-х гг. XX в. о принадлежности Спинозизма к материализму или идеализму показали, что невозможно найти точный водораздел между материализмом и идеализмом.

Школы философского материализма в европейской философии классифицируют по следующим основаниям:

1) основные исторические этапы (материализм древних греков и римлян; механистический материализм XVII–XVIII вв.; с середины XIX в. диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, а также физиологический материализм К. Фохта, Я. Молешотта, Л. Бюхнера; с 50-х гг. XX в. научный материализм Д. Армстронга, М. Бунге, Д. Марголиса, Х. Патнема и др.);

2) национально-географические и хронологические признаки (например, французский материализм XVIII в., советский марксизм);

3) профессиональное основание (философский материализм, стихийный материализм естествоиспытателей);

4) решение гносеологических проблем (сенсуалистический и рационалистический материализм);

5) отношение к идеям развития и эволюции материи (метафизический и диалектический, антропологический и исторический материализм);

6) характер отстаивания и защиты основных принципов (последовательный и непоследовательный, созерцательный и деятельный, воинствующий и умеренный материализм) и т. д.

Материя как всеобщий субстрат

В природе, вероятно, есть три несводимых друг к другу начала: вещество, энергия и информация. В истории европейского материализма выделяют три основные стадии эволюции категории материи, которые условно можно сопрягать соответственно с периодами вещественной, энергетической и информационной моделей материального мира. На первой стадии внимание исследователей сосредоточивалось на поисках всеобщего субстрата мироздания. На второй стадии исследовательский акцент материалистов смещался на идею самодвижения бытия, и тогда материю в первую очередь именовали «субстанцией». На третьем, современном, этапе материя преимущественно стала пониматься философами как объективная реальность, отображаемая человеческим сознанием.

В своем практическом опыте люди постоянно обнаруживают, что разнообразные вещи состоят из небольшого количества некоторых исходных элементов. Отталкиваясь от этого удивительного обстоятельства, абстрактное мышление с необходимостью восходит к предположению, что все существующее проистекает из одного и того же первоисточника — *всеобщего вещественного субстрата*. Стало быть, «многое» вполне логично в конечном счете теоретически выводить из чего-то «одного» — из какого-нибудь «первоединого» (архе). Так в античной Греции была четко поставлена фундаментальная философская проблема единого и многого. К ней и поныне восходит любое научно-теоретическое объяснение многообразия вещей, свойств и отношений.

Если мы намерены мысленно дедуцировать многое из единого субстрата-первоначала (праматерии), то логично приписать этому всеобщему субстрату следующие атрибуты: 1) вечность; 2) вездесущность; 3) пластичность (способности пребывать во всех агрегатных состояниях); 4) самодвижение; 5) житнетворение и одушевление (гилозоизм). Праматерия есть некое бесконечное, вездесущее и вечное первоначало, которое имеет характер бескачественного вещества. Философы Древней Греции попеременно предлагали на роль загадочной праматерии такие стихии, как абстрактно толкуемую воду (Фалес), апейрон (Анаксимандр), воздух (Анаксимен), огонь (Гераклит), гомеомерии (Анаксагор), атомы (Демокрит) и т. д. Причем у Эмпедокла, Анаксагора и Демокрита праматерия трактуется как одновременно единая и множественная.

Гипотезы античных материалистов о материи как всеобщем субстрате космоса подкреплялись впечатляющими аргументами. Так, Фалес ссылаясь на то очевидное обстоятельство, что вода бывает твердой, жидкой и газообразной; огонь он понимал как очень горячий пар, а камень — как очень твердый лед. Анаксимен доказывал, что разреженный воздух может обернуться огнем, а сгущенный воздух становится ветром, потом облаком и затем водой, потом землей, потом камнями, и остальное возникает из этого. Эмпедокл считал более разумным не сводить перво-вещество к какой-нибудь одной стихии, а попытался теоретически вывести все бесконечное разнообразие мира из взаимодействия четырех элементов — воды, воздуха, огня и земли.

«Большинство первых философов, — пишет Аристотель, — считало началом всего одни лишь материальные начала, а именно то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются» [1]. В отличие от предшествующих мыслителей Аристотель решил не определять праматерию как отдельный элемент, подобный воде, огню, атому и т. д. Обобщая ранее сложившиеся учения о всеобщем субстрате, он предположил, что материя есть только чистая *вечная возможность* (но не действительность) всякого конкретного бытия, т. е. бесформенный *материал*, из которого могут происходить первые элементы. Для обозначения своего понятия материи Стагирит ввел термин «хюле» (греч. ὕλη — древесина, строительный материал), который был переведен Цицероном на латинский язык термином «материя» (лат. *materia* — дубовая древесина, строевой лес).

По Стагириту, материя лишена всякой определенности, формы, свойств, качеств и не воспринимается органами чувств человека. В своем первоначальном бытии огонь, воздух, вода и земля суть внутренние возможности-состояния, заключенные в материи. Соединяясь с простейшими формами (теплым, холодным, сухим, влажным и пр.), эти возможности превращаются в действительные первоэлементы (огонь, воздух, вода и земля), из которых затем строятся все вещи.

В противоположность материи как возможности вещи, энтелехия (от греч. ἐντελέχεια, лат. *entelecheia* — завершение) есть действительность вещи. Энтелехия осуществляет потенциально заложенную в материи целевую причину, и в этом смысле энтелехия тождественна форме (греч. μορφή, лат. *forma*). В соотношении с материей форма (морфе) — это суть бытия каждой вещи и первая сущность. Внешняя, геометрическая, форма вещи представляет собой частный случай формы как сущности вещи. Форма есть то минимально общее, что вещи присуще непосредственно. Под воздействием энтелехии как формообразующего принципа первая материя становится второй материей, т. е. уникальным единством вещества и формы, индивидуальным бытием.

Подвергнув критике абстрактное платоновское понятие чистой формы, Стагирит заявил, что внутри космоса не бывает материи без формы. Материя и форма суть два совечных начала, и каждый чувственно воспринимаемый объект одновременно состоит из материи и формы. Такое учение именуют «гилеморфизмом» (от греч. ὕλη — материя и μορφή — форма). Материя некоторого предмета состоит из частей, которые он, возникая, приобрел, а форма — это

организация частей данного предмета. Например, кирпичи и раствор — это та материя, каковая при одной форме становится домом, а при другой — стеной. Вместе с тем понятие материи относительно. Так, кирпич как потенциальная часть дома сам по себе уже обладает формой и материей. Подобно тому как глина служит материей для кирпича, кирпич является материей для дома или стены. Аристотель вложил в свое понятие формы телеологический смысл, говоря, что движение формы имеет цель. Одни вещи более информированы, а другие менее. Например, кирпичи имеют больше формы, чем глина. Над всем миром Стагирит возвысил чистую «форму всех форм» — Нус, божественный Ум, не воплощенный ни в какую материю.

Таким образом, в аристотелизме провозглашен принцип примата формы над материей. Ф. Бэкон, соглашаясь с идеей взаимосвязи материи и формы, доказывал, что, наоборот, материя первенствует над формой. Согласно гегелевской диалектике форма определяет материю, материя определяется формой, а категория «содержание» обозначает противоречивое единство (диалектическое тождество) материи и формы. Аристотель, Аквинат, Г. В. Ф. Гегель и другие заложили традицию определять *содержание* как диалектическое единство материи и формы [4, 321]. Напротив, многие философы-марксисты, вслед за Ф. Энгельсом, предпочитают оперировать не триадой «форма — материя — содержание», а диадой «форма — содержание», поскольку они исходят из принципа материальности мира и не признают никакой принципиально «нематериальной формы».

Сформулированный Аристотелем дуализм материи (как пассивно-страдательного начала) и духа (как начала активности и творчества) надолго определил решение проблемы материи в последующих классических системах философии. В становящейся европейской науке постепенно укреплялось обобщенное представление о материи как о всеобщем строительном веществе-сырье, неизменном субстрате всех текучих вещей. Материализм признавал, как и Аристотель, две генеральные формы материи: 1) материю как чистую потенциальность по отношению ко всем вещам (первая материя); 2) вторую материю как *то*, что актуализировано в конкретных вещах: в классах (общая материя) или индивидах (индивидуальная материя). Вторая материя конкретизирует в той или иной мере отвечающие ей формы (принцип индивидуации), так что всякое телесное отдельное имеет индивидуальную форму и индивидуальную материю.

Приписав праматерии состояние возможного бытия и мысленно полностью лишив ее самодвижения и всякой активности, Стагирит противопоставил это пассивное первоначало противоположному первоначалу, а именно активной нематериальной форме, которая извне кем-то или чем-то прилагается к праматерии. Понятно, что такого рода философский дуализм (гилеморфизм) никак не мог вписаться в философию последовательного материализма.

Ныне для обыденного мышления характерно понимание материи, в основном в стагиритовом смысле — как любого строительного материала, из которого можно что-нибудь построить, создать, сконструировать. Вместе с тем понятие праматерии отвергнуто большинством современных философов-материалистов. Но некоторые физики и сегодня продолжают пользоваться этим понятием, подразумевая

под «праматерией» сверхсжатый, сверхтекучий, сплошной континуум, который служит фундаментом нашей Вселенной.

Материя как субстанция

Из одной и той же почвы появляются разные растения, одна и та же основа порождает разнокачественные вещи. В связи с этой важной эмпирической констатацией Дж. Бруно написал: «Итак, с необходимостью существует одна и та же вещь, которая сама по себе не есть ни камень, ни земля, ни труп, ни человек, ни зародыш, ни кровь и другое, но которая, после того как была кровью, становится зародышем, получая бытие зародыша, после того как была зародышем, получает бытие человека...» [2, 230]. Дж. Бруно наделил материю атрибутом самодвижения, и его пантеизм способствовал постепенному уточнению дефиниции категории материи.

Материалисты Нового времени, разумеется, не могли удовлетворяться гилеморфизмом Аристотеля, согласно которому сама по себе материя лишена самодвижения и она, как чистая возможность, превращается в действительность исключительно благодаря воздействующим на нее нематериальным энергийным формам. Как учил Аристотель, все множество форм в предельном случае происходит от божественной первоформы, т. е. проистекает из безличного божественного Нуса. В XVII–XVIII вв. материалисты ощутили острую потребность переформулировать прежнее понятие материи, выдвигая на первый план, вслед за Дж. Бруно, принцип самодвижения материального мира.

Как уже сказано выше, вторая стадия эволюции категории материи в рамках философского материализма начинается со смещения теоретического акцента в ее анализе с «вещи» (всеобщего субстрата) на «свойство». Материю теперь предпочитают определять уже не как вещество, а через перечисление ее атрибутов (протяженностью, непроницаемостью, фигурой, тяжестью и др.). Новый, *энергетически-атрибутивный*, подход обусловил истолкование материи прежде всего как бесконечной первосубстанции (первосущности): материя — это сверхчувственный самодвижущийся носитель всех своих неисчерпаемых свойств и отношений. Подчеркивается, что материя есть не столько сверхпластичное вещество, сколько творящая бесконечная субстанция с неисчерпаемой энергией. В самом абстрактном плане под энергией материи-субстанции понимается способность материи спонтанно выявлять свое существование и становиться доступной органам чувств человека и человеческому познанию. Существование каждой отдельной конкретной вещи обусловлено извне, тогда как беспредельная и всеобъемлющая материя-субстанция есть причина самой себя (*causa sui*).

Онтология материи как средоточия всех изменений становилась в эмпирическом смысле все менее наглядной. Материя умозрительно виделась скорее как некая математическая точка приложения векторов сил притяжения, отталкивания, ускорения и др. Дуалист Р. Декарт отверг принципы атомизма и пустоты и помыслил материю как сплошное бытие (*continuum*) — как «вещь протяженную» (*res extensa*), лишенную внутренних качеств, сил и стремлений. «...Природа

материи, то есть тела, рассматриваемого вообще, — говорит Декарт, — состоит не в том, что оно — вещь твердая, весома, окрашенная или каким-либо иным образом возбуждающая наши чувства, но лишь в том, что оно есть — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину» [6, 446]. Материя приобретает форму либо через чистое действие божественного Ума, либо при помощи прирожденных человеку идей «мыслящего Я». Отсюда отождествление Декартом материи с пространством, а также противопоставление им неметрической деятельной души геометризму материи.

Т. Гоббс и Дж. Локк, как и Декарт, усматривали сущность материи в протяженности и определяли материю как тело «вообще». Например, по Дж. Локку, «ощущение убеждает нас в том, что есть плотные, протяженные субстанции», из чего у нас возникает идея материи как протяженной плотной субстанции; правда, эта идея весьма неясная, и мы не можем знать, что же собой на самом деле представляет таинственная материя-субстанция [9, 345–363]. Развивая механистическое учение о мире, французские материалисты XVIII в. (К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах и др.) утверждали, что несотворимая и вечная материя-субстанция движется исключительно по законам механики. В механистическом материализме XVII–XVIII вв. оказались так или иначе совмещенными субстратная и энергетически атрибутивная модели материи: материя понимается как протяженное, плотное, инертное и делимое вещество вкупе с его динамическими свойствами.

Из материалистического монизма (учения о том, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи) логически невыводимо внепространственное бытие духовных явлений и сверхчувственных реальностей — сущностей, возможностей — законов природы, системных свойств и т. п., равно как из одной только духовной субстанции идеалистам не удастся понятно дедуцировать разряды материальных вещей и процессов. Диалектика Аристотеля, по-видимому, предоставляет в этом отношении больше возможностей, теоретически допуская взаимопроникновение материи (хюле) и нематериальной формы (морфе). Правда, Стагиритово учение также не до конца последовательно, поскольку возвышает над миром божественный Нус-перводвигатель, целиком и полностью лишенный всякой материи.

Материя как объективная реальность

Идейными предпосылками третьей стадии — стадии понимания материи в информационном аспекте — являются, во-первых, дуалистическое требование Аристотеля противопоставлять и сочленять материю и форму (в том числе материю и умственную энтелехию); во-вторых, предложение П. А. Гольбаха определять материю не только как субстанцию, но также при помощи особого гносеологического приема — через абсолютное противопоставление материи человеческому сознанию.

Например, в своей книге «Система природы» Гольбах, систематизатор французского материализма, пишет: «Все, что действует на наши чувства, есть материя; субстанция, лишенная протяженности или свойств материи, не может вызывать в нас ощущения и, следовательно, давать нам восприятия или идеи... <...> Если

все действующие на наши чувства субстанции мы знаем только по производимым ими на нас действиям, согласно которым приписываем им те или иные качества, то все эти качества представляют собой нечто реальное и вызывают в нас отчетливые идеи» [5, 459, 472]. Таким образом, по Гольбаху, материя есть первичная объективная реальность, независимая от человеческого сознания, от интересов субъекта и постигаемая человеком. Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях. Сознание людей вторично, оно является всего лишь копией (образом) объективной реальности.

К концу XIX в. в физике назревал идейный кризис, связанный с трудностью (казалось бы, непреодолимой) каким-то способом согласовать традиционное и привычное понятие *материи-как-вещества* с открытиями электрического и магнитного *полей*, а также *электрона*. Физическое поле, как бы размытое по всему пространству и нигде не локализованное, никак не похоже на строго локализованное физическое вещество. К тому же «электрон» стали толковать как сгусток электромагнитного поля. Вещество, по сути, оказалось теоретически сведенным к сгусткам (якобы) «нематериальных» полей, и в глазах многих физиков-теоретиков весь материальный мир стал рушиться. В связи с этим некоторые из них заявляли: «Материя (= вещество) исчезла, остались только одни математические уравнения!» Для преодоления кризиса в физике потребовалось принципиально новое и максимально абстрактное определение материи, которое бы мало зависело от будущих естественно-научных открытий новых физических реальностей и в котором не было бы перечисления уже признанных видов материи.

За эту важную философскую работу взялся В. И. Ленин. В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) он уточнил и развернул гносеологическую дефиницию материи Гольбаха. Ленин пишет: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [8, 131]. В свете этого определения «материей» является все то, что, во-первых, не зависит от сознания субъекта; во-вторых, может быть, например, измерено приборами и чувственно воспринято экспериментатором. В таком случае «материей» будет не только привычное вещество, но также поле или вакуум, ибо последние можно измерить и воспринять посредством гальванометра либо вакуумметра.

Аргументация материалистами идеи производности духовного от материального усиливалась по мере движения от модели материи как всеобщего субстрата к информационной модели материи. Например, в XX в. возникла марксистско-ленинская теория отражения, в которой материя наделялась атрибутивным свойством отражения. Это всеобщее свойство материи, развиваясь и усложняясь, на уровне социальной формы движения оборачивается способностью человека воспроизводить объективную реальность в форме субъективных образов сознания. Стало быть, материя через свои неисчислимы модусы информирует человека о себе и самопознает себя через человека; информация является содержанием процесса взаимоотражения вещей и человеческого познания.

Гносеологическая дефиниция материи предельно абстрактна, годится, по-видимому, для всех времен. В этом ее несомненное достоинство. Вместе с тем ей присущи два коренных логических недостатка. Во-первых, она выражена отрицательным суждением: «материя не есть сознание», «материя не зависит от сознания». Возникает резонный вопрос: что же тогда *есть* материя? На этот вопрос гносеологическая дефиниция материи никакого внятного ответа не дает. Второй недостаток данной дефиниции, очевидно, заключается в определении одного неизвестного («материи») через другое неизвестное («человеческое сознание»), что в формальной логике квалифицируется как серьезная логическая ошибка.

Современный материализм пытается преодолеть указанные логические недостатки информационно-гносеологической дефиниции посредством диалектического синтеза трех обсужденных выше учений о материи. Приведем искомое материалистами интегральное определение, в котором материя предстает как триединство вещи, свойства и отношения. Материя есть: 1) объективная реальность, постигаемая человеком посредством органов чувств; 2) субстанциальная основа универсума; 3) всеобщий вещественно-полевой субстрат всех компонентов чувственно данной объективной реальности. Разумеется, и это определение также нуждается в дальнейшем уточнении и совершенствовании.

-
1. *Аристотель*. Метафизика, 983 b5–9.
 2. *Бруно Дж.* Диалоги. М., 1949. С. 230.
 3. *Вавилов С. И.* Развитие идеи вещества // Под знаменем марксизма. М., 1941. № 2. С. 111, 112.
 4. *Гегель*. Наука логики : в 3 т. М., 1975. Т. 1. С. 321.
 5. *Гольбах П.* Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Гольбах П. Избр. произв. : в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 459, 472.
 6. *Декарт Р.* Избр. произв. М., 1950. С. 446.
 7. *Лейбниц Г. В.* Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 432.
 8. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 18. С. 131.
 9. *Локк Дж.* Сочинения. Опыт о человеческом разумении. М., 1985. С. 345–363.
 10. *Ньютон И.* Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М. ; Л., 1927. С. 286, 288.
 11. *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2004. Гл. 7.
 12. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

Рукопись поступила в редакцию 20 ноября 2014 г.

НЕКРОЛОГ

Редакция с прискорбием извещает, что 26 сентября 2014 г. скончался известный ученый, профессор Одесского национального университета, доктор философских наук Арнольд Юрьевич Цофнас. Арнольд Юрьевич был членом редколлегии нашего издания с первых дней его существования и самым активным образом способствовал становлению и развитию журнала, уделяя особое внимание нашему сотрудничеству с одесскими философами и обществоведами. Мы выражаем глубочайшие соболезнования родным и близким, коллегам и ученикам Арнольда Юрьевича, человека глубокого ума и щедрой души.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕЗБОРОДОВ Юрий Сергеевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат юридических наук. E-mail: Yury.bezborodov@gmail.com

БЛАГОВЕСТНЫЙ Михаил Борисович — директор по региональному развитию в ООО «Маркетинговая Оптическая Компания» (Екатеринбург), соискатель кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: pelennor@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гюльнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заместитель директора по образованию Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, доцент кафедры европейских исследований департамента международных отношений этого же института, кандидат исторических наук. E-mail: mariagu@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: bve35@yandex.ru

КЕРИМОВ Александр Алиевич — заведующий кафедрой теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

ЛИСОВЕЦ Ирина Митрофановна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: irlisovec@yandex.ru

МЕЛЬНИК Наталья Борисовна — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: eco_nataly@mail.ru

МИРОНОВА Марина Владимировна — доцент кафедры социальной работы департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: 279113@e1.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НЕМЧЕНКО Лилия Михайловна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: lilit99@list.ru

НИКИТИН Сергей Александрович — доцент кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Nikitin62@yandex.ru

ПАРЬГИН Андрей Викторович — студент кафедры социальной работы департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: parugin-andrej@yandex.ru

ПИВОВАРОВ Даниил Валентинович — заведующий кафедрой религиоведения департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: daniil-pivovarov@yandex.ru

ПЫРЬЯНОВА Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры философии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. E-mail: puryanova@mail.ru

РЫБАКОВ Сергей Владимирович — профессор кафедры истории России департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: istoric-ek@mail.ru

СУХОВА Ольга Владимировна — юристконсультант ООО «Андерлекс» (Екатеринбург). E-mail: kuznetsovaov@mail.ru

СЫМАНЮК Эльвира Эвальдовна — директор департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор кафедры социальной психологии и психологии управления этого же департамента, доктор психологических наук. E-mail: arу.fmpk@rambler.ru

ТЕМЛЯКОВА Алина Сергеевна — аспирант кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ateml@mail.ru

ЦИПЛАКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: j.ceplakova@gmail.com

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой философской

антропологии департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Наталья Анатольевна — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: n.a.chernyaeva@gmail.com

SUMMARY

ANNIVERSARIES

To the 80th Anniversary of Professor Konstantin Lyubutin5

THE THIRD INTERNATIONAL SYMPOSIUM “AUSTRIA AS A CULTURAL CENTRE OF EUROPE”

Cherepanova E. S. Catholicism’s Role in Shaping Austrian Culture and Philosophy: Methodological Aspects 7

The article highlights the religion’s influence on national and regional cultures, and on philosophy, in particular. The author discusses methodological possibilities of viewing Austrian culture as a representation and a result of the regional history, whereas Austrian philosophy could be understood as the culmination of regional self-consciousness. In this regard, Catholicism lies in the foundation of the Austrian philosophical culture and helps to account for the rejection of German Idealism as well as for Austrian perception of German Romanticism.

Key words: national philosophy, regional culture, philosophy, religion, Catholicism, Austrian philosophy, German Romanticism.

Nikitin S. A. Two Political Strategies of Generalization: Type and Isotype..... 14

The author compares two versions of generalization in social theory. The leading social philosopher of the Vienna circle Otto Neurath and social philosopher from the Austrian school of economics Alfred Schutz developed two distinctive approaches to language and, consequently, society. Both versions were, in fact, the interpretations of human communication and, above all, of ordinary language. The outcomes of these approaches, however, appeared to be incompatible, for Neurath has created the new language of pictograms, so called “ISOTYPE”, while Schutz’s social phenomenology has evolved into a complex theory that sought to account for interrelating contexts of social communication.

Key words: ideal type, ISOTYPE, Austrian economic school, phenomenology, physicalism, Marxism, social theory.

Tsiplakova Y. V. Transcendental Subject in the Life-World: From Edmund Husserl’s Phenomenology to Michel Foucault’s Post-structuralism.....25

The article focuses on the notion of human being as it is expounded in the late phenomenology of Edmund Husserl, who represents the conversation between two prominent - Austrian and German - philosophical traditions. Husserl argued against objectivism of natural sciences and psychologism, while proposing phenomenological approach to understanding human mind. In his theory, the objects of the world are becoming proactive phenomena of pure consciousness (transcendental subjectivity). Husserl introduced the concept of life-world, which allowed him to account for intersubjective communication, society and history in general. The author, then, discusses criticisms of the phenomenological approach to the subject, which is voiced in post-structuralist philosophy of history by Michel Foucault.

Key words: anthropology, life-world, history, crisis of science, post-structuralism, phenomenology, phenomenological reduction, transcendental subjectivity, empirical subject.

Guzikova M. O. “Weder Vorläufer noch Nachzügler sein”: Austria’s Position on Kosovo’s Sovereignty35

The author discusses the reasons for Austria’s favorable attitude towards Kosovo’s independence. This attitude is analyzed in the overall context of the Austrian foreign policy and history of its relations with Kosovo. Austrian foreign policy is demonstrated to stem from its national identity and political culture.

Key words: Austria, foreign policy, national identity, Kosovo’s independence.

Melnik N. B., Chernyaeva N. A. From “Imprinting” to “Attachment Parenting”: Konrad Lorenz and the Ideologies of Mothering in the Twentieth Century44

The paper examines the concept of “natural mothering” in the twentieth century, which suggests that maternal behavior in humans, although shaped by society and culture, is fundamentally instinctive and biologically-driven. The authors trace the origin of this concept to the studies of “imprinting” by Austrian ethologist Konrad Lorenz in the 1940s. They follow the development of this idea in the ‘attachment theory’ by the British psychologist John Bowlby in the 1960s and further to the theory of “mother-infant bonding” introduced by American pediatricians Marshall H. Klaus and John Kennell in the 1970s. Finally, the paper looks at a particular transformation of this concept in the modern practices of “natural” or “attachment” parenting, which became increasingly popular among parents around the globe in the 1990s and 2000s, shaping the common-sense knowledge about what constitutes good mothering.

Key words: Konrad Lorenz, John Bowlby, imprinting, attachment, mother-infant bonding, «attachment parenting», ideologies of mothering in the twentieth century.

Lisovets I. M. Gustav Klimt’s Art in the *Fin de Siècle* Cultural Contexts: A Secret to His Success59

The article analyzes aesthetic and artistic significance of Gustav Klimt’s paintings, which brought his oeuvre on the top of the art market in the early 21st century. Starting from the socio-cultural characteristics of the Austro-Hungarian Empire at the turn of the 20th century, the author demonstrates that a unique aesthetic phenomenon of Klimt’s art and its subsequent appreciation in the 20th century culture constituted a symbolic capital, which continues to determine the role of his paintings in the 21st century. In combining cultural studies and philosophical aesthetics, the author is able to shed light on the phenomenon of contemporary art, on the relation of aesthetic value and art market price, and on the ways the art objects of the past function in contemporary culture.

Key words: transition-transforming culture, Vienna Secession, contemporary art, aesthetic value and art market price.

Nemchenko L. M., Temliakova A. S. Representation of Violence in Ulrich Seidl’s Cinematography67

The article examines the representation of violence in cinematography, highlighting different approaches to violence, and explains why it is in Austria where a critical analysis of power mechanisms and their exposure in art gained such prominence. The authors focus on U.Seidl’s films “Paradise. Love”, “Paradise. Faith” and “Paradise. Hope”, in which the director demonstrates the emergence of violence in the routine practice of everyday life.

Key words: Film, violence, representation, opinion, vision, body.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Mironova M. V., Parigin A. V. Interdepartmental Cooperation among Governmental and Non-governmental Agencies in Preventing Underage Criminality74

In this paper, the authors present the findings of the empirical sociological research that enabled them to identify the main problems hindering the effectiveness of multi-agency approach in reducing underage crime rates and preventing minors’ involvement in illegal activities. The authors suggest the steps to improve the overall efficiency of the system of crime prevention and to facilitate cooperation among responsible agencies.

Key words: interagency cooperation, crime prevention, prevention actors.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Kerimov A. A. Legitimacy of Political Power: Problems, Definition and Key Theoretical Models81

Political power has a number of specific properties, among which the major one is its legitimacy. In modern political science, there is no consensus on the definition of this category. The article analyzes the problem of the definition of legitimacy and discusses the basic theoretical models of legitimacy. On the basis of this analysis, the author identifies factors that delegitimise power, and ways to overcome them.

K e y w o r d s: legitimacy, legitimation, political power, traditional legitimacy, charismatic legitimacy, rational-legal legitimacy, ideological legitimacy, technocratic legitimacy.

Muhametov R. S. Evolution of Party System in Sverdlovsk Region91

Focusing on Sverdlovsk region, the author traces the evolution of the party system. Two stages in the development of the party system of the Middle Urals are distinguished. A multiparty system was characteristic of the first stage, while on the second stage, a dominant party emerged and consolidated. The causes for the development of present party system in Sverdlovsk region are analyzed in detail. Among the relevant factors, the author highlights a conflict among regional elite factions, federal and regional reforms of the electoral system, administrative pressures exercised by regional officials.

K e y w o r d s: political parties, party systems, Regional Council, Sverdlovsk region, the Middle Urals.

INTERNATIONAL RELATIONS

Rybakov S. V. Russian-German Relations on the Eve of the First World War97

The article focuses on the German-Russian relations prior to the war. The author argues that the causes for the First World War accumulated in the course of the nineteenth century. The author highlights that the ideological discourses prevalent in Germany at that period were conducive to conflict and war.

Keywords: Russian-German relations, the First World War, “Memorandum Durnovos”, social Darwinism, Pan-Germanism, colonial expansion, militarism, economic competition, the German Reich, the Allies, Russia.

Muratshina K. G. Russian-Chinese Relations and China’s Position on the Second World War, on the USSR’s Great Patriotic War, and on China’s Anti-Japanese War 112

The author reviews the People’s Republic of China’s distinctive vision of the milestones of the 20th century, namely, the World War II, the Great Patriotic War of the Soviet People and the Chinese People’s Anti-Japanese War. The Chinese view on the Soviet aid to China during the war, the role of the Soviet Union and the role of China in gaining the definitive victory over Nazism, fascism and militarism are also considered. The article outlines the origins and the development of the PRC’s policy to promote these views inside China and all over the world by means of academic, cultural and media discourses. The research and the explanations are based on the analysis of a significant number of sources and the examination of up-to-date development trends.

K e y w o r d s: Russian Federation, People’s Republic of China, interpretation of history, World War II, Great Patriotic War, Anti-Japanese War.

Valiakmetova G. N. Information Security in Asia 128

The author discusses the issues of information security and cyber security in Asia. In the digital age, the large scale information wars and cyberwars are waged on Asian geopolitical arena between the USA and the new Asian centers of global power. The leading Asian states are active in creating the international legal regime of information protection. The author compares the opinions of Russian and foreign experts in oriental studies on information technologies, international relations and security.

K e y w o r d s: Asia, China, the Middle East, information security, cyber security, threats, cyberwar, Internet governance.

Bezborodov Y. S., Suhova O. V. International Law and Monetary Integration in Latin America 136

The article examines the different approaches in the international law to the definition of integration, its causes and motives. Integration is seen by the authors in two aspects, namely, as a process and as a result. In this

regard, integration results in creating a certain space, a territory in which the integration processes occurred, and simultaneously in establishing the institutional framework to manage the integration process. The authors argue that noticeable reduction in a number of currencies in the world signals the objective character of policy trends towards monetary integration. The conclusions are based on the analysis of monetary integration in Latin America.

Key words: integration, Latin America, international law, monetary integration.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY

Pyryanova O. A. Approaches to Studying Sexuality: From Sigmund Freud to Michel Foucault143

In the article, methodologies developed by S. Freud and M. Foucault in their investigation of sexuality are analyzed. S. Freud's view of sexuality focuses on vitalistic and individualistic character of sexuality, which is subject to restriction by social normalization. M. Foucault, on the other hand, regards sexuality as an inseparable component of the subjectivity, which is constituted in its totality by the discursive order that subjects it to control of the power-knowledge system.

Key words: discourse, masculinity, methodology, sexuality, femininity, Sigmund Freud, Michel Foucault.

Simanuk E. E. Top Management's Responsibility in Educational Institutions: Psychological Aspects....155

The article discusses the phenomenon of responsibility and explores the factors of its development in personality. Regulatory-dynamic and motivational-meaningful dimensions of responsibility are explicated. The paper is based on the findings of empirical study of psychological components of responsibility among the heads of educational institutions in Ekaterinburg. The author demonstrates that responsibility traits are dependent on the individual's length of service in the administrative capacity.

Key words: accountability, responsibility of the psychological components, regulatory and dynamic component, motivational and semantic component, ergic-aergic, sthenic-adynamic, internality-externality, meaningfulness, awareness, objectivity-subjectivity.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Blagovestniy M. B. Ancient Origins of Ontopsychological Philosophy164

The article explores the relationship between ontopsychological philosophical theory and traces its origins to Parmenides and Aristotle. It demonstrates in detail the continuity of the basic concepts in philosophies of Parmenides and Aristotle with those in ontopsychological philosophy. Such notions as the one, being and nothing stem from Parmenides, while such notions as essence, matter, form, accidents are derived from Aristotle. The author argues that these concepts and their interpretation in Meneghetti are evidence for ancient sources of ontopsychology.

Key words: Ontopsychology, ontopsychological philosophy, metaphysics, ancient philosophy, being, existence, matter, form, Onto In-se.

Emelyanov B. V. Memorial Candle of Abba Mark: To the 150th Anniversary of M. A. Novoselov171

The article is devoted to the life and work of the famous Russian religious enlightener M. A. Novoselov, the creator of one of the first Tolstoyan Agricultural Communes, the publisher of the "Religious Philosophical Library", the head of the Circle of the People Looking for Christian Enlightenment, and the prominent figure of the "catacomb" church.

Key words: Tolstoyan Movement, Christian Enlightenment, Orthodox Church, Synod, Imiaslavie.

UNIVERSITY LECTURE

Pivovarov D. V. Notion of Matter: A Lecture.....180

In this lecture, the author discusses one of the central philosophical problems — the ontology of matter, and briefly considers the modern scientific view on the diversity of forms of matter (a substance, a field, a virtual vacuum, etc.). The essence of philosophical materialism is defined, and then, in a chronological order, a range

of definitions of matter such as a universal substratum, a substance and an objective reality are expounded. The relations among the notions of “matter”, “form” and “content” are explicated.

K e y w o r d s: field, universal substratum, entelechy, form, contents, substance, matter as an objective reality.

OBITUARY194

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2015
№ 1 (137)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 16.03.2015. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 16,6. Усл.-печ. л. 16,74. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 141.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
 - а) шрифт – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5. Поля – все по 2 см;
 - б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук – философских, социологических, политологических, культурологических или экономических – они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например: [1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru